А. М.
ЖЕМЧУЖНИКОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

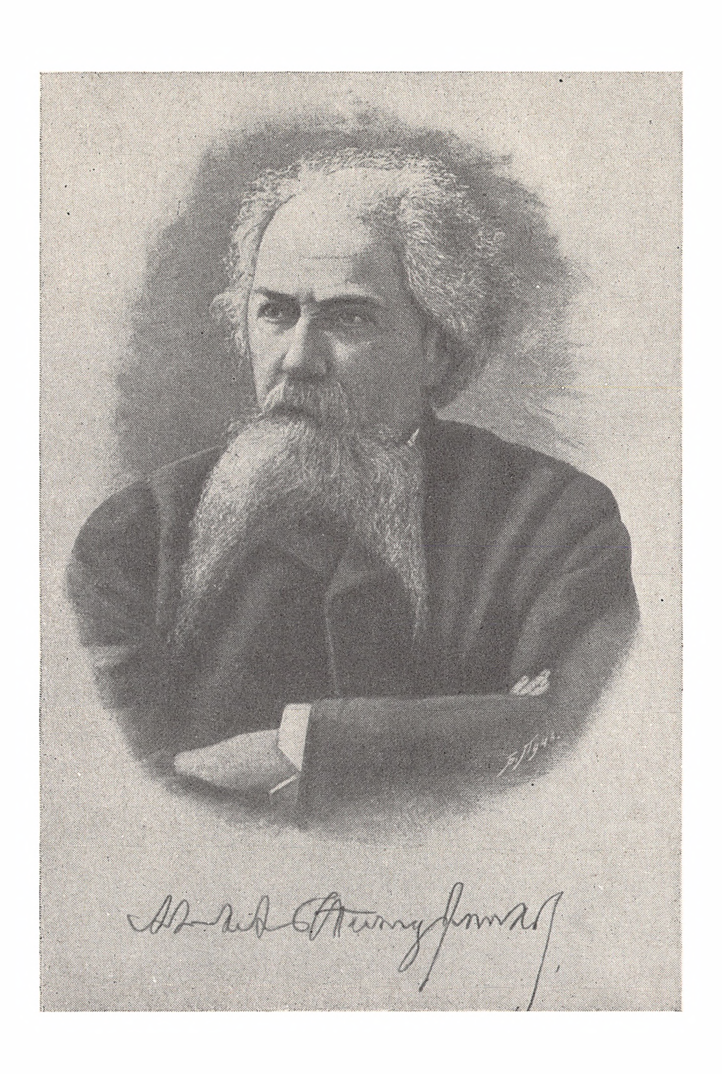
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Е. Покусаева

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД · 1963

Р 1
Ж 53

Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908) — интересный поэт второй половины XIX века, один из авторов сочинений Козьмы Пруткова. А. М. Жемчужников в течение полувека выступал с оригинальными стихотворениями, печатавшимися в некрасовском «Современнике», «Отечественных записках», «Искре» и других лучших русских журналах. Настоящий сборник представляет с необходимой полнотой творчество поэта — его сатиру, лирику, поэмы и стихотворные сцены. В сборнике печатаются некоторые неопубликованные стихотворения А. М. Жемчужникова, тексты освобождены от цензурных искажений и произвольных сокращений. В книге использованы архивные и малоизвестные материалы, всесторонне освещающие жизнь и творчество поэта.



АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЖЕМЧУЖНИКОВ

1

Однажды Чернышевский заметил, что странно выглядела бы география, изучающая только Эльбрусы и Монбланы. Нечто подобное можно сказать и об истории художественной литературы, в частности поэзии. В русской поэтической культуре нового времени Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Некрасов возвышаются, словно величественные горные вершины. Но чтобы получить правильное и полное представление о «географии» русской поэзии, необходимо знать и горы поменьше, возвышенности и холмы, образующие плато, все более или менее значительные подступы к вершинам.

А. М. Жемчужников — поэт второго ряда, почти незнакомый широким кругам читателей. Вернее, он известен с одного, так сказать, боку — как соавтор популярных сочинений Козьмы Пруткова. Дарование Жемчужникова-сатирика ярко выразилось в этом блестящем коллективном создании. В наследии поэта сатирическим и юмористическим произведениям принадлежит одно из первых мест. После того как Козьма Прутков завершил свое «жизненное» поприще, Жемчужников продолжал — и очень деятельно — писать стихотворные сатиры. Колкие и остроумные, многие из них не уступали собственно «прутковским», а иные превосходили их глубиной содержания, живостью и остротой откликов на политическую злобу дня. В ряду русских поэтов-сатириков, некогда сотрудничавших в современниковских «Литературном ералаше» и «Свистке», в «Искре», Жемчужников — наиболее активно и продолжительно действующий автор, до конца века не утративший энергии и общественной целеустремленности обличений. В 80-х и 90-х годах

прошлого столетия он, пожалуй, самый видный в русской поэзии последователь Некрасова-сатирика.

Но несомненно также, что Жемчужников обладал незаурядным лирическим талантом. И опять-таки лучшие его вещи этого ряда написаны в духе гражданской лирики. Жемчужникова, по его собственному признанию, тянуло к гражданственной поэзии. Самым сильным и оригинальным ее выражением в «эпоху пробуждения ума и совести» (так поэт уважительно именовал 60-е годы) он считал некрасовскую музу «мести и печали». Жемчужников стал ее искренним почитателем. Политические стихи и поэмы, философская, пейзажная и любовная лирика составляют значительную часть творческого наследия поэта. Но произведения этих жанров уж почти совсем неизвестны современному читателю.

Литературная судьба поэта сложилась нелегко. Писать стихи он стал рано, еще в 30-х годах. Впервые же в печати появился только в 1850 году. И даже после того, как «прутковские» пародии доставили Жемчужникову некоторую известность, он писал и печатался мало и редко. По разным причинам в его творчестве были длительные перерывы. К систематическим литературным занятиям он, по существу, приступил в 70-е годы. С этого времени стихи поэта более или менее регулярно появляются на страницах «Отечественных записок», «Вестника Европы» и других журналов, и литература становится его профессиональной деятельностью. Жемчужников едва ли не единственный пример одаренного русского поэта, издавшего свое собрание стихотворений лишь на семьдесят первом году жизни. А ведь не кто другой, как Некрасов, еще в 1869 году уговаривал поэта подготовить к печати собрание стихотворений и предлагал свою помощь. Находившийся за границей Жемчужников не мог осуществить эту идею. «Мне надо их собрать, — писал он И. С. Тургеневу, — а потом я хочу их просмотреть, исправить и просеять, так сказать, сквозь мелкое сито».[1] В 1892 году Жемчужников наконец решается издать двухтомник стихотворений. Затем через восемь лет выходит новая книга стихов. На склоне жизни поэт, так скромно оценивавший свой творческий труд, приобретает большую популярность. Он избирается почетным академиком (одновременно с Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, А. П. Чеховым и др.). Русская печать громко заговорила о творчестве Жемчужникова (до выхода в свет собрания его стихов пе-

---

[1] Архив А. М. Жемчужникова. Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. Далее — ПД.

чатные отзывы о поэте буквально единичны). Причем критика конца века именно Жемчужникова объявила самым видным продолжателем в поэзии традиций русской классики, ее идейности, реализма, верности высоким общественным стремлениям. Случилось так, что в пору, когда русскую поэзию захлестывали волны декадентства, когда журнальные страницы заполнялись стихотворными декларациями больного разочарования и зыбкого туманного эстетизма, ясные, здоровые стихи Жемчужникова, обращенные к вопросам жизни и общественности, сохраняли заветы подлинно идейного творчества.[1]

В 1900 году все газеты (русские и зарубежные) обошла адресованная поэту телеграмма Л. Толстого: «Очень радуюсь случаю напомнить тебе о себе сердечным поздравлением с твоей твердой и благородной пятидесятилетней литературной деятельностью. Поздравляю себя с тоже почти пятидесятилетней с тобой дружбой, которая никогда ничем не нарушалась».[2]

Возбуждающий литературное честолюбие фейерверк лестных эпитетов не вскружил голову поэта. Он не утратил трезвой самооценки им сделанного. В стихотворении «Завещание» с подкупающей искренностью и скромностью Жемчужников писал:

Меж тем как мы вразброд стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобрал его, лежавшее в пыли,
И с той поры несу, возвысив над толпою.
Девиз на знамени: «Дух доблести храни».
Так, воин рядовой за честь на бранном поле,
Я, счастлив и смущен, явился в наши дни
Знаменоносцем поневоле.

Конечно, Жемчужников «воин рядовой», но, несомненно, в числе талантливых мастеров русского слова, пусть и «поневоле», он —

---

[1] Вот, на выдержку, несколько распространенных в 1890-е и 1900-е годы отзывов о значении поэзии А. М. Жемчужникова: «Последний могикан идейной поэзии» («Наблюдатель», 1893, № 8, стр. 106—118), «Поэт „забытых слов"» («Русская мысль», 1892, № 7, стр. 96), «Поэт-гуманист» («Вестник воспитания», 1900, № 3, стр. 76—93), «Маститый поэт-гражданин» («Русское богатство», 1892, № 7, стр. 22—30), «Поэт бодрого лиризма» («Русские ведомости», 1896, № 37, 7 февраля), «Уцелевший колосс доброй старой русской литературной нивы» («Россия», 1900, № 287, 11 февраля), «Последний могикан русского парнаса» («Слово», 1908, № 415, 26 марта), «Певец гражданской чести» («Сын отечества», 1900, № 41, 10 февраля).

[2] Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 72. М., 1933, стр. 302.

знаменосец идейной поэзии в конце богатого сильными поэтическими талантами XIX столетия; и стал им не по слепому случаю, а в силу внутренних достоинств своего социально направленного творчества.

Советское литературоведение восстановило в правах имена многих поэтов, сверстников и современников Жемчужникова, не только равных ему по значению, но и гораздо более скромных. Между тем Жемчужников по-прежнему несправедливо забыт. Не только в вузовских учебных курсах, но и в академической истории русской литературы Жемчужников бегло упоминается лишь как участник прутковского кружка. «Поэт, находившийся в русле некрасовского направления», как правильно сообщает о Жемчужникове автор обзора «Поэзия шестидесятых годов»,[1] странным образом затем полностью выключается из истории русской поэзии. Отсутствует имя Жемчужникова и в главе «Поэзия 70—80-х годов», между тем как в том же академическом труде находится место для А. П. Барыковой и О. Н. Чюминой, в стихах которых педантично регистрируются микроскопические «некрасовские» влияния, или для совсем уж безвестных И. А. Бойчевского и Ф. Ф. Филимонова.[2]

В монографии, специально рассматривающей творчество поэтов некрасовской школы, «ветеран социальной поэзии», как справедливо аттестовали Жемчужникова еще в старом курсе истории литературы,[3] даже не назван.[4] И это несмотря на то, что о нем как о поэте родственного художественного направления весьма положительно отзывался сам Некрасов.

2

Алексей Михайлович Жемчужников родился 10 февраля 1821 года в местечке Почеп, Черниговской губернии.[5] В биографических справках о поэте обычно указывалось, что «он принадлежал к старинному дворянскому роду, богатому и с большими свя-

[1] «История русской литературы», т. 8, ч. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 24.

[2] «История русской литературы», т. 9, ч. 1, стр. 428—430.

[3] «История русской литературы XIX в.», т. 5. М., Изд-во «Мир», 1911, стр. 297—309.

[4] См.: А. М. Еголин. Некрасов и поэты-демократы 60—80-х годов XIX в. М., 1960.

[5] См. собственноручно заполненную анкету в Рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (собрание П. Л. Вакселя).

зями». Прочитав приведенные строки в «Истории русской словесности» П. Н. Полевого, поэт взял под сомнение определение «богатый».[1] Завершивший свой жизненный путь сенатором, отец поэта — Михаил Николаевич Жемчужников — в молодости был адъютантом Аракчеева. Его возмущало грубое и высокомерное обращение всесильного временщика с подчиненными. Он просил о переводе на строевую службу и в 24 часа был выслан из столицы на Кавказ.[2] Эти рассказы запали в душу будущего поэта:

Нередко слыхивал я в детские лета
Рассказы о творце военных поселений.
Вот он действительно казарменный был гений...
...Дух аракчеевский, дух дикий произвола,
Средь детских игр моих пугал меня не раз.

(«Новая вариация на старую тему»)

Никакого особого свободомыслия отец Жемчужникова, тогда еще молодой офицер, не проявлял, но он дорожил независимостью, человеческим достоинством. Участник Отечественной войны 1812 года, М. Н. Жемчужников впоследствии занимал пост гражданского губернатора в Костроме и Петербурге.[3]

До четырнадцати лет будущий поэт воспитывался дома. Подолгу жил в орловском имении отца, с детства полюбив «великорусскую природу за скромность, за простор, за тишину». Рано пробудились литературные увлечения:

Я уж тогда был друг природы,
Уже тогда я был поэт.

(«Звуки старины далекой»)

Поэт благодарно вспоминал домашние занятия, семейные вечера с пением матери, с чтением вслух произведений любимых авторов.

Обращает на себя внимание несколько экзальтированная религиозная настроенность мальчика, о чем можно судить по письмам его к отцу (например, от 18 августа и 2 сентября 1835 года, —

---

[1] Центральный гос. архив литературы и искусства, архив А. М. Жемчужникова, ф. 639. Далее — ЦГАЛИ.

[2] А—р Жемчужников. О покойном отце. ПД. Ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1023; Л. М. Жемчужников. Записки В. М. Жемчужникова. «Вестник Европы», 1899, № 2, стр. 654.

[3] «Русский биографический словарь», Пг., 1916, стр. 28.

ЦГАЛИ). Вспоминая «отрочества лета», Жемчужников взволнованно, как и М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине», писал о раннем знакомстве с Евангелием, пробуждавшим тревожное ощущение несправедливости окружающего мира:

В слезах я пламенно молился,
Без слов, о чем не зная сам.
С насильем жизни подневольной
Вседневно шла во мне борьба;
И жутко было мне, и больно,
Что так действительность груба.

(«Прежде и теперь»)

Потом «пришло чредой законной размышленье», анализ, сомненье, иссяк, по словам поэта, источник «слез молитвенных».[1] В 50-е годы Жемчужникову — автору поэмы «Мой знакомый» — цензурные чиновники предъявят даже обвинение в атеизме. И все же в лирике Жемчужникова, особенно на склоне жизни, религиозным мотивам будет принадлежать заметное место.

После смерти матери детей определили в казенные заведения. Алексей зачисляется в Первую санкт-петербургскую гимназию, затем вскоре становится воспитанником только что основанного (1835) Училища правоведения. Наряду с царскосельским Лицеем это было учебное заведение для избранных. Из питомцев его рекрутировалась высшая чиновная знать империи, вплоть до министров. Но из недр этого рассадника «государственных младенцев» вышли и люди иных склонностей: достаточно назвать имена прославивших Россию музыкантов П. И. Чайковского и А. Н. Серова, талантливейшего художественного критика В. В. Стасова. В их ряду надо назвать имя Жемчужникова. В годы обучения (1835—1841) складывались взгляды его на жизнь и общество, вырабатывался характер. Это было время удушающей все живое николаевщины, но также и время напряженных идейных исканий передовых сил страны, время, когда не по дням, а по часам росло влияние русской литературы. Обстановка, сложившаяся в училище помимо казенного уклада и устава, по крайней мере в первые годы, благоприятствовала серьезному идейному самовоспитанию

[1] В «Записной книжке» (1889—1891) поэт отмечал: «Религиозность в детстве — важный элемент для всей жизни в будущности, хотя бы после эта религиозность совсем исчезла (пример моей религиозности в детстве и юности). Отсутствие религиозности в детстве должно быть заменено чем-нибудь другим» (ЦГАЛИ).

ищущей части молодежи. Очень проникновенно писал об этом В. В. Стасов (он учился здесь почти в одно время с Жемчужниковым — в 1836—1843 годах): «Я помню, с какою жадностью, с какою страстью мы кидались на новую книжку журнала «Отечественные записки»... Все первые дни у нас только и было разговоров, рассуждений, споров, толков, что о Белинском да о Лермонтове. Большинство чудных мелких пьес этого последнего мы сейчас же знали наизусть. Белинский же был решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени».[1]

В «Автобиографическом очерке» Жемчужникова мы находим несколько иную характеристику училищной жизни. «Дух училища, — писал он, — в мое время был превосходный. Этим духом мы были обязаны не столько нашим профессорам, между которыми были очень почтенные люди, но Грановских не было, сколько самому основателю и попечителю нашего училища — принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Он, своим личным характером и обращением с нами и нашими наставниками, способствовал к развитию в нас чувства собственного достоинства, человечности и уважения к справедливости, законности, знаниям и просвещению».[2] Самое содержание и смысл, лексика и даже тональность приведенных высказываний наглядно демонстрируют отличие либерально-дворянской точки зрения и демократической, стасовской. Жемчужников охотно называл себя человеком 40-х годов, выучеником эпохи Грановского. Таким и формировался он в юношеские годы: честный законник и либерал, свободомыслящий просветитель, гуманист, искренний враг крепостничества.

Революционных идей Жемчужников не разделял, не увлекался ими даже на короткий срок и в молодости. Забегая вперед, скажем, что никаких враждебных суждений о Белинском и Герцене или позже о Чернышевском и Добролюбове поэт никогда не высказывал. Более того, он вполне оценил значение этих людей как «властителей дум» поколений. Но замечательно, что в то же время он не упоминает о них как о духовно, идейно близких ему современниках.

Все же отмеченное В. В. Стасовым воспитательное воздействие поэзии Лермонтова и освежающего критического слова Белинского

---

[1] В. В. Стасов. Училище правоведения сорок лет тому назад. Избранные сочинения, т. 2. М., 1952, стр. 384.

[2] См. ниже, стр. 63.

поэт, несомненно, испытывал. На школьной скамье формировалась та, пусть еще и не глубокая в своих истоках, оппозиционность, которая подготовляла автора первых «прутковских» сатир:

И юности во мне так живы впечатленья!..
Какой-то серый тон... немая тишь да гладь...
Лишь громко заповедь звучит: «Не рассуждать!» —
Основа главная отечеству служенья.

(«Новая вариация на старую тему»)

Жемчужников с душой отдавался творческим занятиям. В набросках автобиографической повести он писал: «Можно сказать, что наше действительное образование мы приобретали помимо образования казенного и даже вопреки его заботам о нас. Как одни в стенах учебных заведений курили тайком, так другие тайком просвещались. И за обнаруженную запрещенную книгу конечно угрожала несравненно большая кара, чем за плохо припрятанные папиросы» (ЦГАЛИ).

По юношеским письмам поэта видно, что читалось и внимательно обсуждалось множество разных книг. В письме к отцу в 1838 году он сообщал: «После обеда я, Тариновский и Арцимович читаем Шекспира; его трагедии неподражаемы. Сколько чувства! Как все умно. Какое прекрасное соединение трагизма с комизмом» (ЦГАЛИ). Усердно изучались сочинения русских (Пушкин, Грибоедов, Гоголь, Лермонтов) и зарубежных писателей (Гете, Шиллер, Гейне, Вальтер Скотт, Жорж Санд). Увлекавшиеся литературой и искусством воспитанники училища, по свидетельству Стасова, штудировали трактаты Дидро и Лессинга, статьи об искусстве в русских журналах. К жарким эстетическим спорам был причастен и Жемчужников.

Помимо чтения, все свободное время поглощало стихотворство. Писал Жемчужников «немало», помещая стихи в рукописном журнале, одним из редакторов которого был сам. В юношеских стихах поэта много заемного, несамостоятельного, что и естественно. Юный автор подражает Жуковскому. Особенно часты — к концу выпуска — перепевы лермонтовских мотивов.

Важную роль в духовном развитии поэта играли живые впечатления от окружающей его в юношеские годы социально-бытовой среды. Конечно, круг наблюдений еще сравнительно узок: дом губернатора в Костроме, орловское поместье, училище, дачи в окрестностях Петербурга...

Аристократическая родня, светские знакомства, обеспеченность, видное положение отца — все это не очень-то способствовало воз-

буждению в юноше общественного критицизма, скорее наоборот — было способно его усыпить. Однако в сознании начитанного, развитого, уже кое-что узнавшего о социальных антагонизмах Жемчужникова гнездились мысли, далекие от традиционно дворянских.[1] И что характерно, они облекались в иронические, юмористические замечания.

Проза жизни очень скоро открылась Жемчужникову во всей своей расейской крепостнической неумытости. Но чуткость к поэтическому, подлинно прекрасному в природе и человеке сохранится, окрепнет, обогатится эстетикой развитого вкуса, образуя заметную лирическую струю в творчестве поэта.

После окончания училища Жемчужников на службе в Сенате. Этот период он считал самым тяжелым и мрачным в своей жизни.

На время поэту удается ускользнуть от смертельно надоевшей и отупляющей канцелярщины. На два года он прикомандировывается к сенатору Д. Н. Бегичеву (автору романа «Семейство Холмских»), ревизовавшему Орловскую и Калужскую губернии, затем, под руководством отца, участвует в ревизии таганрогского градоначальства. В 1846—1847 годах, получив восьмимесячный отпуск, Жемчужников побывал за границей. Эта «перемена мест» обогатила поэта знанием жизни, позволила «находиться в сношениях, — как он свидетельствовал позже, — со всеми общественными слоями».[2] Перед взором молодого юриста-«законника» николаевская действительность открывала свои настоящие, не прикрытые официальным лицемерием черты: лихоимство, произвол власть имущих, приказное «темное царство» во всем разнообразии его проявлений, от властного окрика значительного лица, самодовольной глупости департаментского чиновника до придавленности и забитости недворянских сословий. Всюду бросался в глаза тяжелый, подневольный быт крепостного люда. Критическая умонастроенность Жемчужникова год от года углублялась. Сгусток таких настроений и дум передан в стихотворении, написанном в 1844 году в Таганроге:

---

[1] В письме к отцу от 2 августа 1838 года Жемчужников восторгается лекциями по политической экономии профессора Уткина («Говорил... умно, приятно, красноречиво и притом ясно и определенно». — ЦГАЛИ). Мемуаристы утверждают, что именно этого профессора принудили прекратить преподавание политической экономии за то, что он высказывал «крамольную» мысль: «Труд свободного человека гораздо производительнее труда крепостного» (И. А. Тютчев. В училище правоведения в 1847—1852 годах. — «Русская старина», 1885, № 12, стр. 671).

[2] См. ниже, стр. 61.

Сенат! .. Чредой докучной проходили
Там дни мои; там средь бумаг и дел
К поэзии душой я охладел
И жил, как мышь, в слоях архивной пыли...
О, если ждет меня за гробом ад, —
Я возношу одно, одно моленье:
Чтоб не был дух мой заключен в Сенат, —
Все прочие перенесу мученья.

В подкладке этой язвительной шутки скрывались неподдельные горечь и досада. Казенно-служебная проза действительно теснила творчество.

С той же язвительностью и иронией рисует он «свет» — другую жизненную сферу, где приходилось в молодости постоянно вращаться:

В столице — там в пирах проводит годы
И нежится роскошный сибарит;
Там молодежь скучает иль следит
За прихотью цариц забав и моды;
Там — горды все; но низкого льстеца
Презрительным никто не встретит свистом;
Под маскою — не узнают лица;
Успех во всем холодным эгоистам.

После «Евгения Онегина», после облитого горечью и злостью «железного стиха» Лермонтова молодой поэт мало что нового прибавляет к характеристике светского общества. Однако все дело в том, что в цитированных строках выражено *свое,* прочувствованное и продуманное, отношение к знатной черни. И оно созвучно настроениям лучших людей эпохи Лермонтова и Белинского.

С 1849 года Жемчужников служит в Государственной канцелярии, через несколько лет он помощник статс-секретаря Государственного совета, — крупный пост, суливший блестящую карьеру. Но в 1858 году, к немалому удивлению сослуживцев и светских знакомых, Жемчужников выходит в отставку. Он без сожаления расстается с некогда занимавшими его планами сделаться «государственным человеком» и с придворным званием камер-юнкера. Этот крутой поворот в жизни поэта намечался исподволь. Год от году росло критическое отношение к тому, что чиновники называли «делом». При всей либеральной расплывчатости усвоенных в 40-е годы «добрых начал», и в их свете резко выступало кре-

постническое беззаконие. Душевная отзывчивость, чувство справедливости отвращали от проторенного пути самоуспокоенности, равнодушия и эгоистических расчетов. Поэт нашел в себе силы, как он заявляет в «Автобиографическом очерке», «обернуться задом ко всему прошлому и пойти другой дорогой». Немалую роль в этом сыграла давняя привязанность к литературному творчеству. Именно в нем Жемчужников находил убежище от тягостного однообразия службы и светской пустоты. Это были, по словам поэта, «более или менее продолжительные светлые промежутки», подготовлявшие грядущую жизненную перемену. Поддержку своему писательству Жемчужников находил в ближайшем родственном и дружеском окружении. Его дядя А. А. Перовский под псевдонимом Антоний Погорельский опубликовал известный в свое время роман «Монастырка» (1830—1833). Увлечение поэзией питало дружбу Жемчужникова с двоюродным братом Алексеем Константиновичем Толстым, который выступил в печати в 1841 году. «Одна из счастливых эпох моей жизни, — писал А. К. Толстой в 1869 году Жемчужникову, — это та, когда мы читали вместе Гомера».

Пустынька — имение А. К. Толстого под Петербургом — было излюбленным местом встречи друзей, которые чувствовали отвращение к «чиновнизму» и «капрализму». [1] В кружке Толстых — Жемчужниковых (помимо Алексея, писанием стихов, пьес для домашних спектаклей занимались его младшие братья Александр и Владимир Жемчужниковы) царила атмосфера непринужденного веселого сочинительства. Даровитые молодые люди писали смешные пародии и водевили поначалу без каких-либо серьезных намерений. Это была остроумная игра, литературное забавничество, средетво рассеять скуку. Но именно в этом кружке возник Козьма Прутков — сатирический образ тупого николаевского чиновника-службиста и виршеплета, проникнутого самопочтением к своей особе и своему «гению». Вслед за А. К. Толстым А. Жемчужников укреплялся во мнении, что надо «жить вне мундиров и парадов», вместе с другом своим он мог воскликнуть: я «не чиновник, а художник». [2]

В 1850 году А. Толстой и А. Жемчужников написали комедию «Фантазия». В ней высмеивались распространенные тогда на сцене развлекательные водевили и эффектные мелодрамы с кричащими, запутанными сюжетами вроде того, который пересказывается в заключительном монологе героя комедии Кутило-Завалдайского.

---

[1] «Из переписки гр. А. К. Толстого. 1851—1875». — «Вестник Европы», 1897, № 4, стр. 592.

[2] Там же, стр. 595.

В январе 1851 года пьесу играли на сцене Александринского театра в присутствии Николая I. Царь остался недоволен спектаклем, ушел до его окончания. «По высочайшему повелению» представление пьесы в театрах было воспрещено. В 1850—1852 годах Жемчужников написал еще две стихотворные комедии — «Странная ночь» и «Сумасшедший». Последняя обратила на себя внимание видных писателей. Н. А. Некрасов писал Тургеневу в ноябре 1852 года: «Сегодня выходит XI № «Современ<ника>», в нем ты найдешь недурную комедию в стихах А. Жемчужникова».[1] О пьесах появились первые печатные отзывы в журналах «Отечественные записки», «Москвитянин», «Библиотека для чтения». Публикацией одноактной комедии «Странная ночь» в «Современнике» в 1850 году положено начало выступлениям поэта в печати.[2]

В 1854 году в юмористическом отделе «Современника» были напечатаны «прутковские» басни, стихи-пародии, анекдоты. По словам корреспондента, лично знавшего поэта, Жемчужников был своего рода капельмейстером в том маленьком оркестре писателей, которые «обессмертили» себя под коллективным псевдонимом Козьмы Пруткова.[3] В середине 50-х годов ширятся литературные знакомства получившего известность поэта.

В годы Крымской войны А. Жемчужников, как и А. Толстой, был захвачен патриотическим движением. Он откликнулся стихотворением «К русским». По своему содержанию, тону и лексике в духе официальной патетики оно мало чем выделялось из массы опубликованных в те годы журнально-газетных произведений так называемой «барабанной» поэзии, и сам автор не пожелал включить его в собрание стихотворений.

Стихи Жемчужникова все чаще стали появляться на страницах тогдашних толстых журналов. В 1857 году поэт печатает обратившие на себя внимание обличительные стихи:

Мы долго лежали повергнуты в прах,
Не мысля, не видя, не слыша;

---

[1] Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. 10. М., 1952, стр. 184.

[2] Во вступительной заметке к книге «А. Жемчужников. Избранное» (Тамбов, 1959) без каких-либо оснований утверждается, что Жемчужников выступил в печати в 1841 году, и якобы в журнале «Отечественные записки» (см. стр. 3). «Первое мое сочинение в печати, — заявлял сам Жемчужников в ответ на вопрос анкеты, — комедия «Странная ночь» 1850 г. и стихотворение «Притча о сеятеле и семенах» 1851 г.» (Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собрание П. Л. Вакселя).

[3] «Северный курьер», 1900, № 99, 10 февраля.

Казалось, мы заживо тлеем в гробах;
Забита тяжелая крыша...

*(«Мы долго лежали
повергнуты в прах...»)*

Так «расквитался» поэт с николаевским режимом в идейном плане; своим же добровольным уходом с чиновничьей службы он рассчитался с ним и, так сказать, общественно. О демонстративном характере своей отставки он намекнул печатно в публицистической статье, сказав, что охотно подарил слуге, предварительно споров пуговицы, вицмундир и таким образом сложил с себя «узы и светские и официальные». [1]

3

О жизни и деятельности своей после отставки Жемчужников отзывается как о «времени сосредоточенности, размышления и критики». Он покинул Петербург, поселился в Калуге, где счастливо женился, потом несколько лет жил в Москве. Его радостно возбуждает «полная свобода частной жизни». Устанавливаются тесные связи с «обществом писателей и со многими, — как он сам писал, — лучшими представителями сороковых годов». Позже, набрасывая список своих знакомств, Жемчужников выделил тех писателей, публицистов, людей мыслящих, которых он «не только уважал, но и любил». Среди них — В. А. Арцимович, А. К. Толстой, И. С. Аксаков, В. Ф. Одоевский, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, В. С. Соловьев, Е. П. Оболенский, С. А. Юрьев, С. М. Сухотин (ЦГАЛИ).

Идейно-общественная позиция поэта в пред- и пореформенные годы довольно отчетливо вырисовывается как либеральная. Он благожелательно принял правительственную программу «освобождения крестьян», наивно верил, что «недавние чиновники и владетели душ» скоро преобразятся в «доблестных граждан своей земли» («Автобиографический очерк»).

В нас сердце забилось, дух жизни воскрес, —
    И гимном хвалы и привета
Мы встретили дар просиявших небес
    В рождении слова и света!..

[1] «Русский вестник», 1858, февраль, кн. 1, стр. 758.

В журналах слагались либеральные панегирики «новой эре», ее «венценосному вождю». Такие настроения, однако, поэт разделял недолго. Знавший хорошо правительственные круги, он увидел там сильных противников реформ. Восторги сменились недоумением, потом горечью, скепсисом, протестом. Но и после того как орган революционной демократии «Современник» и демократическая Россия презрительным молчанием или яростными проклятьями встретили «положение 19 февраля 1861 года», после того как сам народ бунтами недвусмысленно выразил недовольство «освобождением», после того как выяснился полукрепостнический характер других правительственных реформ, Жемчужников не сомневался в мудрости и великом историческом значении совершенных перемен. Он был убежденным «реформистом». Своей сознательной задачей на всю жизнь он поставил борьбу с политической реакцией, со всеми, кто, так сказать, справа — в правительстве и вне его — враждебно относился к «благим началам» осенившего Россию в 60-е годы прогресса. Он считал также, что другая важная причина, тормозящая развитие России на путях «законности», «справедливости» и «просвещения», заключена в темноте народа, в его гражданской неразбуженности, вообще в гражданской невоспитанности и неразвитости русского общества. Подобно другу своему Тургеневу, поэт считал себя «западником». «Я убедился на опыте, — писал он в «Автобиографическом очерке», — в разумности и в высоком нравственном значении многих сторон западноевропейского быта и проникся глубоким к ним уважением и сознательным сочувствием». Как можно судить по некоторым высказываниям Жемчужникова, ему не были чужды — и в 60-е годы, и позже — упования на учреждение конституционного правления. Во всяком случае, полное политическое единомыслие было у поэта с другом своей юности, либеральным калужским губернатором В. А. Арцимовичем. О «началах его управления», столь приближающих Россию к «увенчанию здания», поэт написал в 1860 году специальную статью (ЦГАЛИ).

Следует вместе с тем подчеркнуть, что в среде идейно близких литераторов Жемчужников всегда сохранял определенную независимость мнений и взглядов. Он остался холоден, если не просто враждебен, к «аристократической оппозиции»[1] А. Толстого; поэт не разделял его апологетических взглядов на Киевскую и Новго-

---

[1] О мировоззрении А. Толстого см. вступительную статью И. Г. Ямпольского к книге: А. К. Толстой. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1958, стр. 16—18.

родскую Русь, был вполне равнодушен к культу романтизированного феодализма. Свое философско-историческое мироощущение он определял словами: «средний русский человек», «либерал». Впрочем, для Жемчужникова понятие «либерал» имело свое особое значение. «У нас либерал, — говорил он, — значит просто порядочный, честный человек, не способный идти на компромиссы со своею совестью».[1] В набросках автобиографической повести Жемчужников писал о том, что его место в обществе не на «конечностях» («богатство», «знатность» — «бедность», «униженность»), а в «центре». «Мне равно близки общества придворное, чиновное, великосветское, литераторов, художников. Мне были равно доступны дворцы, скромные семейные квартиры, бедные комнаты в пятом этаже вход со двора, и деревянные старые одноэтажные домики в отдаленных линиях Васильевского острова. Кроме того, я имел неоднократные случаи ознакомиться с провинциальным общественным бытом и с условиями жизни в деревне как во время крепостного права, так и после освобождения крестьян» (ЦГАЛИ).

Думается, что это разнообразное и, так сказать, интимное знакомство с жизнью страны решительно уводило поэта от идей дворянско-аристократической исключительности. А. Толстой, враг бюрократического деспотизма, не скрывал своей враждебности к революционной идеологии, писал сатиры против «нигилистов», отрицательно относился к демократии, материализму и социалистическим теориям. Жемчужников тоже не принимал революционных доктрин и учений. Но никакого сколько-нибудь активного противодействия им у него не замечалось. Жемчужников поддерживал отношения с деятелями литературы, стоявшими на самом левом ее фланге, вместе с ними воевал против реакции, охотно сотрудничал в демократических органах. По выражению одного из позднейших критиков поэта Л. Медведева, «в парламенте поэтической республики, в борьбе поэтических партий Алексей Михайлович поместился на левом крыле, лидером которого состоял знаменитейший из его сверстников Н. А. Некрасов».[2]

Характерны статьи Жемчужникова «Переходное время» и «Современный просветитель народа». Эпиграфом к первой поэт поставил некрасовские стихи: «Наперечет сердца благие, Которым родина свята» («Поэт и гражданин»). В статье метко и зло обрисованы типы старой, крепостнической России, особенно из верхушечного

---

[1] См.: Кир. Левин. А. М. Жемчужников. — «Сын отечества», 1900, № 40, 9 февраля.

[2] «Курьер», 1900, № 41, 10 февраля.

светско-придворного круга, и заключалась она решительными словами: «Если мы действительно хотим торжества разуму и чести, если мы искренно чувствуем необходимость этого торжества для спасения нашего общества, мы должны возненавидеть и тупоумие, и подлость непримиримою, беспощадною, жгучею ненавистью».[1] Во второй статье поэт высмеивает, как это позже сделает Салтыков-Щедрин, стремление титулованного автора кн. С. П. Голицына подделаться под «народный толк», «просветить» мужиков в духе патриархальной полукрепостнической азиатчины. «Мы пламенно желаем, — писал в заключение Жемчужников, — появления дельной, добросовестной народной литературы».[2]

В статье «После смерти Сергея Тимофеевича Аксакова» Жемчужников говорил о трагической судьбе отечественных писателей словами, близкими к герценовским (в «Развитии революционных идей в России»).

Русские писатели, «одаренные гениальностью или особенною талантливостью, — писал он, — умирали слишком раннею, преждевременною смертью. Иные из них покидали нас внезапно, не допев своей песни и не успев поведать нам любопытную тайну своего миросозерцания; другие, сгорая внутренним огнем, угасли среди мучительной глухой борьбы, униженные и поруганные; их задавило бремя громадного невежества, непобедимого тупоумия, наглой лжи и грубой силы, им и по смерти не давали покоя. Память этих благородных жертв возбуждала зависть и поносилась самыми скверными устами». Поэт не назвал имен, но читателям нетрудно было вспомнить Рылеева, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Кольцова, Белинского, Гоголя. Тем более что автор статьи далее негодующе писал, что безвременно погибших художников обвиняли в недостатке «любви к отечеству». Воздух был «смраден и омерзителен»; всякие гады обладали «неимоверною живучестью», а «человеку не жилось»; бесчинствовали проповедники того «патриотизма», который поддерживался соревнованием юркого ума с наглостью чувства.[3]

Важно отметить и то, с каким уважением, с каким добрым чувством встретил Жемчужников (и его братья Владимир, Александр и Лев) возвратившегося из ссылки великого украинского поэта-революционера Т. Г. Шевченко. В 1860 году Жемчужников

---

[1] «Переходное время. 1. Физиономии и силы». — «Русский вестник», 1858, февраль, кн. 1, стр. 775.

[2] «Современный просветитель народа». — «Русский вестник», 1858, май, кн. 2, стр. 153.

[3] «Московские ведомости», 1859, № 112, 13 мая.

подготовил вступительную заметку к известному автобиографическому письму опального кобзаря в редакцию «Народного чтения». «Тарас Григорьевич Шевченко, — писал он, — к сожалению, до сих пор весьма мало известен нашему обществу. Это происходит отчасти потому, что он писал на малороссийском наречии, отчасти же по другим причинам, которые известны у нас под названием причин, от редакции не зависящих. Тарас Григорьевич, пользующийся известностью как талантливый живописец, особенно замечателен как поэт. Его изящная и благородная натура выразилась в стихах, дышащих поэтическою свежестью и проникнутых честностью и чистотою убеждений. Но, кроме того, многие из его стихотворений носят на себе отпечаток сердечной боли и грусти, имеющей свое основание не столько в свойстве его характера, исполненного юмора и не лишенного веселости, сколько в глубоко грустных и мрачных условиях, обставивших его жизнь с самой колыбели. До 24 лет своей жизни он был крепостным человеком, следовательно, его детство, его юность, то есть лучшие годы, были проведены в сфере, где умственное и нравственное развитие или вовсе невозможно, или возможно только среди непрестанной, упорной борьбы и жестоких страданий. После, будучи уже свободным человеком, он имел несчастье попасть в другую притупляющую среду, в виде наказания наш поэт был сделан солдатом... Теперь время бедствий для него, слава богу, миновало. Крепостное право вычеркнуло одного раба из своих ревизских сказок, а солдатские ряды выпустили из фронта одного рядового; в этом освобожденном рабе и солдате наше общество вновь приобрело человека и замечательного поэта» (ЦГАЛИ).

Этот, насколько нам известно, не попавший в печать отзыв об украинском поэте, отзыв поистине проникновенный и сердечный, — свидетельство прогрессивности позиции Жемчужникова, не только общественной, но и эстетической.

Жемчужников глубоко уважал Некрасова и Салтыкова-Щедрина, считал честью для себя сотрудничать в руководимых ими журналах. Как увидим, поэзия Жемчужникова в 60—80-х годах и по существу находилась в своеобразных идейных контактах с творчеством самых крупных художников революционной демократии. Поэт дорожил и гордился этой связью. Памяти Салтыкова-Щедрина он посвятил одно из лучших своих стихотворений — «Забытые слова». Некрасов для него — величайший авторитет в поэзии, традиции которого он стремился продолжать. Мемуаристы передают характерный случай. Однажды Жемчужников, находившийся в дружеской переписке с Тургеневым, получил от него письмо и тут же

его сжег: оно содержало личные и несправедливо резкие нападки на великого поэта в момент, когда Тургенев был с ним в ссоре.[1]

Честность и мужество отличают занятую поэтом идейную позицию и его поведение в грозовые 60-е годы. Над монархией Романовых сгущались тучи демократической революции. Широкие круги общества наэлектризованы ожиданием близкого взрыва. В эту пору происходили почти сказочные превращения с либеральными литераторами. Многие из них, подобно Каткову и Лонгинову, вначале так рьяно либеральничавшие, круто повернули вправо, к реакции, к тогдашнему черносотенству, ополчились на «партию народа» Чернышевского. Жемчужников не изменил своего отрицательного отношения к официальной, императорской России. Он не запятнал свое имя отступничеством. Он ринулся в схватку с реакцией, с катковщиной. Об этом красноречиво говорят его сатиры, которые ввиду вольности содержания и резкости нападок на защитников реакционного курса правительства не могли увидеть света, распространялись в списках («К портрету Михаила Никифоровича Каткова», «Письмо к С. М. Сухотину в деревню по случаю скушанного им перед отъездом из Москвы персика с косточкою» и другие).

Приятель поэта С. М. Сухотин записал в дневнике под 1861 годом о раздражении «милого и умного Алексея» против дворянства и Каткова.[2] На какой-то момент поэт находит созвучия своему гражданскому негодованию против политических рептилий в острых выступлениях И. Аксакова в газете «День» (1862—1865), сближается с этим талантливым публицистом, не разделяя, однако, его славянофильских убеждений.[3]

В архиве поэта сохранилось письмо М. Н. Лонгинова, являющееся пространным ответом на резко критическое выступление Жемчужникова против его реакционных политических взглядов, его «аристократизма» и крикливых нападок на демократию, его тайной помещичьей симпатии к крепостничеству. Катковствующий литератор запугивает поэта угрозой «мужицкого царства», «диктатуры нигилистов», революционной анархии.[4]

В стихотворении «Сословные речи» (1864) поэт дал отпор дворянской реакции, подчеркнув своекорыстие, сословный эгоизм кре-

---

[1] «Биржевые ведомости», 1908, № 10427, 29 марта.

[2] «Из памятных тетрадей С. М. Сухотина». — «Русский архив», 1894, № 1, стр. 235.

[3] Там же, стр. 239.

[4] Письмо М. Н. Лонгинова А. М. Жемчужникову 1—2 марта 1863 г. — «Литературное наследство», № 22-24. М., 1935, стр. 752—754.

постников, сумасбродное желание «потянуть» Россию назад. Это было последнее в эти годы печатное выступление поэта. В феврале 1866 года он надолго уезжает за границу, живет в Германии, в Швейцарии, в Италии и на юге Франции. Наступает длительный перерыв в его литературной деятельности. Обращает на себя внимание следующий факт. В 1854—1859 годах поэт опубликовал свыше четырех десятков стихотворений, несколько комедий и поэм. А в следующее десятилетие (вплоть до 1869 года) — только одно стихотворение. О причинах столь затяжного молчания, принявшего характер своеобразного творческого кризиса, поэт поведал в автобиографическом очерке.

«Когда, в эпоху новых веяний, — писал он в 1892 году, — я вышел в отставку именно с тем, чтобы иметь право и возможность мыслить и чувствовать с бо́льшею свободою и независимостью, во мне ро́дилось сомнение в дельности моих литературных занятий. Мне казалось, что мои стихи никому не нужны в такое серьезное время. Поэзия на «гражданские мотивы» была бы очень уместна в эпоху пробуждения ума и совести. Я сознавал все высокое ее значение, и меня к ней тянуло; но эти песни пел тогда Некрасов. Они были так сильны и оригинальны, что тягаться с ними я, конечно, не мог, а вторить им, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне. С другой стороны, так называемая «чистая» поэзия, отрешенная от злобы дня, — возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бывает. Но я чувствовал, что моя муза не обладает ни лиризмом, ни красотою, которые я почитал необходимыми принадлежностями чистой поэзии. В то время мои недостатки оказались бы еще заметнее. Вот почему я тогда почти бросил писать стихи...»

В плане субъективном объяснения Жемчужникова вызывают полное доверие; они правдивы, искренни, характеризуют скромность и непритязательность даровитого поэта, в себе самом усмотревшего источники литературного недомогания. Но в признаниях Жемчужникова прежде всего следует подчеркнуть другую, объективную сторону дела.

Жемчужникову недоставало последовательности убеждений, демократической определенности их, чтобы в условиях ожесточенных социально-политических конфликтов и битв продолжать писать в духе боевой некрасовской «гражданской поэзии». Препятствовала этому и нечеткость его литературно-эстетических принципов. Поэт ошибался, когда признавал — и теоретически, и в творческой практике — одинаково правомерным существование «тенденциозной» поэзии и ее антипода — «чистой» поэзии. Жемчужников, есте-

ственно, с особой строгостью должен был отнестись к своим опытам в лирических жанрах. Блестящие «прутковские» пародии на поэтов «чистого искусства», которые он писал с таким увлечением, не могли не развить в нем чувства авторской самокритики.

Поэт не уклонялся от беспокойной злободневности и современности. В 1866 году он подал мысль Тургеневу и М. В. Авдееву издавать в Москве журнал. Но, как следует из письма М. В. Авдеева к Жемчужникову (ЦГАЛИ), последний не доверял своим редакторским способностям. Да и трудно было в тогдашних условиях цензурного террора вести новый журнал по либеральной программе. В свою очередь и семейные обстоятельства Жемчужникова складывались неблагоприятно и понуждали его жить вне России. На какой-то момент поэт предпочел всему прочему «полную свободу частной жизни».

За границей Жемчужников продолжал интересоваться литературой, много читал. Это время особенно тесных идейно-литературных отношений поэта с Тургеневым. Благодаря остроумию Жемчужникова, его образованности, разнообразию интересов, любви к искусству с ним охотно сближались и устанавливали приятельские связи видные современники. Он часто бывал душой кружков мыслящих русских людей. Один из участников кружкового общения, ценивший в поэте «единящую душевную силу», готов был оспорить данную в «Дыме» оценку таким отношениям. «Значение кружков, — писал М. Лопатин поэту, — охаянных Тургеневым, и, быть может, в очень многом справедливо, ждет своего критика и, по малой мере, у нас совсем не разъяснено. Думается часто, смотря на наше образованное существование, что не в них ли, полно, все дело?.. Без этих кружков, интимных размышлений, откровенных чувств и «бесед» — нам ли совладать с нашею средою и устоять при задушевном, своем, устоять в одиночку?» (ЦГАЛИ).

Интенсивную литературную работу Жемчужников возобновил в конце 60-х годов. Он испытывал творческие трудности в связи с оторванностью от русской жизни. «Вдали от родной почвы, — писал Тургенев поэту 3 ноября 1869 года, — долго не напрыгаешься».[1]

Переход «Отечественных записок» под редакцию Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова был поощряющим толчком в литературных трудах поэта. «Мне было бы приятно, — писал он Н. А. Некрасову в январе 1868 года, — попасть в список сотрудников возрождающихся в этом году „Отечественных записок“».[2] В 1868—1872 годах

---

[1] «Русская мысль», 1914, № 1, стр. 134.

[2] «Письма к Некрасову». — «Литературное наследство», № 51-52. М., 1949, стр. 274.

в журнале публикуется много произведений поэта (поэма «Сны», сатира «Неосновательная прогулка», цикл стихотворений «Современные песни», комедия «В чем вся суть?» и др.). Поэт работает над большой сатирической поэмой «Перед возвращением на родину», предназначая и ее для некрасовского журнала. Во время короткого пребывания в России в 1872 году поэт приглашается, о чем он с удовольствием сообщает жене за границу, на собрание редакции и сотрудников «Отечественных записок», часто встречается с Некрасовым (ЦГАЛИ). «Я живу и умственно и сердечно, — писал в эту пору Жемчужников, — в русской литературе». [1]

Второй перерыв в творческой работе, как отметил сам поэт, совпадает со временем болезни и смерти жены (1872—1876). В дальнейшем Жемчужников возобновляет литературные занятия, но пишет немного. Например, в 1880—1882 годах в печати появилось всего лишь два его стихотворения. «Я живу за границею одиноко, — писал поэт 5 декабря 1883 года своему знакомому А. И. Скребицкому, — и мне очень редко случается читать мои произведения кому-нибудь из соотечественников» (ПД).

В 1884 году Жемчужников возвращается на родину. Литературный труд становится регулярным. Творческая сила шестидесятилетнего поэта не иссякла. В продолжение еще четверти века Жемчужников пишет стихи. Они привлекали читателей идейностью, энергией и живостью откликов на злобу дня и той особой крепостью и отточенностью, которые приходят с мастерством зрелости.

«Последние годы, — писал Жемчужников в предисловии к сборнику «Песни старости» в 1899 году, — я проживал и в деревне, и в городе... Лето я проводил и у себя в Павловке (Елецкого уезда Орловской губернии), и у моих родных: в Стенькине (имение А. С. Мерхелевича, близ Рязани), а с 1896 года постоянно в Ильиновке (имение мужа моей старшей дочери, М. А. Баратынского, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии)».

Переписка поэта с М. М. Стасюлевичем, К. К. Арсеньевым, А. Ф. Кони и другими литераторами рисует его человеком, не утратившим духовных интересов, пытливого отношения к современности и в глубокой старости.

В февральском номере журнала «Жизнь» за 1900 год (где, кстати, публикуется статья В. И. Ленина о капитализме в сельском хозяйстве) был помещен портрет поэта и очерк о нем Кир. Левина.

---

[1] «Литературное наследство», № 51-52. М., 1949, стр. 284.

«Несмотря на свои 79 лет, — писал лично знавший Жемчужникова автор очерка, — Алексей Михайлович выглядит весьма бодрым и жизнерадостным: внешний вид у него почти всегда победоносный, прекрасное старческое лицо его в высшей степени привлекательно и симпатично, постоянно одухотворено мыслью».[1] Мемуаристы единодушны в характеристиках поэта на закате его жизни. Они пишут о «свежести души и непоколебимости убеждений», о «цветущей старости», позаимствовав эту поэтическую формулу в стихах самого же Жемчужникова. В стихотворном автобиографическом рассказе «Ненастна ночь осенняя была...» (1890) поэт счел необходимым подытожить творческий путь стихами, подчеркивающими общественно-гуманистическую природу своей деятельности:

Всегда за человечные начала
Он честно вел упорную борьбу;
Постыдных сделок жизнь его не знала...

Умер поэт 25 марта 1908 года в Тамбове.

4

В одной из записных книжек Жемчужникова начала 1900-х годов сохранилась следующая заметка: «Мои мотивы: 1) гражданский, 2) религиозный, 3) семейный, 4) природа, 5) музыка, 6) любовь к жизни» (ЦГАЛИ).

У поэта были все основания на первое место поставить гражданственные мотивы. Политические и смыкающиеся с ними сатирические стихи составляют бóльшую часть его творческого наследия. В них содержится отклик на большие и малые события «многотрудной эпохи», начиная со времен неудачной Крымской кампании и «освободительных» реформ и кончая русско-японской войной и революцией 1905 года.

Шедевры гражданской лирики в демократический период русского освободительного движения создавались поэтами иного, чем Жемчужников, общественного склада. Стихи Некрасова, Добролюбова, Михайлова воодушевлены идеями революционного протеста и борьбы; судьба бесправного народа — это и центральная тема, и одухотворенная образная мысль, и основной эмоциональный стержень их гражданственных монологов и призывов; личные невзгоды и светлые чувства, горе и радость нового человека вну-

[1] «Последний из могикан». — «Жизнь», 1900, № 2, стр. 387.

тренне соотнесены с раздумьями о жизни угнетенных, о народной России, ее настоящем и будущем. Этот удивительно поэтичный сплав политики и лирики, какой являют стихи шестидесятников, результат счастливого соединения выдающегося творческого таланта с силой и глубиной демократического мировоззрения. Жемчужников, как отмечалось, не имел такой твердой идейной опоры. Чувства слитности с народом, столь свойственные поэтам революционной демократии, развиты в лирике Жемчужникова гораздо слабее. У него находятся стихи, какие невозможно встретить в книжке поэта-демократа:

О, братья! Хлеба — беднякам
В лихие дни нужды народной;
И хлеба умственного — нам,
Стоящим вне толпы голодной!

(«Всем хлеба!»)

Поэт доброго сердца, искренне сочувствующий тяжелому положению народа, Жемчужников ощущает себя представителем гуманного интеллигентного меньшинства. Это не декларируется, но в стихах поэта духовная и материальная разделенность народной массы и людей культуры не становится предметом негодования или скорби, на нее просто указывается как на вековой признак общественного быта, конечно отсталого, требующего радикальных преобразований в духе либеральной, просвещенной «законности» и справедливости.

Конечно, это не могло не ограничивать гражданскую лирику Жемчужникова и политически и эстетически. Он не был революционным поэтом. Нет, он только попутчик демократии, а в иных — впрочем, нередких — случаях ее доброжелательный и несомненно ценный союзник.

Когда-то Добролюбов заметил о сверстнике Жежчужникова поэте Я. Полонском, что он «находит в себе силы только грустить о господстве зла, но не решается выходить на борьбу с ним».[1] В отличие от стихов Я. Полонского, лучшие стихи Жемчужникова светятся «огнем негодованья». Лейтмотив его политической лирики — призыв к живым силам нации созидать в России «гражданскую доблесть», «гражданские начала», «самосознание граждан», решительно бороться с крепостнической реакцией, тянущей страну назад, к мраку и произволу.

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935, стр. 495.

В ранней лирике поэта ощутимы лермонтовские интонации. Стихи приобретают форму романтической символики и рефлексии в их опять-таки лермонтовской социально-психологической окраске. Выше цитировались неопубликованные стихи, подтверждающие это наблюдение. Из напечатанных назовем «Притчу о сеятеле», «Прощание Иоанна с Патмосом», «Версту на старой дороге», «Дорожную встречу» и другие. «Доброй землей», в которой так сильно растет брошенное в нее семя, хотел бы поэт видеть жизнь русского общества, между тем как оно — в терниях диких, под палящими, иссушающими лучами светила. В библейской легенде, поэтически обработанной, славится вера в призывное, зовущее вперед, к духовному совершенствованию слово. Аллегории в стихах довольно прозрачны. Приютившаяся под ракитой у размытого оврага «верста» наделена откровенно человеческими чувствами:

Без нужды старушка мерит
Прежний путь, знакомый, свой:
Хоть и видит, а не верит,
Что проложен путь иной...

Предчувствие грядущего обновления России облечено также в лирическую новеллу ночной «дорожной встречи». Стихи писались с оглядкой на цензуру. Непосредственно политическая форма выражения гражданских идей здесь крайне ослаблена. Но суть дела не только в этом. Поэт наследовал традиции предшественников, культивировавших, во всяком случае в подцензурной поэзии, романтико-аллегорическую лирику. Здесь уместно вспомнить имя Плещеева, в стихах которого (кстати, продолжавших и развивавших лермонтовские темы) идеи служения обществу, идеи подвига, скорбно-гражданственные настроения выражались в аллегорических образах природы, библейского пророка, странников, узников и т. д.[1]

Чем ближе ко времени общественного подъема, когда в стране забурлили политические страсти и освободительные тенденции открыто столкнулись с консервативными, тем все чаще в лирике поэта символика и аллегория уступают место ораторскому монологу, исполненному гражданского пафоса.

Властно вторгается обличительная тема, конструирующая всю поэтическую фактуру стиха; лексику намеков заменяют открыто бичующие или патетические слова. Чиновных мужей, которым так хочется оставить Россию «при старых началах с прибавкою к оным

---

[1] См. вступительную статью В. В. Жданова к книге: «Поэты-петрашевцы». «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1957, стр. 38—40.

из новых», поэт без обиняков именует «живыми мертвецами» («Пусть из вас каждый... отслужит один по другом панихиду!»).

В стихотворениях Жемчужникова теперь нередки социально конкретные образы, сценки, призванные мотивировать душевные переживания гражданина. Мимо полузамерзшей, в лохмотьях нищей, которую не лета истощили, но горькая доля, голод, «ярмо крепостное», на лихих тройках укутанные в шубы бездушные и сытые господа спешат... на вечерню в монастырь. Смеются, балагуря, блистая нарядами на светском рауте, пустые люди,

А небо хмуро и черно;
В тиши зловещей зреет буря;
Беда сбирается давно...

(«Светло, как в полдень, — лампы, свечи...»)

Этими из жизни выхваченными контрастами усиливалась агитационная выразительность политических стихов.

Нередки в поэзии Жемчужникова этой поры своеобразные мотивы гражданского покаяния. Называя себя пламенеющим «перед подвигом гражданской чести» поклонником свободы, поэт сетует, что не способен быть до конца стойким и последовательным. Почему его «не тошнит», когда при нем сановный лицемер болтает о «любви к отчизне» («Тяжелое признание»)? В стихотворении, бичующем «бюрократов умных», вырывается откровенное признание:

О, я достоин сожаленья!
К чему же я на свете жил,
Когда ни злобы, ни презренья
От них ничем не заслужил.

Поэт скорбит, что в «душе воскресшей» нет еще с «минувшим полного разрыва», уподобляя себя «мятежному рабу»:

Покорно нес я злую долю,
И совесть робкая лгала;
Она меня на свет, на волю
Из тьмы безмолвной не звала.
Шла мимо жизнь, шло время даром!
Вотще я братьев слышал стон, —
Не ударял мне в сердце он
Больным, сочувственным ударом...

(«Возрождение»)

Некоторые из этих взволнованных стихов воспринимаются как реминисценция из некрасовской лирики. Но Жемчужникову недостает энергии и страсти революционной самокритики знаменитого автора «Рыцаря на час». Жемчужников — скорее из «кающихся дворян», поэт с повышенным нравственным настроением, с сознанием чувства долга и общественной совести. «А. Жемчужников должен быть отнесен, — по словам Ив. Бунина, — к числу лучших представителей этого типа, глубоко осознавшего всю неправду и жестокость дореформенного режима». [1]

Презрительным и негодующим стихом поэт клеймил старорежимные порядки, приведшие страну в середине 50-х годов на грань военной катастрофы. «Я грубой силы — враг заклятый» — это тема сквозная в политической поэзии Жемчужникова. Примечательная особенность ее идейно-художественной разработки заключается в том, что поэт всегда как бы «персонифицировал» социально-историческое зло, против которого он в данный момент ратоборствовал. Дореформенный строй в его стихах и поэмах олицетворяет мрачная, деспотическая фигура Аракчеева. Реакционным Асмодеем пореформенной эпохи выступает Катков. После его смерти — не названный по имени «патриот», «националист», «черносотенец».

Эти герои конкретизировались как «ученики» Каткова, то есть душители русской свободы помельче — будь то небезызвестный Суворин или позднейший редактор «Московских ведомостей» Грингмут, — но от этого ничуть не менее вредные, потому что они «открыто метят много дальше, чем, не без хитрости и фальши, времен былых крепостники». Выгодная сторона такой гражданственно-обличительной поэтики — конкретный адресат зла, его общеобозримость, злободневность политических красок. Но этот принцип таил серьезные идейные опасности, которых не избежал поэт. Смысл их превосходно вскрыл Салтыков-Щедрин словами Имярека: «Дело сводилось к личностям; порядок вещей ускользал из вида». [2] Некоторым обличительным произведениям Жемчужникова несомненно свойственна такая либеральная ограниченность.

Жемчужникова выручали сатирический талант, энергия негодования. Злые филиппики против Аракчеева — «казарменного гения», свирепого «казенного нигилиста» — приобретали качества художественного обобщения широкого плана.

---

[1] «Поэт-гуманист». — «Вестник воспитания», 1900, № 3, стр. 90.

[2] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 16. М., 1937, стр. 718.

Желанье выразил раз деспот в старину,
Чтоб голову имел народ его одну;
Желанье странное пришло к нему недаром:
Он обезглавил бы его одним ударом.

(«Новая вариация на старую тему»)

Общественно-политическая реакция начала 60-х годов произвела на поэта гнетущее впечатление. Все мерзкое, ретроградное, все враждебное прогрессу России, как понимал его Жемчужников, все, что в политике оборачивалось национальной нетерпимостью, духовным террором и предательством, сосредоточилось для поэта в Каткове, редакторе «Московских ведомостей», в его подручных клевретах и верховных поклонниках. Возросшее влияние этой реакционной камарильи поэт воспринимал как подлинное общественное бедствие. Он клеймит дворянских витий, добровольно принявших на себя обязанности наглой стражи «против подъема русских сил» («Сословные речи»). В годы муравьевского сыска и преследований поэт пишет близкое к пушкинским «Стансам» стихотворение в защиту молодых революционеров, каракозовцев, над которыми нависла угроза жестокой расправы. Поэт обращался к царю:

Забудь их шумное волненье,
Прости им юный пыл души —
И словом строгим осужденья
Их от себя не отврати.

Они к тебе простерли руки,
Мольба их общая свята:
Для всех в святилища науки
Открой широкие врата.

Не отнимай у них надежды,
Еще вся жизнь их — впереди;
От палача и от невежды
Их юный возраст огради.

И новый лист вплетешь отныне
Ты в лавры царского венца, —
И может вспомнится при сыне
Великодушие отца.

Эти стихи не были опубликованы, так как их вообще нельзя было тогда напечатать (рукопись в ПД). Каракозова — участника

покушения на Александра II — казнили. Надежды на монаршее «великодушие» не оправдались.

Так сами общественные условия, не говоря уже о том, что Жемчужникову всегда было присуще обостренное гражданское самосознание, барометрическая «чуткость» к изменениям политической погоды, подготовили остро-элегические произведения, довольно заметные в лирике поэта пореформенных годов:

О, скоро ль минет это время,
Весь этот нравственный хаос,
Где прочность убеждений — бремя,
Где подвиг доблести — донос.

(«О, скоро ль минет это время...», 1870)

Эпохи знáмение в том,
Что ложь бесстыжая восстала
И в быт наш лезет напролом
Наглей и явней, чем бывало...

(«Эпохи знáмение в том...», 1870)

Когда же подносят с любезностью в дар
Свободу, реформы, науку, —
Я, словно как в цирке, всё жду, что фигляр
Пред публикой выкинет штуку.

(«В Европе», 1871)

Никогда раньше гражданские стихотворения Жемчужникова не достигали такой резкости и прямоты политических характеристик, такого сгущения как бы ораторских оценочных формул. Негодование, ирония оскорбленного гражданского чувства выражены энергическим «декламационным» стилем с его пружинящими стих антитезами, афористичностью, эмоциональными повторами. 1870 год Некрасов назвал «страшным годом» («Жадный пир злодейства и насилья»). Жемчужников вторит великому художнику, бичуя реакцию, «гасильников свободы», «сытую чернь». Безотрадная до отчаяния картина разгула реакции в родной стране сливается в сознании поэта с не менее мрачной обстановкой в европейской жизни, где торжествует «кулачное право», милитаризм, умственное запустение. Поэту одинаково претят здесь и увенчанные лаврами победителя пруссаки, и нечистые устроители «мира и порядка» в поверженной Франции. Пальмовая ветвь — символ мира — превратилась в прозаическую розгу.

Точным «пронзительно-унылым» стихом поэт говорит о социальных несчастьях России:

Не вывезли реформы!
Не вышло ничего.
Всё, не дозрев, пропало.
Кругом — темно, мертво;
Нет сил, нет идеала.

(*«Совет самому себе»*)

После закрытия «Отечественных записок» (1884), ознаменовавшего новую победу реакционных сил, гражданственно-элегические мотивы в поэзии Жемчужникова звучат еще настойчивее, еще напряженнее («На родине», «Превращения», «Выставка машин» и другие):

И вновь, унылой мглой одеты,
Дни скучной тянутся чредой,
Как похоронные кареты
За гробом улицей пустой.

(*«Как будто всё всем надоело. . .»*)

В одной статье, еще при жизни поэта, сравнивались его элегические стихи и некрасовские. «Некрасов в этом отношении, — писал автор, — недосягаемый образец не для одних русских. Его *мрачная гражданская страстность* — явление совершенно исключительное в европейской поэзии; другого Некрасова нет, хотя политических и общественных поэтов в любой стране — сколько угодно».[1] Заключение совершенно правильное. Но и этот строгий критик — современник поэта — признал все же, что жемчужниковские вариации на гражданские мотивы — оригинальны. «Для культурной летописи второй половины XIX века стихи его — драгоценный материал».[2]

Помню: когда-то простор расстилался красиво пред нами;
Помню: виднелися нам нас зовущие вдаль горизонты...
Ныне ж: взгляну ли вокруг — ничего ниоткуда не видно,
Кроме безжизненной, серой, отвсюду нахлынувшей мути.
Жизни явленья застыли. Недвижны крылатые мысли.

---

[1] Old Gentleman (А. В. Амфитеатров). Листки. — «Россия», 1900, № 287, 11 февраля.

[2] Там же.

Сердце любить опасается. Замерло вещее слово...
Страшно подумать, что жизнью зовется подобие смерти!

(*«Грустно смотрю я на жизнь, как в окно на ненастную осень...»*)

Мотивы уныния и тоски, прорывающиеся то там, то здесь в стихах пессимистические заключения, как очевидно, менее всего условно-литературны. Они навеяны впечатлениями «жестокого века». Сгущающиеся до пессимизма скорбные настроения поэта — это, говоря словами Горького, «действительное чувство», в нем — проклятие бесцветной современности, поддавшейся притупляющему воздействию правительственной и общественной реакции.

Жемчужников глубоко знал творчество большого мастера философской поэзии — Тютчева. Пессимистическая символика «ночи», «призрачности жизни», одиночества человека, отягощенного ожиданием неизбежной катастрофы,[1] богато представленная в тютчевской лирике, у Жемчужникова вовсе отсутствует, некоторые же подобные мотивы отдаются лишь очень ослабленным эхом.

Произведения философской лирики Жемчужникова овеяны духом гражданских раздумий. Образы «мглы», «серой мути», «ночи», «тьмы» раскрываются в своем социальном содержании (*«нравственной мглы* пелена облекает весь мир наш духовный»). Жемчужников разочарован скромными успехами передовых общественных сил, результатами борьбы передовой мысли:

Так со мраком в борьбе, о благие умы,
Вечно бдите вы, ярко сверкая;
И видней вы во тьме, — но из умственной тьмы
Не выходит громада людская.

(*«Ночью»*)

Общественная реакция 80-х годов, как известно, стала основным источником пессимизма в литературе. Ему отдали дань многие поэты. Но если у идейно обескрыленных стихотворцев (Мережковский, Голенищев-Кутузов) пессимизм глушил даже робкие ростки гражданственности и уже предсказывал близкое ренегатство, отказ от борьбы, то, напротив, Жемчужников, как и другие верные демократическим традициям поэты (например, Якубович, стихи которого

---

[1] См. вступительную статью Б. Я. Бухштаба к книге: Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1957, стр. 23 и сл.

очень любил Жемчужников[1]), нашел в себе силы преодолеть болезнь эпохи, более того — призвать к деятельности, к борьбе, к подвигу.

«Духа не угашайте» — так названо одно из лучших произведений политической лирики поэта. Оно превратилось в своеобразный поэтический лозунг передовых современников. Еще более знаменитым стало стихотворение, посвященное памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина:

Слова священные, слова времен былых,
Когда они еще знакомо нам звучали...
Увы! Зачем же, полн гражданственной печали,
Пред смертью не успел ты нам напомнить их?
Те лучшие слова, так людям дорогие,
В ком сердце чувствует, чья мыслит голова:
Отчизна, совесть, честь и многие другие
Забытые слова.

(«Забытые слова»)

Впечатлительный и всегда доброжелательно откликавшийся на идеи великих художников демократии, Жемчужников подхватывает тему «Забытых слов» Щедрина, развивает ее во многих стихотворениях, по существу ставит ее в центр гражданской лирики позднейшего периода. В «Прощальных песнях» рисуется образ поэта-гражданина, высказывающего глубокую, чистую любовь к «бедной отчизне» и задушевной, призывной речью напутствующего юное поколение.

Бывали случаи, я знаю:
Не раз позор или беда
Грозой неслись к родному краю, —
Являлись граждане тогда.
Но гражданином быть бы надо
Не ради бедственных годин
Иль в дни торжеств, как для парада;
Вседневный нужен гражданин.

(«Пустое место»)

Цитированные строфы хорошо передают идейный пафос позднейших политических стихотворений, приверженность поэта к са-

---

[1] «Стихотворения П. Я., — писал современник, — близко подходящие одной стороной своего творчества к Некрасову и А. М. Жемчужникову, очень нравятся А. М.» («Жизнь», 1900, № 2, стр. 387).

мым высоким традициям русской литературы, поэзии Пушкина и Рылеева, Лермонтова и Некрасова.

Проблема поэта и творчества — одна из основных в гражданской лирике Жемчужникова. «На все откликнется мой дружелюбный стих» — так писал поэт в молодости («Когда, еще живя средь новых поколений. . .»). Два десятилетия спустя: «Стихом участвую моим я в хоре жизненного гимна» («О, жизнь! Я вновь ее люблю. . .»). Наконец, на склоне дней: «. . .Я всю жизнь имел наклонность входить участливо в родную обыденность» («О жизни»). Жемчужников декларирует жизнеутверждающие, реалистические цели и принципы творчества, и он последовательно верен им.

Открытие в 1880 году в Москве памятника Пушкину послужило непосредственным поводом для создания одного из самых значительных произведений гражданской лирики Жемчужникова. Поэт осведомлен о развернувшейся вокруг этого события борьбе общественно-литературных партий. На пушкинских празднествах выступали писатели и публицисты, которых он так хорошо знал. Жемчужников полон глубокого уважения к памяти гения, в «ком духа русского живут краса и сила». Но именно поэтому он открыто выступил против тех, кто хотел именем национальной святыни прикрыть реакционные вожделения.

Поэт готов понять «народных заступников», «детей суровых мира» из среды демократической молодежи, запальчиво сказавших напрямик, что «им не до стихов, пока есть на земле бедняк, просящий хлеба». Поэт объясняет:

Так пахарь-труженик, желающий дождя,
Не станет петь, в пыли за плугом вслед идя,
Красу безоблачного неба.

Иное дело — «ценители искусств». «Откройтесь же и вы, как те, без отговорок», — обращается к ним поэт.

Вот ты хоть, например, отборных полный чувств,
В ком тонкий вкус развит, кому так Пушкин дорог;
Ты, в ком рождают пыл возвышенной мечты
Стихи и музыка, статуя и картина, —
Но до седых волос лишь в чести гражданина
Не усмотревший красоты.

Литературно-эстетическая вера поэта здесь заявлена с не оставляющей никаких сомнений ясностью. Он за поэзию гражданского чув-

ства, утверждающую красоту человека борьбы, общественной доблести.

В стихотворение «Голоса» очень своеобразно вплетены мотивы, которые еще со времен Пушкина и Лермонтова волнуют общество: в чем назначение поэзии, каким должен быть творец ее. Один из «голосов» внушает поэту оставить «злобные песни», смирить гнев и тщетные волнения, «пытаясь убедить толпу», уйти в мир, откуда человек не видит житейских дрязг:

Там дух поэзии предстанет пред тобой,
Царящий в высотах как некий горный гений,
И сменит жесткий стих, навеянный враждой,
Строфами звучными духовных песнопений.

Это столь чуждое поэту-гражданину эстетическое кредо решительно отвергается. Жемчужникову по душе иные идеи; он полон внимания к голосу совести, влекущему к земле, где рядом с «радостью терзается печаль»; он верен заветам «наставников», «друзей-мыслителей» и по-некрасовски провозглашает:

Покуда дух твой бодр и разум не погас,
Храни ко злобам дня сочувствие живое.

Замечательно, что свою «вдохновенную» и «земную» музу поэт открыто противопоставляет «двум крайностям»: приземленному натурализму, воспевающему двуногое стадо («хрюканье свиное», «в грязи для грязи родились»), и декадентству, чуждающемуся реального мира («в мир неведомый из нашего ушли», «птичьи песни»).

Вторя автору «Поэта и гражданина», Жемчужников защищает идейную поэзию, стоящую на уровне задач века, поэзию общественного дела:

Приди; я жду тебя, певец гражданской чести!
Ты нужен в наши времена.

(«Завещание»)

Далеко не все гражданские стихи Жемчужникова отличались такой силой и содержательностью. Были у него и слабые произведения.

В начале нового века Жемчужников идейно сомкнулся с теми, кто удовольствовался дарованной царем конституционной свободой. В стихах 1904—1907 годов не понявший революции старый поэт

высказывает горечь недоумения. Страна, охваченная «нещадной враждой», крестьянскими бунтами, революционными выступлениями рабочих, несет «возмездие» за вековые грехи реакционных режимов («В наши дни»). Так думал поэт. Свой негодующий упрек он, впрочем, обращает равно к власти и революционерам («Кто кого насильем изведет во имя новых прав и счастия народа»). Страхом и растерянностью либерала перед революционным гневом угнетенных классов веет от стихотворения, которое кончается мрачной до отчаяния строкой: «Все, сверху донизу, виновны, все преступны» («Страшный год»).

Чутким современникам были слышны чистые, бодрые и благородные звуки гражданских стихов Жемчужникова. О них с большим уважением отзывался П. Ф. Якубович, сам видный автор гражданской поэзии. Ссылаясь на опыт поэта, он утверждал, что будущее русской поэзии отнюдь не за «чирикающим» искусством для искусства. «Не раз еще услышим мы поэта — человека, поэта — гражданина, который с могучею силой ударит по сердцам современников, зажжет их огнем мысли и высокого порыва к свободе, правде и свету. . .» [1] — писал Якубович.

5

Сатирические и юмористические произведения Жемчужникова идут рука об руку с гражданскими. «Свистят бичи сатир» во многих стихотворениях поэта. Хулителей «сатирического направления» во все времена было больше чем достаточно. Немало их съютилось в печати в годы расцвета творчества Жемчужникова. Эстетская критика отодвигала сатиру на периферию искусства. Поэтам-сатирикам отказывали в художественном таланте, в «полете вдохновенья», их корили то душевной черствостью, то высокомерием:

Когда идешь в толпу, смеясь или казня, —
Не гордостью ль тебе внушается сатира?
Не задувает ли священного огня
Тот вихрь, что носится средь низменного мира?

(«Голоса»)

Поэт отвергал, как видим, безглазые мнения эстетствующих противников сатиры. Гений Щедрина, колоссальный успех его произ-

---

[1] П. Ф. Якубович. А. М. Жемчужников. — «Русское богатство», 1908, № 5, стр. 173.

ведений необычайно подняли вес и значение сатиры в литературе и обществе. В художественной прозе это было настолько очевидно, что порой вынуждены были умолкнуть или замаскировать свои оценки под благожелательные даже самые крикливые враги сатирика. Иное дело поэзия. Теоретики и критики, уводившие поэзию в «сферу бестелесную», третировали сатирические жанры как плод творчески якобы бесплодной «тенденциозности». В архиве Жемчужникова сохранился листок, на котором как бы зафиксированы свод мнений критиков и итоги его собственных размышлений над судьбами сатиры в поэзии:

«Сатирики. Сперва именуются: Панаев (Новый поэт), Щербина, Б. Алмазов, В. С. Курочкин, Д. Минаев, П. И. Вейнберг (Гейне из Тамбова), Розенгейм, В. П. Буренин. После отнесены к особому более серьезному роду: Некрасов, Добролюбов, А. Толстой» (ЦГАЛИ).

В этой записке легко заметить некоторые неточности, хотя бы, например, в оценке крупного стихотворно-сатирического таланта В. Курочкина. Важно, однако, другое. Жемчужников имеет отчетливое представление о «серьезном роде» сатиры, ее первыми лучшими представителями названы поэты демократии. К последователям «серьезного рода» сатиры поэт причислял и себя. Он и был им на самом деле, как и его друг А. К. Толстой. Но, в отличие от последнего, Жемчужников никогда не писал сатир против «нигилистов». Он был верным союзником поэтов-демократов.

Сатирические жанры Жемчужникова очень разнообразны. Здесь соседствуют эпиграмма и «прутковская» шутка, памфлет и злободневный фельетон, комическая эпитафия и пародия, сатирическая поэма и комедия в стихах, юмористическое дружеское послание и монолог высокой гражданской сатиры. В числе прочих «крамольных» российских авторов Жемчужников испытывал тяготы цензурных гонений:

В пылу вдохновенья
Попробуй-ка, ухни —
Сейчас на съеденье
В цензурные кухни!

(«Скерцо» на гражданские мотивы»)

Но и с «притупленным жалом» жемчужниковская сатира была оружием идейно действенным, по достоинству оцененным современниками. Жемчужников — один из самых активных создателей популярнейшего типа русской сатиры — Козьмы Пруткова. Поэт дал лучшее авторское его истолкование. У творцов Пруткова, заявлял

он, юмористический дар бил ключом; они критически относились к тогдашнему положению в обществе и литературе, им претила «казенность». Козьма Прутков и есть воплощение «казенности». «Ни мысли его, ни чувству, — писал Жемчужников, — недоступна никакая так называемая злоба дня, если на нее не обращено внимания с казенной точки зрения... Будучи очень ограниченным, он дает советы мудрости. Не будучи поэтом, он пишет стихи. Без образования и без понимания положения России он пишет «прожекты». Он современник Клейнмихеля, у которого усердие все превозмогало. Он воспитанник той эпохи, когда всякий, без малейшей подготовки, брал на себя всевозможные обязанности, если Начальство на него их налагало». [1]

В произведениях «прутковского» цикла Жемчужников удачно избрал истинно комический и сатирический угол зрения: поэт как бы доводит до абсурда характерные признаки осмеиваемого предмета, выявляет все нелепости, какие он может таить в себе. В написанной совместно с А. Толстым «Фантазии» до вызывающей неудержимый смех крайности заострены банальные водевильные сюжеты, полнейшая бессодержательность действия (поиски моськи), откровенная пустая развлекательность персонажей. Таким же способом сатирический эффект достигался в жемчужниковских баснях. Здесь высмеивались бездарные сцепления совершенно случайных «действующих» лиц («Стан и голос», «Кондуктор и тарантул», «Червяк и попадья»), невероятная глупость «морали», «поучения», как бы под стать тем, какие расточались во времена Николая I, в условиях гипнотизма чина, господства служебно-иерархической «философии» жизни. В Пруткове соединилось тупоумие, аляповатость, духовное ничтожество «казенных» людей и какое-то хлестаковское легкомыслие, самодовольство, пошлая самоуверенность, словно поощряемая с высоты престола.

Жемчужников, как отмечалось, на ранних стадиях литературной деятельности тянулся к социально и общественно направленному творчеству. Понятны в этом плане его превосходные пародии на произведения вихрастого, напыщенного квазиромантизма бенедиктовского толка, бездумный барский эстетизм и эпикурейство в поэзии. Жемчужников отличился искусством комической стилизации. Очень смешны его «антологические», «испанские», «восточные» пародии. Вообще альбомная, «мотыльковая», как потом скажет Салтыков-Щедрин, «романсная» лирика с ее примитивизмом «чув-

---

[1] Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1949, стр. 335.

ственного» содержания и унылым тематическим однообразием — постоянный объект насмешек в «прутковских» вещах поэта.

Некоторые забавные стихи явно «прутковского» происхождения не были напечатаны и сохранились в бумагах Жемчужникова. Особенно интересна ироническая импровизация «Перед неведомым». Сатирическая стрела здесь пущена в авторов «философических» раздумий и откровений, приправленных мистицизмом запоздалого шеллингианства. В кругах «Москвитянина» водились такие религиозно настроенные стихотворцы-любомудры.

В литературе было распространено мнение о «беззаботности» прутковских литературных мистификаций. «Пародии Конрада Лилиеншвагера, — писал еще до революции автор статьи о Жемчужникове, — гораздо содержательнее, злее и, так сказать, «предумышленнее» прутковской поэзии и философии, однако менее популярны. Причина тому — во-первых, несравненно изящная форма прутковских пародий... а во-вторых, именно полнейшая безобидность этих красивых цветочков невинного юмора... Смех для смеха любят все; сатиру — только те, кто сами ее не боятся». [1]

Советская литературная наука имела достаточные основания пересмотреть такой взгляд. Прутковские пародии, ревностным участником создания которых был Жемчужников, должны быть названы в числе литературных источников, подготовивших появление добролюбовских Якова Хама и Конрада Лилиеншвагера.

После Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова едва ли кто так вплетен разноцветными нитями в русскую речь, как Козьма Прутков с его знаменитыми афоризмами. М. Горький справедливо относил сочинителей Пруткова вместе с Добролюбовым, братьями Курочкиными, Д. Д. Минаевым и другими к «компании самых резких и наиболее демократически настроенных людей того времени». [2]

На наш взгляд, следует пересмотреть категорические утверждения вроде, например, следующего: сатирические произведения Жемчужникова послепрутковского периода, читаем в статье известного советского литератора, «бледны, лишены юмористической живости, умеренно-либеральны по своему политическому направлению». [3] Конечно, среди многочисленных стихотворных сатир, написанных поэ-

---

[1] Old Gentleman (А. В. Амфитеатров). Листки. — «Россия», 1900, № 287, 11 февраля.

[2] М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 216.

[3] Д. Заславский. Козьма Прутков и «Современник». «Сочинения Козьмы Пруткова». М., 1955, стр. 21.

том в 70—900-х годах, найдутся и такие, которые вполне подойдут под эту характеристику. Но, как говорилось выше, лучшие сатирические произведения — их немало — не уступают «прутковским». Возьмем, к примеру, «Современные песни» (1870), «В альбом современных портретов» (1870), «Эпитафии» (1871), «Думы оптимиста» (1871). В сатирах метко схвачены и осмеяны не боковые и частные, а характерные явления, тенденции, типы пореформенной политической жизни России. Многие из жемчужниковских зарисовок прямо перекликаются с «Признаками времени» и «Письмами о провинции» Салтыкова-Щедрина. Жемчужниковский «кентавр» — это реакционный обыватель из расплодившегося стада благонамеренных. Салтыков-Щедрин изображал своих «легковесных», остервенелых противников мысли в зоологических образах взбесившегося клопа или лишенного соображений брыкающегося жеребчика. Поэтика Жемчужникова также успешно реализует принцип идейно-стилевого единства сатирического типа. Бесчинствующая реакция воплощена в легендарном образе дикого, опьяняющегося разгулом, презренного полуконя-получеловека:

С своей полуживотной морды
Он пеной фыркает на всех...
И все сторонятся, робея,
Чтоб он не мог кого-нибудь —
Приняв, конечно, за плебея —
Иль оплевать, или лягнуть.
В ляганье вся задача скрыта;
Вся сила — в мускулах ноги...
Какая ж мысль, давя мозги,
Приводит в действие копыта?
Судя по всем чертам лица,
Нет мысли! Кроме разве задней...

(«Кентавр»)

Теми же резкими, как удар хлыста, оценочными эпитетами клеймит поэт реакционного писаку, доносчика, клеветника. Тип литературного Аракчеева, выкроенный из материалов реальных «подвигов» реакционных публицистов, мог бы украсить и щедринскую сатирическую галерею, настолько он ярок, самобытен, политически остер:

Начнем борьбу с преступным делом
И не дозволим впредь никак,
Чтобы свободной мысли враг,
С осанкой важной, с нравом смелым,

Со свитой сыщиков-писак
И сочиняющих лакеев,
Как власть имеющий, — возник
Из нас газетный Аракчеев,
Литературный временщик...

(«Литераторы-гасильники»)

Изощренный в писаниях от имени вымышленного Пруткова, Жемчужников демонстрировал великолепное умение подделаться под характер, мысли, лексику, тон избранной маски. Его российский оптимист-постепеновец, расплывчатый и осторожный, чурается таких слов-понятий, как «свобода», «убежденье строгое», «людям соболезную», и комически взывает:

Опыт учит ждать.
Те безумны нации,
Что спешат сорвать
Плод цивилизации.

Впереди — века.
Им-то что ж останется?
Пусть висит пока,
Зреет да румянится...

...Ныне же — доколь
Это всё устроится —
Были бы хлеб-соль
Да святая троица.

(«Думы оптимиста»)

В сатирических миниатюрах Жемчужникова — вереница метко очерченных одним-двумя штрихами современников из тех, кто гадит жизнь нечистотой своих клевет. Поэт необыкновенно изобретателен в лаконичных способах их изображения. Каламбурное обыгрывание гамлетовского вопроса «Быть или не быть» — и появляется зарисовка помещика-крепостника, все еще всерьез раздумывающего, как некрасовский Последыш, «бить или не бить» мужиков. Самую суть дюжинного русского «либерала» автор обнажил речью в четверть ладони величиною. Под словесным натиском консерватора, убежденного, что «ум — крепость вражья», и требующего расправы с ним, жемчужниковский «защитник» света и мысли выдает с головой свою политическую бесхребетность уморительным косноязычием:

Конечно, мы упрочим
Так безопасность; но... но мы...
А если вдруг?.. Ведь есть умы,
Напротив, так сказать... А впрочем!!.

(«Столковались»)

Эпиграмматическое четверостишие зло жалит «патриотов», смахивающих на щедринских «ташкентцев»:

Свершив поход на нигилизм
И осмотрясь не без злорадства,
Вдались они в патриотизм
И принялись за казнокрадство.

Целая полоса исторической жизни России вдруг осветится ироническим парадоксом: пореформенный прогресс рос «так честен, так умен» и так радел о «меньших братьях», что «был Россией задушен В ее признательных объятьях».

Переосмысленная пословица сатирически казнит политических фигляров из тех, что

Вертеться колесом умеют благородно
И величаво — паклю есть.

Веселые и острые стихи поэта перекликаются с щедринско-некрасовской сатирой. Порой он так глубоко проникается созвучными писателям-демократам настроениями, что вслед за ними берет под защиту «мальчишество», высказывает тонкое понимание нелегкого, трагического положения участников борьбы, переживающих горечь поражения и одиночества:

Забыт и одинок он, голову понуря,
Идет вослед толпе бессильной жертвой зла.
Где воля? Думы где?.. Сломила волю буря
И думы крепкие, как листья, разнесла.

(«В альбом современных портретов»)

Сжатость, отточенность формы, «остротный» стих, неожиданно поражающий читателя каламбурной рифмой, иронической двусмысленностью или афоризмом, полным уничтожающего сарказма, а главное, конечно, меткое политическое попадание в мишень, в сильного и влиятельного врага — все это определило популярность жемчужниковских сатир в близкой демократическим органам среде читателей.

Замечательно, что Жемчужников влекся к емким жанрам — сатирической поэме, очерку в стихах, сатирической пьесе, позволяющим показать пореформенную русскую жизнь в широких обобщениях.

Поэту очень хотелось увидеть на страницах некрасовских «Отечественных записок» сатирическую поэму «Перед возвращением на родину» (в печати «Пророк и я»). Он работал над нею в конце 60-х годов. По первым присланным в редакцию главам выяснилось, однако, что она автору не удается. Жемчужников посвятил ее разоблачению Каткова. Некрасов похвалил некоторые места («В негодовании много искренности и есть сила» [1]), но в целом отверг поэму. Его не удовлетворила памфлетная или, как он выразился, «полемическая» («нападение на Каткова») направленность поэмы. Все те мотивы, указывал он, на которых построена характеристика Каткова, многократно и прозой и стихами были трактованы в «либеральной части мелкой прессы». [2] Неудачу поэта Некрасов объяснял оторванностью его от русской жизни. «Вам надо было бы, — писал он Жемчужникову 22 апреля 1869 года, — приехать в Россию, пообжиться в родном воздухе». [3] Такого же мнения был и Салтыков-Щедрин. Но он с большей отчетливостью подчеркнул слабость идейно-эстетической позиции автора сатирической поэмы. Жемчужников, в сущности, написал неглубокую обличительную вещь. Зло современной России он близоруко, по-либеральному поверхностно усматривал в личности пусть даже одного из самых влиятельных мракобесов эпохи, тогда как сама эта личность есть порождение времени, негодного социального строя, «порядка вещей».

«Мне кажется, — писал Салтыков-Щедрин поэту 30 апреля 1869 года, — Вы, находясь долгое время за границей, несколько утратили чувство современной русской действительности. Катков и Скарятин, против которых направлена Ваша поэма, в сущности, не могут представлять достаточного предмета для негодования». [4] Характеризуя далее русскую общественную жизнь чертами резкими («тупая тоска», «безалаберщина и неустойчивость» и т. д.), сатирик прибавил: «В поэтическом образе подобное положение все же могло бы дать материал для картины, не лишенной интереса». [5]

---

[1] Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. 9. М., 1952, стр. 129.

[2] Там же, стр. 109.

[3] Там же.

[4] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 18. М., 1937, стр. 215.

[5] Там же, стр. 216.

Критические замечания Некрасова и Салтыкова-Щедрина были приняты во внимание. Неудачная поэма оставлена незаконченной. Но в то же время, как бы внимая совету Салтыкова-Щедрина, Жемчужников пишет сатирические сцены в стихах «В чем вся суть?» (1872), получившие одобрение руководителей «Отечественных записок». Новое произведение действительно демонстрировало углубление сатирического творчества поэта. Жемчужников, несомненно, увереннее чувствовал себя в привычном для него жанре стихотворной комедии. Написанные в этом роде «Странная ночь» и «Сумасшедший» положительно оценивались критикой, находившей в пьесах удачный образец развития грибоедовских традиций.

В сатирических сценах 70-х годов сталкиваются два характернейших типа русской пореформенной действительности — «благонамеренный» и «нигилист». За первым стоит монархическая, аристократическая, чиновная империя; за вторым — либерально-демократическая, народная Россия.

Сараев — вариация щедринского образа кокодесса из «Дневника провинциала»; он «тайный советник» и «патриот», мнящий себя государственным мыслителем и провидцем. Кузьмин же — студент, разночинец. Стареющий и тучный Сараев дискредитирован в пьесе откровенным пристрастием к обжорству и моветонству. А заподозренный в разрушении священных принципов семьи молодой «нигилист» нежно привязан к матери и заботливо ухаживает за ней.

Во все время беседы в руках Сараева — ресторанная карточка, в руках же Кузьмина — газета. Это значащие детали. Сатирическую мысль сцен выявляет контраст: эпикурейская мораль барина-чиновника — высокое чувство нравственного долга студента-разночинца.

Но главное в сатире — поединок взглядов, мнений, идеологий. Блестяще владевший «разговорным» стихом Жемчужников в монологах Сараева, в иронических репликах Кузьмина смог метко передать все то, о чем думала консервативная Россия, что она говорила в департаментских кабинетах и столичных особняках, в богатых имениях, на светском рауте или сословном собрании. Дворянско-чиновничий идеолог в речах «нараспашку» с цинизмом «гулящего» русского человека провозглашает разумность существующего в России режима, хотя и считает, что страна зашла в реформах, пожалуй, дальше, чем нужно. Он ненавидит народ («Кто корки черствые с родных полей жует И кто родимых стад одни лишь гложет кости»), ненавидит революционеров, сторонников «народной партии» («голышей без племени, без рода»):

> Нужна, вот видите ль, им прежде нас свобода.
> Порядок их гнетет. Их тяготит сам бог.

И вот наш демократ без бога, без сапог,
Без правил, без родства — живет себе как птичка.
При нем лишь имя есть. И то не имя, — кличка.
Ничтожность гордая! Огромный, дерзкий нуль!..

«Вся сущность дела в том, чтоб отдалить развязку» — это откровенное изречение консерватора проливает свет на все его симпатии и антипатии. Следуя инстинкту сословного эгоизма, он бранит парламент, просвещение, вольнодумство, прогресс естественных наук, безверье и боготворит войну, отвлекающую нации от гнусности внутренних режимов, канкан («Нагие женщины — ручаться я готов — Нас отвлекут как раз от голых бедняков»), боготворит «патриотизм», «святость брачных уз», религию; он защищает ложь и компромисс как инструменты политики, управления («Нас опыт научил, что искренность есть вздор, Коли не пагуба; и мы надели маски»).[1]

Жемчужниковский консерватор символизировал величайшее неразумие еще крепко державшейся в России господствующей полуфеодальной идеологии, полную ее несостоятельность перед жизнью, историей.

Сцены писались в пору, когда рухнула бонапартистская диктатура во Франции и в зареве огней Парижской коммуны по-новому отчетливо вырисовывалась неизбежность, неотвратимость падения старых порядков. Воздействие этих грозных событий сказалось на идейно-художественной структуре сатирических сцен. И вопрос не только в том, что в центр спора между героями-антиподами поставлены революционная «кутерьма» во Франции, первый политический процесс (нечаевцев) в России. Суть в том, что автору удалось поднять уровень идейных, политических обобщений достаточно высоко, как никогда, может быть, раньше и позже. Дело в том, что он, подчиняясь логике своего углубившегося в начале 70-х годов конфликта с самодержавной Россией, с идеологией ее правящих клик, посчитал необходимым положительным героем сцен сделать разночинца, демократа.

Жемчужниковский Кузьмин, конечно, человек не рахметовского и не добросклоновского характера и масштаба. Но он, несомненно,

---

[1] Известно, что Жемчужников одним из первых правильно и тонко расценил созданный Салтыковым-Щедриным тип лицемера, пустослова Иудушки, как замечательное художественное открытие (Письмо Жемчужникова сатирику от 28 сентября 1876 г. См.: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 415—416).

«новый человек». В одной из дневниковых записей Жемчужников рассуждал: «Хорош или дурен нигилист, но он первый и единственный тип положительного русского человека... всмотревшись в него, мы увидим, что, кроме *деятельности* в противоположность бездействию, он и в мировоззрении своем представляет не одно только отрицание. У него есть и *положительные* идеалы и чувства» (ЦГАЛИ).

Положительные идеалы и чувства особо подчеркнуты автором в высказываниях Кузьмина. Своей убежденностью, чистотой нравственного чувства, реализмом взглядов, искренней приверженностью к идеалам свободы, общественного служения народу, своей преданностью науке, своей горячей защитой «массы юных сил», рвущихся к новой жизни, жемчужниковский герой был контрастом тому преднамеренно очерненному, оклеветанному образу молодого человека, «нигилиста», которого так шумно и злобно выставляла напоказ всей России реакционная пресса.

Я родину люблю и нервами, и кровью,
И мозгом... всем, что есть, всем существом моим.
Делю я горе с ней и радость — коль случится.
Когда — ей поклонюсь; когда — ее ругну.
Как равный равную люблю свою страну.
А вы нас учите: святой Руси молиться.
Мы лишь поклоны класть да ей кадить должны...
Какая ж тут любовь!.. Роль вашего кумира
С восторгом сменит Русь на роль живой страны
Среди живого мира! —

провозглашает Кузьмин.

Именно о такой демократической любви к России говорили Салтыков-Щедрин и Некрасов. Вообще следует заметить, что кузьминские речи «документируются» программными выступлениями «Отечественных записок», а сараевские, в свою очередь, — передовицами «Московских ведомостей». Этот своеобразный «книжный» подтекст сатирических сцен делал их необычайно злободневными, активно вторгающимися в борьбу общественно-литературных партий.

Интерес к сатире сопровождал поэта во все периоды его литературного труда. В 80—90-х годах, в разгар зверской, разнузданной послепервомартовской реакции, поэт не только не оставляет пера сатирика, но обращается к нему, кажется, чаще и усерднее, чем прежде. Его излюбленный жанр — своего рода сатирические сюиты, объединенные общей обличительной идеей небольшие зарисовки от-

рицательных типов и ситуаций («Заметки», «Современные заметки», «Радостные куплеты», «Скерцо» на гражданские мотивы»). Уязвляются дельцы-хищники, беззаветно лакействующие перед властью обыватели, «пестрые люди» с философией Червяка («Ползну, отмеряю — и дальше»), националисты-обрусители. Сатирик замахивается на «священную дружину», на Сенат («Конь Калигулы»), издевается над реакционным «духом времени», столь враждебным творчеству («Из мрамора резцом ваяют Аполлона, Но разве вылепишь его из нечистот?»). Снова возникает замысел большого сатирического полотна. Теперь он реализуется в «Сказке о глупом бесе и мудром патриоте» (1881—1883).

Сюжет сказки как-то запоздало литературен и парадоксален. Бес соблазняет «патриота», чтобы закрыть ему дорогу в «рай», а между тем тот давно «наш», давно в «аду» обитель для него готова.

В упрямом, залубеневшем в своем ретроградстве и ненависти к новому «патриоте» поэт прихотливо соединил и одержимое катковское охранительство, и хвастливо-эпигонское славянофильство, плоско противопоставляющее Россию Европе, и воинствующий победоносцевский православный монархизм — одним словом, политические доктрины, концепции и верования махровой реакции и верноподданнической обывательщины.

Но либеральный автор снова допустил серьезный идейный «перекос». «Патриот» Петр Фомич, тупой и въедливый реакционный писака, превращается в поэме-сказке чуть ли не в главное и единственное зло России. Много искусственного в эпизодах «совращения»; претендующие на обобщенную собирательность группы-образы «умалишенных», «самоубийц», «убогих», «нищих» (в лице их представлен народ, крестьяне) вносят в сатирическое повествование диссонирующий мелодраматизм. Правда, есть тут и удачные сатирические обобщения. Например, «золотари». Это светская молодежь, люди духовного «тру-ля-ля». Или «другой разряд» — рыцари взятки, разорители, казнокрады и воры, которые тянут одну «патриотическую» ноту:

Все за собственность стать мы готовы;
И конечно... за веру, семью... Вообще —
За основы!

Порой ритмическим разнообразием стихов поэту удается передать впечатление духовной смуты, разброда и развала русского общества под властью отупляющей и мертвящей все живое реакции. Легкомысленные куплеты только что отплясывавших канкан марио-

неток теснит заунывная песня-жалоба, ее сменяет песня-инвектива, полная язвительности и гражданского пафоса.

Есть в поэме и некоторые другие частные удачи. В целом же «Сказка» оказалась растянутой, композиционно неслаженной, со множеством вставных эпизодов; идея и содержание некоторых глав (особенно первых четырех) мельчится памфлетным обличительством. Жемчужников предназначал «Сказку» для «Отечественных записок». Но ознакомившийся с нею Салтыков-Щедрин не принял ее в печать. «Я нашел, — писал он Жемчужникову, — что мотив ее несколько беден для большой вещи, что вообще поэма эта, в смысле сатирической, не отражает современности Русской». [1]

Как и прежде, значительно более прочный успех падал на сатирические произведения малых жанров. В преклонных летах Жемчужников создает запоминающиеся образцы политической сатиры, бичующей давних врагов поэта — реакционную печать, сановный бюрократизм, буржуазное хищничество, политический кретинизм правящей клики, черносотенство, самодовольство и тупость нагло утверждающегося в обществе российского обывателя («Семьдесят пять лет», «Письмо юноше о ничтожности», «Пятно», «Посмертное произведение К. Пруткова» и др.).

Жемчужникова-сатирика в глазах современных ему читателей, конечно, заслоняли гигантские фигуры «властителей дум» целых общественных поколений — Некрасов, Салтыков-Щедрин. И это естественно. Их произведения выразили гнев народа, боровшегося за свое материальное и духовное освобождение. Жемчужников стоит поодаль, в тени. Но сатирическое наследие поэта нельзя сбросить со счетов прогрессивной русской поэзии.

Сатира Жемчужникова — весьма примечательное свойство его таланта и немаловажный творческий итог его деятельности. Это доказывается не только нераздельно с нами живущим веселым смехом Пруткова, но и незаслуженно забытыми, остроумными, способными вызвать ответные чувства советского читателя произведениями честной «карающей музы» поэта.

6

Интимно-психологическая лирика Жемчужникова задушевна, реалистична и проста. Она обращена к земным радостям и печалям. Она не оставит равнодушным всякого, кто желает найти в стихах — и в стихах ясных, гармоничных, может быть несколько

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 19. М., 1937, стр. 191.

традиционных по форме — выражение чувств и мыслей духовно одаренной личности. Ее отличают обостренная социальная пытливость, ум, несколько насмешливый, ироничный, сердечная чуткость к людям («Я брат на земле всем живущим»), жизнелюбие, радость общения с искусством, природой. Поэт умел придать этим чертам и качествам свой особенный характер. Его стихи необычайно конкретны.

В лирике раннего периода преобладают элегические мотивы и формы. Это автобиографические признания в неудовлетворенности службой, ощущение «нравственной неволи», разочарования в «свете», скуки и однообразия жизни. В письме к жене в 1862 году поэт отзывался о дочери одного своего влиятельного петербургского знакомого: «Должно быть, природа одарила ее особенно богато, если она не сделалась жеманной куклой среди этой постоянной собачьей комедии, которую она видит; среди этой пустой светской сволочи и нравственного ничтожества. . .» (ЦГАЛИ).

Источник скорбных размышлений, таким образом, был очень конкретен, брал за живое, нещадно огорчал поэта, и он в своей ненависти к офранцуженному «свету» молил любимую: «по-русски говорите, ради бога».

В ранних стихах встречается «вечная» тема борения жизни и смерти. Но оформляется она в виде «кладбищенского» размышления, без широты, без философской глубины и поэтической обобщенности. Столь же камерно разработана популярная в поэзии тема Демона, «духа безмолвия и тьмы». Жемчужниковский Демон по-домашнему назван соглядатаем, даже «надзирающим чертом» (в черновом автографе).

Как говорилось, одновременно с лирическими стихами Жемчужников очень успешно писал «прутковские» пародии на них. Поэт сдерживал себя; как огня остерегался выспренности, банальности, шаблона. Характерно, что излюбленные поэтами «чистого искусства» образы и темы в лирике молодого Жемчужникова представлены очень скромно. Стихи о любви единичны. Антологических вовсе нет. На первом месте у поэта — забота о естественности выражения непосредственных чувств.

Искренне звучало в стихах восхищение творчеством, искусством, особенно музыкой, поэзией:

И с неба музу мне родную
В молитве пламенной зову.

(«Когда очнусь душою праздной. . .»)

В стихах Жемчужникова неприятие «казенного» мира и пошлого «света» выражается в осуждении их как сферы антиэстетической, враждебной подлинно творческим, одухотворенным и светлым началам человечности. Лирический герой не устает и себя нравственно казнить за слабости, за привычку идти по «дороге грязной». Его тревожат думы гражданина.

Искусство как величайшая духовная ценность жизни — постоянная тема жемчужниковской лирики. Поэт любил и понимал музыку. Ей посвящены лучшие его лирические вещи («Я музыку страстно люблю. . .», «Септуор Бетховена», «Я музыкальным чувством обладаю. . .», «В театре», «Отголосок пятнадцатой прелюдии Шопена», «Отголосок девятой симфонии Бетховена» и др.). «Чарующая власть» аккордов, пленительные звуки шопеновской или бетховенской мелодии будят в душе прекрасные и чистые порывы. Самые дорогие воспоминания у поэта связаны с музыкой. Она способна внушить веру в нравственное обновление личности, потрясти ее всю «мятежностью дум печальных», восторгом высокой мечты. Трудно было бы назвать другого русского поэта, который такими точными и эмоциональными стихами приблизил бы читателя к пониманию высокого музыкального артистизма, его человечески облагораживающей сущности.

Говоря словами Белинского, «лелеющая душу гуманность» составляет примечательную особенность трех более или менее крупных стихотворных групп, в основном исчерпывающих интимную лирику Жемчужникова. Речь идет, во-первых, о пейзажной лирике, во-вторых, о цикле элегических стихов, написанных в 1876—1879 годах, в-третьих, о «Песнях старости».

Стихотворные пейзажи Жемчужникова всегда очень предметны. Поэт любил подчеркивать их географическую, так сказать, приуроченность. Это парки дачных мест Петербурга в юношеской лирике, в зрелой — поля и леса, холмы и степи средней полосы России (Орловская, Тамбовская, Рязанская губернии), горы, долины и озера Швейцарии. Поэт в этих местах подолгу жил или проводил лето. Большинство стихов о природе сведено в циклы под характерными названиями: «Зимние картинки», «Сельские впечатления и картинки» (две серии), «Лесок при усадьбе». Основной мотив стихотворных пейзажей Жемчужникова — восхищенное восприятие сельской природы и скромной, простой деревенской жизни в их противопоставленности городу, который в одном из стихов именуется «веселым кладбищем», в другом — «тягостным игом». Конечно, поэт отдавал дань традициям русской лирики, в которой такой контраст нередок. Но следовал Жемчужников не карамзинским идиллиям, не

поэзии дворянской усадьбы в ее фетовских или майковских эстетических вариациях. Жемчужникову ближе, органичнее пушкинская тема сельского уединения и творческого труда, лермонтовский пейзаж, запечатлевший чету белеющих берез, дрожащие огни печальных деревень. Поэт любуется природой, живо чувствует ее красоту, бесконечно привязан к своему, родному. Живя долгое время за границей, поэт тосковал по русской зиме. В швейцарской деревне, среди гор, под снежной пеленой ему грезится «родная гладь зимующих полей». На берегу Рейна звуки журавлей, возвращающихся с севера, пробуждают в душе поэта глубокое сыновнее чувство:

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!..
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

(«Осенние журавли»)

Пейзажи Жемчужникова не оторваны от мира человеческих отношений. Напротив, его описания природы оживлены лирикой душевных переживаний. Пейзажи его населены. И фигура «старика прохожего с нищенской сумою» или возвращающиеся с поздней молотьбы крестьяне и песнь их, «безотрадная, как приговор судьбы», дают свой колорит зимнему вечеру, воспринятому поэтом с саднящим чувством боли и грусти, жизненной неустроенности.

Поэт не умалчивает о «грозных бедствиях в быту крестьян убогом». Однако господствующая в пейзажах тональность — мажорная, оптимистическая. Поэта радует уж одно то, что он в лесу, на «ниве зеленой», в степи слышит птичий гомон, любуется перспективой глухой, заброшенной дороги, одиноким кустом ракиты на ней. Бодрого настроения, чувства слияния с природой (не в каждый данный момент, а вообще, в смысле мироощущения) не нарушают ни надоедливый осенний дождь или невылазная грязь земской дороги, ни снежная метель или «ночи тьма»:

Природы друг, я в ней ловлю
Все звуки жизненного гимна.

*(«О, жизнь!
я вновь ее люблю...»)*

Перед радостями общения с природой как-то отступают, бледнеют все невзгоды:

Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

(«С гор потоки»)

Жемчужников умеет передать словом и в слове звуки, краски, запахи природы, нарисовать подмеченные зорким и любящим глазом детали весеннего оживления земли или знойного лета. Приметы времен года у Жемчужникова всегда точны. Образ ранней русской зимы, первой пороши удивительно поэтично и тонко, как акварелью, воссоздают увиденные поэтом подробности: «черной пашни с каймою снежной борозды»,

Узоры стынущей воды,
И в рыхлом снеге птичьих лапок
Звездообразные следы.

Жемчужников писал о Фете:

Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

(«Памяти Шеншина-Фета»)

Жемчужников тоже пел гимны русской природе, тоже изливал всю душу ей. Но у него своя манера лирического повествования, мало в чем схожая с фетовской стилистикой «неуловимых ощущений». Понятно, что мы говорим об этом не в укор ни тому, ни другому поэту. У каждого из них — свое поэтическое ви́дение мира, природы.

«Подметить всё и записать бы» — так Жемчужников определил свой подход. Он сторонник точного, конкретного живописания, где метафора не переходит грань красочной изобразительности, где звонкие стройные ямбы, как бы глуша игру прихотливых субъективных ассоциаций, формуют нечто ясно лирическим героем осознанное,

отчетливо воспринятое, им увиденное именно в Павловке или в Ильиновке.

Стихи Жемчужникова о природе «дышат истинной и горячей любовью поэта к родине» (Ив. Бунин). Они не блещут яркостью красок, богатством и разнообразием картин, новизною образов и сравнений — в этом отношении поэту трудно было бы состязаться с Фетом, — но они глубоко жизненны и правдивы, убедительно подтверждая старую истину: поэзия всюду, где жизнь.

Глубокая жизненность, искренность, душевное благородство отличают любовную лирику поэта.

Подобно тому как у Некрасова героиней многих любовных стихов была Авдотья Панаева, у Тютчева — Денисьева, у Фета — Мария Лазич, подобно этому и у Жемчужникова любовный цикл не безличен, имеет свою героиню — Елизавету Дьякову, жену поэта. Стихи посвящены умершей. Проникнутые сердечностью, они воспроизводят глубоко симпатичный образ доброй, милой, скромной, любящей женщины — друга, ласковой матери детей («Кончено. Нет ее. Время тревожное. . .», «Гляжу ль на детей и грущу. . .», «Если б ты видеть могла мое горе. . .», «За днями ненастными с темными тучами. . .», «Чувств и дум несметный рой. . .» и др.).

Стихи полны воспоминаний о пережитых радостях и счастье, они чисты, деликатны, «без малейшей, — как выразился один критик, — эротической примеси». Каждое из них излучает поднимающую душу человечность. Они выстраданы в самом глубоком смысле этого слова. Неутешное горе, щемящая боль разлуки и одиночества, рыдания и стоны измученного сердца слышатся в них почти физически ощутимо:

Душу вылил бы я всю;
Воплотил бы сердце в звуки!
Песни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,
Про глубокую тоску —
Их святыни не нарушат. . .
Спел бы я, да не могу —
    Слезы душат. . .

(«Чувств и дум несметный рой. . .»)

Напряженные, звучащие как натянутая струна стихи этого цикла волнуют выраженной в них силой чувства любви, нежности, преданности, благодарности. Удивительны по искренности тона, по человеческой теплоте нарисованные поэтом грустные картины воспоминаний о былых радостях и тревогах в кругу осиротелой семьи.

Тонкий и строгий ценитель поэзии И. С. Тургенев высоко отзывался об этих стихах Жемчужникова: «Лучше их Вы никогда ничего не написали». [1]

Однако указанные интимные мотивы — это еще не вся любовная лирика Жемчужникова. Есть в ней такая сторона, которая придает циклу необыкновенную полноту и законченность лирических звучаний. В стихах фиксируется выход поэта из состояния душевной депрессии. Личное горе не застило перед ним весь мир, окружающую жизнь с ее бедами и отрадами. Поэт поведал об этом очень мужественно и просто, без рисовки, в подчеркнуто разговорной обыденной интонации в стихотворном послании «Совет самому себе». Личная трагедия преодолевалась самым достойным человека образом. «Отчизны добрый сын», поэт-гражданин, утишил горе в думах о народе, о судьбе страны, горячим заинтересованным откликом на общественные события дня. Невольно вспоминаются печатавшиеся в это время «Последние песни» Некрасова, нашедшего мужество, силы, чтобы и в предсмертных муках призвать к жизни, к борьбе.

Стихи Жемчужникова питались из родственного источника высоких идейных побуждений. Это прежде всего и отметили чуткие современники, и среди них такие, как Тургенев и Салтыков-Щедрин.

Завершающие лирический цикл стихотворения развивают темы привязанности к жизни и людям, долга, изживания настроений тоски, душевной немоты:

Крепнет решимость — расстаться с привычкою горя,
Волю воздвигнуть мою;
Мыслью спокойной я жизнь, не ропща и не споря,
Как она есть признаю.

(«На горе»)

Устремленные навстречу «радостному маю», полевым цветам, дружбе, семейной участливости, навстречу ветрам бурной современности, стихи поэта светятся огнем щедрого, доброго сердца и мужественного ума, они светлы по тону, оптимистичны, несут в себе немалый заряд гуманистического воодушевления.

Лирические мотивы Жемчужникова завершаются «Песнями старости» и «Прощальными песнями», представляющими собою очень своеобразное художественное явление. Это если и не единственная в своем роде, то уж во всяком случае не так часто встречающаяся в дореволюционной литературе *лирика старости,* старости мудрой, жизнелюбивой, бодрой, необычайно духовно деятельной. Ни малей-

---

[1] «Русская мысль», 1914, № 1, стр. 139.

шего налёта старческого брюзжания, отшельничества и душевной замкнутости! Ни малейших следов страха перед смертью, отчаяния, пессимизма! В отличие от мрачных стихов, скажем, Фета, Случевского, Апухтина или пессимистических излияний преждевременно одряхлевших поэтов-декадентов, «Песни старости» Жемчужникова социально и нравственно, если так можно сказать, в высшей степени гигиеничны. Недостаточно только достойно жить, нужно и умереть достойно — мысль не новая, но ничуть не стареющая. Стихи Жемчужникова дали этой мысли подлинно поэтическое выражение, убеждающую лирическую образность.

«Есть люди, — записывал поэт в дневнике, — принесшие к своей могиле пыль и грязь пройденного ими пути. Есть люди, достигшие старости, которые ничем эту старость не обогатили: ни дурным, ни хорошим. Они похожи на какие-то зеркала, в которых жизнь отражается мгновенно и по миновании не оставляет после себя никакого следа. Есть люди в старости такие, что в них видится и чувствуется отражение перенесенных ими впечатлений, совершенно независимо от желания высказать эти впечатления. Они, так сказать, изборождены следами жизни. Эти люди приближаются к могиле, полные дум и чувств» (ЦГАЛИ, Записные книжки 1889—1891). К последней здесь означенной категории лиц принадлежал сам поэт.

Лирический герой «Песен старости» неистощим в чувстве жизни. Он деятелен и умственно и физически. Сравнивая себя с гетевским Эгмонтом, преданным «сладостной привычке бытия», герой Жемчужникова спешит творить добро. Обращения поэта к сверстникам исполнены гражданской страсти, призывов не угашать духа и защищать правду с бестрепетным упорством:

Грешны и жалки мы, без пользы жизнь кончая
И без луча надежд!

Примечательно по идее и выразительности «Превращение», гневно осуждающее старика, который изменил своему честному прошлому, ослеп умом и сердцем, «в смерти видит жизнь», «в камне видит хлеб», проклинает то, чему поклонялся в молодости.

Столь психологически понятная в старости тяга к уединению получает у Жемчужникова свое объяснение. Герой ищет сельской тишины и безмолвия, чтобы хотя на миг укрыться от жалкой современности, от тех, кто

...свежей новизны обид не перенес
И обратился вспять на старину гнилую,
Как на блевотину свою нечистый пес.

(«Песни об уединении»)

Беспокойная старость — вот, в сущности, девиз лирического героя Жемчужникова. Его радует все великое и прекрасное, печалит тяжелое, горестное, приводит в гнев злое. Десятки стихов из «Песен старости» — проникновенные поэтические напутствия юному поколению, забота о том, чтобы уберечь его от «мрака и грязи». Эти послания доброжелательны, великодушны, лишены черт любующегося собою назидательства. Жемчужниковский старик и «не убог», и не из тех, кто заедает «чужой век»; он способен на самоотверженную любовь. Вот обращение к дочери, которую постигло горе:

Теперь, когда я с новой силой
Все блага жизни возлюбил,
Ценою их, о друг мой милый,
Тебе бы счастие купил.

Все, кажется, вместил в свой духовный мир этот заботливый, деликатный, благожелательный и вместе требовательный к себе и людям, живущий «не зря» старик — и шутку («Мой ум с веселым смехом дружен»), и мечтанья («Мечтанья старцам не к лицу... Что ж делать! Все-таки мечтаю»), и грусть ночного «одинокого бдения», и воспоминание былого «то с краской счастья, то стыда», и размышления о России, ее будущем («Чуется, что ветхий человек Желал бы, обновясь, ступить в двадцатый век»), и предчувствие смерти («Конец приближается грозно», «Жду смерти каждый день сознательно и просто...»), и жажда радостей земных («Я жизнь люблю, я жизни рад...»), и любовное отношение к природе («Приветствую тебя, веселая весна», «Душа приветы шлет родному краю»), и тревожное чувство отъединенности от стремительно несущегося времени («Что я?.. Певец былых кручин; Скрижалей брошенных обломок»), и трогательное, светлое, поистине поэтическое прощание с жизнью, родиной, «с милой матерью землею»:

И скажу: прими от сына
Благодарность зá хлеб, зá соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила.

Было бы неверно умалчивать и о некоторых сторонах, ослабляющих богатое идейно-психологическое содержание «Песен старости». Именно в этом цикле появилось четверостишие «Памятник Александру II» (1898), представляющее собой сгусток либеральных умонастроений автора, близорукое прославление царя-«освободителя» и когда-то «дарованных» им куцых реформ.

В последних стихотворениях, особенно «Прощальных песнях», очевидны поэтические неудачи автора — многословные описания деревенского отдыха-уединения, повторяемость мотивов, какая-то расслабленность стиха-резиньяции. Следует также сказать о религиозных мотивах. Правда, они здесь отнюдь не превалируют, не отличаются также какой-либо особой мистической сосредоточенностью или православной ортодоксальностью. Автор подчеркнул специфику своих религиозных настроений стихами:

Не ограждайся гранью тесной;
Огней духовных не туши;
Свободомыслие совместно
С религиозностью души.
Блюди же зорко, чтоб в отчизне
Не гас духовный пламень жизни!

(«У входной двери»)

В «Песнях старости» и «Прощальных песнях» гораздо чаще, чем в произведениях предшествующих периодов, встречаются умиленные зарисовки молитвенно настроенной толпы, сельского храма; в поэтических описаниях природы порой заметна религиозная символика; гуманистические призывы и размышления нет-нет да и облекутся в евангельскую притчу или переложенный в стихи псалом. Повторяем, однако, что религиозные мотивы не звучат сколько-нибудь громко. Ясное, трезвое, освещенное разумом восприятие жизни было настолько прочным и господствующим у Жемчужникова, что религиозный дидактизм в его лирике был просто невозможен. Небезынтересно, что в стихотворении «Загробная тоска» (1890) публично высказывалось сомнение в святая святых религии — бессмертии души и загробной жизни. Мировоззрение поэта никогда не было религиозным, не стало оно им и в старости.

Незадолго до смерти поэт написал к восьмидесятилетию Л. Толстого стихотворение, проникнутое глубоким уважением к гению великого художника, к его объемлющему мир творчеству, к его нравственной проповеди. Но тут же с замечательной прямотой Жемчужников относит себя к числу тех, чьи «убеждения сложилися иначе», кому дороги «красы земного бытия», кому близки «политики задачи». Обращаясь к Л. Толстому, он декларирует верность своему гражданственному идеалу, самой сущности своей жизнеутверждающей поэзии:

Твой разум — зеркало. Безмерное оно,
Склоненное к земле, природу отражает:

И ширь, и глубь, и высь, и травку, и зерно...
Весь быт земной оно в себе переживает.

Работа зеркала без устали идет.
Оно глядит в миры — духовный и телесный;
И повествует нам всей жизни пестрый ход
То с мудрой строгостью, то с нежностью прелестной.

В нем отразился мир с подробностями весь...

Стихотворение Жемчужникова, опубликованное впервые в популярном журнале «Вестник Европы», стало широко известно благодаря газетным цитациям и перепечаткам. Употребленное в нем поэтическое сравнение личности и творчества Толстого с отражающим мир зеркалом хорошо передавало идейно-художественные устремления самого поэта, его глубокую приверженность к реалистическим традициям отечественной литературы, которым он оставался верен во все периоды своей полувековой писательской жизни.

Творчество Жемчужникова — не только интересная страница истории русской поэтической культуры. Его поэзия не оставит равнодушным и современного читателя. Честный голос его гражданской музы, его остроумная сатира, его жизнелюбивая, искренняя лирика найдут дорогу к сердцу и уму людей советского общества.

Е. Покусаев

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Мне советовали предпослать полному собранию моих стихотворений автобиографический очерк. Я решился последовать этому совету, и прошу у читателя позволения остановиться подольше в моем очерке только на тех обстоятельствах моей жизни, которые имели наиболее влияния на мои литературные занятия.

Я родился в феврале 1821 года. Воспитывался до 14-летнего возраста дома. Потом поступил, в 1835 году, в Первую санкт-петербургскую гимназию, из которой вскоре вышел, чтобы держать экзамен в только что основанное императорское училище правоведения, куда и был принят в числе, кажется, сорока первоначальных его воспитанников, 5 декабря того же 1835 года. Окончив курс, я вышел из училища в 1841 году с чином 9-го класса. Наш выпуск был второй с основания училища. Я поступил на службу в Сенат. Но в следующем же году, к великому моему удовольствию, был уволен от канцелярских работ и прикомандирован для занятий к ревизовавшему Орловскую и Калужскую губернии почтенному сенатору Дмитрию Никитичу Бегичеву, автору романа «Семейство Холмских». Ревизия продолжалась года два. В 1844 году судьба помогла мне снова избавиться от Сената. Получив отпуск, я обратился к занятиям по другой сенаторской ревизии. В то время мой отец ревизовал таганрогское градоначальство, и я находился при нем в продолжение восьми месяцев. Занятия при ревизовавших сенаторах были для меня весьма полезны. Они дали мне возможность еще в юности ознакомиться с жизнию провинции и находиться в сношениях со всеми общественными слоями. В мае 1846 года я получил опять отпуск с разрешением поехать за границу, откуда вернулся на сенатскую службу через восемь месяцев. Летом 1847 года я перешел из Се-

ната на должность помощника юрисконсульта, а в 1849 году поступил на службу в государственную канцелярию, где с 1855 года был помощником статс-секретаря государственного совета. 1-го января 1858 года я вышел в отставку.[1] С тех пор я покинул Петербург как постоянное местопребывание и проживал сначала в Калуге, где женился, потом несколько лет в Москве, а затем за границей: преимущественно в Германии, в Швейцарии, в Италии и на юге Франции. Моя продолжительная жизнь за границей, которая была, впрочем, прервана возвращением на некоторое время домой, была для меня не менее полезна, чем жизнь в провинции. Я убедился на опыте в разумности и в высоком нравственном значении многих сторон западноевропейского быта и проникся глубоким к ним уважением и сознательным сочувствием. С 1884 года я переселился окончательно в Россию. Последние четыре года я живу в деревне, то у себя, в Елецком уезде, Орловской губернии, то у моих родственников, большею частью в Рязанской губернии.

Я делю мою жизнь после выпуска из училища на два периода, резко отличающиеся друг от друга по внутреннему своему содержанию: до отставки в 1858 году и после отставки. В первом периоде было более внешних перемен и движения, знакомств, обязанностей и таких занятий, которые служащими чиновниками называются «делом»... Во втором было более сосредоточенности, размышления и критики. Критическое отношение к окружавшему меня обществу заставило меня обернуться задом ко всему прошлому и пойти другой дорогой. Именно с той минуты, когда я оказался без обязательного служебного дела, я начал сознавать, что могу быть дельным человеком. Я искренно уважал государственных людей, достойных этого имени; но, достигнув 37-летнего возраста, я начал сомневаться в том, что во мне есть данные для занятия когда-нибудь между ними места. За все время моей службы я успел составить себе репутацию искусного редактора. Действительно, я умел хорошо писать бумаги и доклады и ловко редактировал чужие мнения; и нет сомнения, что при таких условиях я мог бы «составить себе карьеру»; но меня — могу похвалиться — такая перспектива не привлекала. В мои лета пора уже было позаботиться о возможности выражать свои собственные мнения, вместо того чтобы редактировать чужие, да

---

[1] Несколько лет тому назад, в одной статье, где была представлена краткая характеристика русских современных писателей, сказано было обо мне, что я одно время был губернатором. Пользуюсь настоящим случаем, чтобы исправить эту ошибку. До моей последней службы в государственной канцелярии я служил только по ведомству министерства юстиции.

притом еще нередко мне антипатичные. А потому я решился, к немалому удивлению многих моих сослуживцев и знакомых, расстаться и с званием помощника статс-секретаря государственного совета, и с званием камер-юнкера.

В первом периоде моей жизни я убил много времени даром. Жизнь чувственная часто преобладала совершенно над духовною. Не столько служба, сколько светская жизнь нередко засасывала меня как болото. Появлялись, конечно, и тогда более или менее продолжительные светлые промежутки. Они-то и подготовили возможность совершившейся со мною после перемены. Еще на училищной скамье я сделал запас возвышенных идеалов и честных стремлений. Дух училища в мое время был превосходный. Этим духом мы были обязаны не столько нашим профессорам, между которыми были очень почтенные люди, но Грановских не было, сколько самому основателю и попечителю нашего училища — принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Он, своим личным характером и обращением с нами и нашими наставниками, способствовал к развитию в нас чувства собственного достоинства, человечности и уважения к справедливости, законности, знаниям и просвещению. Состав моих товарищей был также очень хорош. Я был близок почти со всеми воспитанниками трех первых выпусков. Мы были воодушевлены самыми лучшими намерениями. Как добрые начала, вынесенные из училища, так и доходившие до меня потом веяния от людей сороковых годов не дозволяли мне бесповоротно увлечься шумною, блестящею, но пустою жизнью. В первый период моей жизни я, может быть, многое проглядел из того, что́ происходило вокруг меня; но то, что́ до меня доходило, оценивалось мною по достоинству. Я продолжал мерить людей и дела мерою сохранившихся в полной чистоте и неприкосновенности моих идеалов. Врожденная отзывчивость не дала душе моей заглохнуть. Я был всегда чужд равнодушию, и это было большое для меня счастие. На своем веку я подмечал не раз, как индифферентность вкрадывается в человека большею частью под личиною «благоразумия и практичности в воззрениях на жизнь», а потом, мало-помалу, превращается в нравственную гангрену, разрушающую одно за другим все лучшие свойства не только сердца, но и ума. После моей отставки я, на полной свободе частной жизни, сблизился с обществом писателей и со многими лучшими представителями направления сороковых годов, к которым питаю до сих пор особую симпатию и глубокое уважение. Они всегда были лучшими моими друзьями и наставниками.

Самым тяжелым и мрачным временем моей жизни я считаю вступление мое на службу в 4-й департамент Сената после выпуска

из училища. Я помню, что первое порученное мне занятие состояло в исправлении старого алфавитного указателя, в котором наибольшая часть дел, чуть ли не целый том, значилась под буквою О: *о* наследстве, *о* спорной земле, *о* духовном завещании и т. д. до бесконечности. Помню также, что я около того же времени написал на черновом листе какой-то деловой бумаги стихотворение, в котором призывал к себе на помощь терпение ослиное, так как человеческого было недостаточно. Самое лучшее время моей жизни было пребывание мое в Калуге вскоре после выхода в отставку. Тогда разрешался крестьянский вопрос. Я почитаю себя счастливым, что был свидетелем освобождения крестьян в Калужской губернии, где тогда был губернатором мой товарищ по училищу и друг Виктор Антонович Арцимович, женатый на моей сестре. Великое дело имело огромное влияние на русское общество. Оно вызвало и привлекло к себе большое количество друзей и тружеников. Новые люди являлись повсюду, и общество росло умственно и нравственно, без преувеличения, по дням и по часам. Недавние чиновники и владетели душ преображались в доблестных граждан своей земли... Хорошее было время! Я должен упомянуть еще об одном обстоятельстве того времени, чисто личном, но имевшем глубокое влияние на всю мою последующую жизнь. Я тогда сделал знакомство, которое положило основание моему семейному счастию. Словом, это время было в моей жизни светлым праздником.

Обстоятельства жизни отражались на моих литературных занятиях. Я начал писать еще в училище, преимущественно стихами, и писал немало.[1] Потом скучная служба и рассеянная жизнь заставили меня замолкнуть. В печати я появился не прежде 1850 года. Сперва писал мало и лениво, как бы в минуты пробуждения. Иногда мне случалось относиться критически к окружающей меня среде и тосковать о своей нравственной неволе. Когда, в эпоху новых веяний, я вышел в отставку именно с тем, чтобы иметь право и возможность мыслить и чувствовать с большею свободою и независимостью, во мне родилось сомнение в дельности моих литературных занятий. Мне казалось, что мои стихи никому не нужны в такое серьезное время. Поэзия на «гражданские мотивы» была бы очень уместна в эпоху пробуждения ума и совести. Я сознавал все высокое ее значение, и меня к ней тянуло; но эти песни пел тогда Некрасов. Они были так сильны и оригинальны, что тягаться с ними я,

---

[1] Мы издавали в училище, кажется, в продолжение трех лет, ежемесячный рукописный журнал под скромным названием: «Собрание упражнений воспитанников такого-то класса». Я был один из редакторов.

конечно, не мог, а вторить им, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне. С другой стороны, так называемая «чистая» поэзия, отрешенная от злобы дня, — возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бывает. Но я чувствовал, что моя муза не обладает ни лиризмом, ни красотою, которые я почитал необходимыми принадлежностями чистой поэзии. В то время мои недостатки оказались бы еще заметнее. Вот почему я тогда почти бросил писать стихи и обратился к прозе, так как делиться с обществом моими мыслями я все-таки чувствовал потребность. В то время я написал статью: «Современный просветитель народа» (напечатана в «Русском вестнике»), в которой подвергнул критическому разбору брошюру «Печатная правда», обращенную к русскому народу с целью приготовить его будто бы к пониманию объявленного уже правительством преобразования крестьянского быта; а позднее — статью «Физиономии и силы» (в «Русском вестнике»), в которой, с точки зрения наступившего переходного времени, старался отметить черты нашего дореформенного быта.[1] Когда я жил за границею, во мне вновь родилась потребность писать стихи. Второй перерыв в стихотворстве совпадает со временем болезни и смерти моей жены. Затем, в особенности с 1883 года, я начал писать сравнительно много. В 1884 году я вернулся в Россию, и все последние года мне писалось более, чем когда-нибудь в моей жизни. Мне казалось — и продолжает казаться до сих пор, — что у меня есть что сказать, и мне хочется высказываться. В этом настроении чувствуется желание наверстать потерянное время и сознание, что возможность писать может прекратиться со дня на день. Быть может, здесь также есть доля старческой болтливости.

До сих пор не было издано ни одного сборника моих стихотворений, и я представляю едва ли не единственный у нас пример поэта, дожившего до 71-го года и не издавшего ни одного такого собрания. Это произошло оттого, что в юности я просто не заботился об издании мною написанного; а потом все откладывал это дело — должен признаться — из самолюбия. Я охотно согласился на

---

[1] Прозою я писал еще менее, чем в стихах. Кроме поименованных статей, были напечатаны еще две-три обличительного и полемического характера и ряд писем из-за границы во время и после франко-прусской войны. Статьи были напечатаны в «Русском вестнике», в «Московских ведомостях», под редакциею В. Ф. Корша, и в «Дне» И. С. Аксакова; а заграничные письма — в «Петербургских ведомостях», под заглавием: «Письма из немецкого захолустья» и «Письма из немецкого города», и были подписаны цифрами: I, VII. Я также напечатал, перед нашею последнею войною, письмо в газету «Голос» о тогдашнем настроении нашего общества.

издание сочинений популярного Кузьмы Пруткова, тем более, что не я один нахожусь за них в ответственности. А стихи за подписью моего имени... это — другое дело. Я никогда не был популярен. Отзывы обо мне появлялись в печати очень редко, и, может быть, по той, между прочими, причине, что я, не издавая собрания моих произведений, не подавал повода замолвить о них слово. Несколько последних лет я был в постоянной нерешительности. Мне все хотелось написать еще что-нибудь получше прежнего, и я не терял надежды, что это исполню. Теперь издаю полное собрание моих стихотворений, но не потому, что надежда моя исполнилась, а потому, что наконец — пора! В мои лета откладывать исполнение чего-либо на будущее время — не приходится. Пора подвести итоги и представить обществу отчет в моей литературной деятельности, какова бы она ни была.

Мне остается прибавить в заключение, что я, перед изданием этого сборника, пересмотрел все написанное мною в стихах, кроме, конечно, моих школьных сочинений. В сборник вошло, за малыми исключениями, то, что было уже напечатано в «Современнике», «Отечественных записках» (под редакциею Краевского), «Библиотеке для чтения» (под редакциею Дружинина), «Искре», «Русском вестнике» (1857—1859), «Петербургских ведомостях», «Голосе», «Отечественных записках» позднейшего времени, «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Северном вестнике», «Сборнике в память В. М. Гаршина» и «Сборнике в пользу голодающих», изданном редакциею «Русских ведомостей» в декабре прошлого года. Кое-что я исправил; кое-что сократил или переработал; два-три стихотворения выкинул, не потому, что они слабы, — слабых стихотворений окажется в этом собрании, без сомнения, немало, — а потому, что они мне не понравились. Кроме них не попали в это собрание еще несколько стихотворений, появление которых в печати было бы, пожалуй, несвоевременно.

Алексей Жемчужников

с. Стенькино, Рязанской губ.
17 февраля 1892 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРИТЧА О СЕЯТЕЛЕ И СЕМЕНАХ

Шел сеятель с зернами в поле и сеял;
И ветер повсюду те зерна развеял.
Одни при дороге упали; порой
Их топчет прохожий небрежной ногой,
И птиц, из окрестных степей пролетая,
На них нападает голодная стая.
Другие на камень бесплодный легли
И вскоре без влаги и корня взошли, —
И в пламенный полдень дневное светило
Былинку палящим лучом иссушило.
Средь терния пало иное зерно,
И в тернии диком заглохло оно...
Напрасно шел дождь и с прохладной зарею
Поля освежались небесной росою;
Одни за другими проходят года —
От зерен тех нет и не будет плода.
Но в добрую землю упавшее семя,
Как жатвы настанет урочное время,
Готовя стократно умноженный плод,
Высоко, и быстро, и сильно растет,
И блещет красою, и жизнию дышит...

Имеющий уши, чтоб слышать, — да слышит!

1851

ВЕРСТА НА СТАРОЙ ДОРОГЕ

Под горой, дождем размытой,
У оврага без моста
Приютилась под ракитой
Позабытая верста.

Наклонившись набок низко,
Тусклой цифрою глядит;
Но далеко или близко —
Никому не говорит.

Без нужды старушка мерит
Прежний путь, знакомый, свой;
Хоть и видит, а не верит,
Что проложен путь иной...

1854

* * *

Уже давно иду я, утомленный,
И на небе уж солнце высоко;
А негде отдохнуть в степи сожженной,
И всё еще до цели далеко.

Объятая безмолвием и ленью,
Кругом пустыня скучная лежит...
Хоть ветер бы пахнул! Летучей тенью
И облако на миг не освежит...

Вперед, вперед! За степью безотрадной
Зеленый сад, я знаю, ждет меня;
Там я в тени душистой и прохладной
Найду приют от пламенного дня;

Там жизнию я наслаждаться буду,
Беседуя с природою живой;
И отдохну, и навсегда забуду
Тоску пути, лежащего за мной...

1855

ДРУГУ

Тебе, познавшему отраду тайных слез
И посещенному глубокой, скорбной думой,
Я с возрождением приветствие принес:
Воскресни к жизни, — плачь и думай!

Не говори: «Мне дней самозабвенья жаль;
Забав беспечных рой меня покинул рано...»
Полюбишь ты свою разумную печаль, —
Возненавидишь блеск обмана.

Живи! Теперь ты жить достоин! Светских нег
Пришла пора стряхнуть мертвящие оковы.
К тебе весна идет; холодный тает снег, —
Под ним цветы расцвесть готовы.

1855

* * *

Я музыку страстно люблю, но порою
Настроено ухо так нежно, что трубы,
Литавры и флейты, и скрипки — не скрою —
Мне кажутся резки, пискливы и грубы.

Пускай бы звучала симфония так же,
Как создал ее вдохновенный маэстро;
И дух сохранился бы тот же, и даже
Остались бы те же эффекты оркестра;

Но пусть инструменты иные по нотам
Исполнят ее, — и не бой барабана
И вздох, издаваемый длинным фаготом,
Дадут нам почувствовать forte[1] и piano.[2]

Нет, хор бы составили чудный и полный
Гул грома, и буря, и свист непогоды,
И робкие листья, и шумные волны...
Всего не исчислишь... все звуки природы!

---

[1] Громко, сильно (итал.). — *Ред.*
[2] Тихо (итал.). — *Ред.*

А пауз молчанье — заменят мгновенья
Таинственной ночи, когда, молчаливый,
Мир дремлет и грезит среди упоенья
Прохладною тьмою и негой ленивой.

1855

ПРИМИРЕНИЕ

1

Вот наконец и ночь! Пришла моя пора.
Как этот ясный день, безоблачный с утра,
Торжественно сиял, и радостен, и звучен!
Как этот длинный день мне был тяжел и скучен!
Теперь, когда кругом безмолвно и темно,
Упреков он не шлет, глядя в мое окно,
Душе, взволнованной мятежною тревогой...
Пойду чрез поле в лес дремучий, и дорогой,
Нисшедшую ко мне благословляя тьму,
Ни разу к небесам очей не подыму.

2

Какая темнота! Уж лес, нахмурясь, дремлет,
Порой вершинами лениво заколеблет,
Иль птица сонная пугливо прокричит, —
И снова, погрузясь в дрему, он замолчит.
Я бодрствую один. Одна душа живая
Здесь бродит, тихий сон природы нарушая,
И хочет у нее, как полуночный тать,
Хоть долю гордого спокойствия отнять.
И долго я глядел с завистливой тоскою,
Как, темным пологом повиснув надо мною,
Бестрепетен и нем, меж звездами небес
И дольним сумраком стоял могучий лес.
И, обезумленный, тогда я горьким словом
Хотел смутить его в величии суровом.
Мой голос раздался среди лесной глуши...
Но крик, изверженный из глубины души,
Откликнулся мне так бессмысленно и дико,
Что в нем не узнавал я собственного крика...

3

Передо мной обрыв. Невидимый, внизу
Бежит поток, шумя по камням. Я ползу
К нему по крутизне. Мой слух внимает жадно
Его сердитому стремленью. Мне отрадно
В нем слышать ропот.

4

Нет!.. Не дикой красотой
Заглохшей пропасти, не сумрачной горой
И не бунтующим, стремительным потоком
Прельщенный, я стою в раздумии глубоком;
Не эти зрелища угрюмые земли
Пленили душу мне и взор мой привлекли, —
Нет! Брошенный сюда далекою луною,
Мне мил приветный луч, играющий с волною.
Нежданно проскользнув среди густых ветвей,
И искрясь, и дрожа, он так ласкался к ней!
Так блеск его в воде был нежен и приятен!
И тайный смысл его мне стал тогда понятен...
О небо чистое! со звездной высоты
На землю темную смотря любовно, ты
Меня, печального, во мраке отыскало
И к примирительной беседе призывало...

1855

ДОРОЖНАЯ ВСТРЕЧА

Едет навстречу мне бором дремучим,
В длинную гору, над самым оврагом,
Всё по пескам, по глубоким, сыпучим, —
Едет карета дорожная шагом.

Лес и дорога совсем потемнели;
В воздухе смолкли вечерние звуки;
Мрачно стоят неподвижные ели,
Вдаль протянув свои ветви, как руки.

Лошади медленней тянут карету,
И ямщики погонять уж устали;
Слышу я — молятся: «Дай-то бог к свету
Выбраться в поле!..» Вдруг лошади стали.

Врезались разом колеса глубоко;
Крик не поможет: не сдвинешь, хоть тресни!
Всё приутихло... и вот, недалеко
Птички послышалась звонкая песня...

Кто же в карете? Супруг ли сановный
Рядом с своей пожилою супругой, —
Спят, убаюканы качкою ровной
Гибких рессор и подушки упругой?

Или сидит в ней чета молодая,
Полная жизни, любви и надежды?
Перед природою, сладко мечтая,
Оба открыли и сердце, и вежды.

Пение птички им слушать отрадно, —
Голос любви они внятно в нем слышат;
Звезды, деревья и воздух прохладный
Тихой и чистой поэзией дышат...

Стали меж тем ямщики собираться.
Скучно им ехать песчаной дорогой,
Да ночевать не в лесу же остаться...
«С богом! дружнее вытягивай! трогай!..»

1856

* * *

По-русски говорите, ради бога!
Введите в моду эту новизну.
И как бы вы ни говорили много,
Всё мало будет мне... О, вас одну
Хочу я слышать! С вами неразлучно,
Не отходя от вас ни шагу прочь,
Я слушал бы вас день, и слушал ночь,

И не наслушался б. Без вас мне скучно,
И лишь тогда не так тоскливо мне,
Когда могу в глубокой тишине,
Мечтая, вспоминать о вашей речи звучной.

Как русский ваш язык бывает смел!
Как он порой своеобразен, гибок!
И я его лишить бы не хотел
Ни выражений странных, ни ошибок,
Ни прелести туманной мысли... нет!
Сердечному предавшися волненью,
Внимаю вам, как вольной птички пенью.
Звучит добрей по-русски ваш привет;
И кажется, что голос ваш нежнее;
Что умный взгляд еще тогда умнее,
А голубых очей еще небесней цвет.

1856

СЕПТУОР БЕТХОВЕНА

Бессмысленно, вослед за праздною толпой,
Я долго, долго шел избитою дорогой...
Благоразумием я называл покой,
Не возмущаемый сердечною тревогой;

Я ни к кому враждой не пламенел; привет
Готов был у меня всем встречным без изъятья;
Но научить меня не мог бездушный свет
Любить и понимать святое слово: братья!

И совестно сказать, что жил я, — мне жилось.
Ни страсти, ни надежд, ни горя я не ведал;
И мыслей собственных я сдерживал вопрос,
И на призыв других ни в чем ответа не дал.

День за день так текли бесплодные года...
Раз я сидел один. Ни раута, ни бала
В тот вечер не было; и, помню я, тогда
Мне нá душу тоска несносная напала...

Меня уже давно без зова навещать
Она повадилась, как верная подруга.
В тот раз решился я убежища искать
За чайным столиком приятельского круга.

Две дамы были там. Наш вялый разговор
Был скучен. Занялись Бетховеном от скуки.
Сыграть им вздумалось известный септуор —
И дружно раздались пленительные звуки.

Мне эта музыка была знакома; но
В тот вечер мне она особенно звучала...
Смотрю — в гостиную открыта дверь; темно
В ней было. Я туда ушел и сел. Сначала

Всё слушал, слушал я; потом вторая часть —
Andante[1] началось... Глубокое мечтанье
Вдруг овладело мной. Чарующую власть
Имело чудное аккордов сочетанье!..

Всё время прошлое мне вспомнилось; стоял
Тот призрак предо мной, как смерть безмолвен, бледен,
И ясно в первый раз тогда я понимал,
Как сердцем сух и черств, как жизнию я беден...

И грустно стало мне! Жалел я о себе,
Об участи души, надеждами богатой,
Средь светской суеты и в мелочной борьбе
Понесшей на пути утрату за утратой.

Я не с улыбкою скептической читал
Невозвратимых дней мной вызванную повесть, —
Я чувству скорбному простор и волю дал;
Заговорила вслух встревоженная совесть.

Я честно, искренно покаялся во всем;
Я больше пред собой не лгал, не лицемерил;
Не мог и не хотел забыть я о былом,
Но в обновление свое я твердо верил...

---

[1] Медленно, плавно (итал.). — *Ред.*

И стала музыка отрадней мне звучать...
Как будто тяжкий сон прошел, — я пробудился,
И веселей смотреть, и легче мне дышать,
И сердцем наконец до слез я умилился...

1856

* * *

Странно! мы почти что незнакомы —
Слова два при встречах и поклон...
А ты знаешь ли? К тебе влекомый
Сердцем, полным сладостной истомы, —
Странно думать! — я в тебя влюблен!

Чем спасусь от этой я напасти?..
Так своей покорна ты судьбе,
Так в тебе над сердцем много власти...
Я ж, безумный, думать о тебе
Не могу без боли и без страсти...

1856

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

В ту пору знойную, когда бывают грозы
И ночи пред дождем прохладны и теплы;
В саду бушует ветр; в аллеях, полных мглы,
Дубы качаются и мечутся березы;
И ты в шумящий сад, один, в такую ночь
Пойдешь на тайное свиданье в час условный, —
Умей обуздывать игру мечты любовной,
Старайся страстное влеченье превозмочь.
Не представляй себе, пока желанной встречи
Миг не настал еще, как трепетную грудь,
Ланиты жаркие и молодые плечи
Ты будешь лобызать свободно. Позабудь,
Как прежде их ласкал. Послушный нетерпенью,
Вслед за мелькнувшею в куртине белой тенью
Ты не спеши. Вот тень еще. Взгляни назад —

Вон пробежала тень... и там, и там... Весь сад
Наполнен по ночам тенями без названья.
В дали темнеющей послышится ли зов —
Не обращайся вспять, не напрягай вниманья...
Тот голос не ее. Здесь много голосов,
Под гнетом чуждой нам, какой-то странной грезы
Ведущих меж собой невнятный разговор
Иль порознь шепчущих... Как страстен этот хор!
То вздохи томные послышатся, то слезы...
Вокруг тебя обман; но правда впереди.
Тебя ждет счастие, и ты спокойно жди.
И трепетом твой дух займется сладострастным,
Когда вдруг шепотом таинственным, но ясным
«Я здесь» произнесут знакомые уста;
И взгляда зоркого виденье не обманет,
Когда увидишь ты: рука из-за куста
Тебя и с робостью и с нетерпеньем манит.

1856

МЫСЛИТЕЛЮ

Орел взмахнет могучими крылами
И, вольный, отрешившись от земли,
О немощных, влачащихся в пыли,
Не думает, паря под небесами...

Но, от мертвящей лжи освободясь
И окрыленный мыслью животворной,
Когда для сферы светлой и просторной
Ты, возлетев, покинешь мрак и грязь;

Когда почувствуешь, как после смрадной
И долго угнетавшей тесноты
Трепещет грудь от радости, и ты
Вдыхаешь воздух чистый и прохладный, —

О, ты начнешь невольно вспоминать
О доле смертных темной и ничтожной!
Взирая сверху, будет невозможно
Тебе, счастливому, не пожелать,

Чтоб братьев, пресмыкающихся долу,
Свет истины скорей освободил!..
Когда ж они, без воли и без сил,
Не будут твоему внимать глаголу, —

С высот своих ты властно им кричи!
Окованных невежественным страхом,
Заставь ты их расстаться с тьмой и с прахом
И смелому полету научи!..

1856

ПРИЧИНА РАЗНОГЛАСИЯ

Два господина однажды сошлись;
Чай в кабинете с сигарою пили
И разговором потом занялись —
Всё о разумных вещах говорили:
О том, что такое обязанность, право?
И как надо действовать честно и право,
С пути не сбиваясь ни влево, ни вправо?

Кажется, мненье должно быть одно:
Подлость и честь разве спорное дело?
Белым нельзя же назвать что черно,
Также и черным назвать то, что бело!
Пошли у них толки, пошли примененья;
Того и другого терзали сомненья;
Того и гляди, что разделятся мненья...

Входит к ним третье лицо в кабинет;
В спор их вступивши, оно обсудило
С новых сторон тот же самый предмет —
И окончательно с толку их сбило...
Один из них был Титулярный Советник,
Меж тем как другой был Коллежский Советник,
А третий — Действительный Статский Советник.

1856

ВОСПОМИНАНИЕ В ДЕРЕВНЕ О ПЕТЕРБУРГЕ

Жаль, что дни проходят скоро!
К возвращенью время близко.
Снова, небо скрыв от взора,
Тучи там повиснут низко.

Ночью, в дождь, слезами словно
Обольются там окошки;
А на улице безмолвной,
Дребезжа, проедут дрожки;

Да очнувшись: вора нет ли, —
Стукнет палкой дворник сонный;
Да визжать на ржавой петле
Будет крендель золоченый...

1857

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ

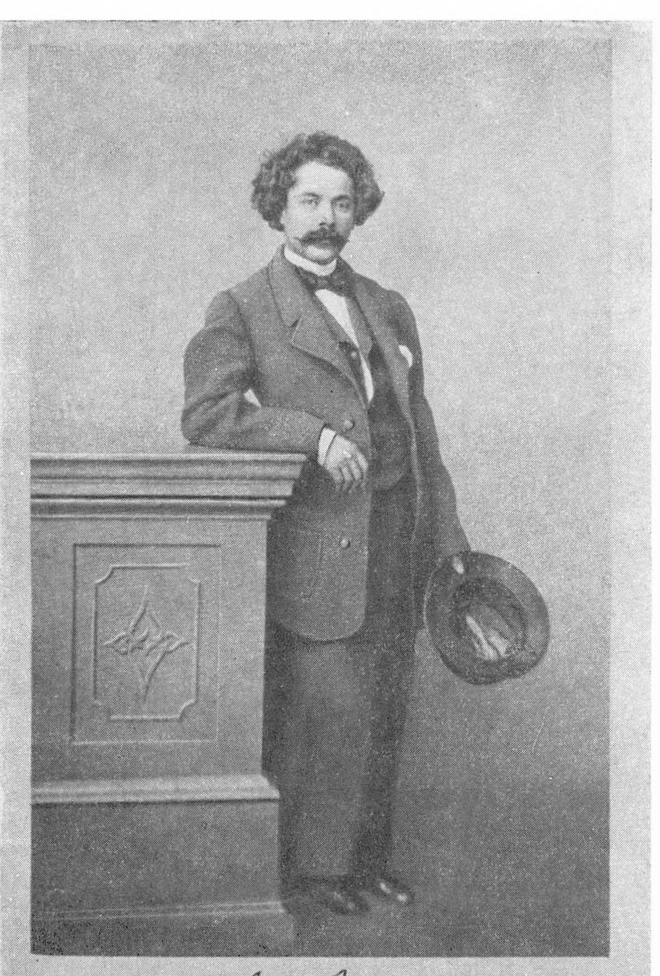
1
ПЕРВЫЙ СНЕГ

Миновали дождливые дни —
Первый снег неожиданно выпал,
И все крыши в селе, и плетни,
И деревья в саду он усыпал.

На охоту выходят стрелки...
Я, признаться, стрелок не хороший;
Но день целый, спустивши курки,
Я брожу и любуюсь порошей.

Заходящее солнце укрыв,
Лес чернеет на небе румяном,
И ложится огнистый отлив
Полосами по снежным полянам;

Тень огромная вслед мне идет,
Я конца ей не вижу отсюда;
На болоте застынувшем лед
И прозрачен, и тонок, как слю́да...



1859. Ал. Жемчужников

Вот снежок серебристый летит
Вновь на землю из тучки лиловой
И полей умирающий вид
Облекает одеждою новой...

2

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕТЕРБУРГЕ

Снова снег пушистый увидали мы,
Наискось летящий...
Закрутил он к ночи, словно средь зимы,
Вьюгой настоящей.

Ничего не видно в темное окно;
Мокрый снег на стеклах.
Будет завтра утром всё занесено
На полях поблеклых...

Комната уютна, печка горяча, —
Чтó мне до метели?
Далеко за полночь, но горит свеча
У моей постели.

Сердце мне сжимают, как перед бедой,
Вслед за думой дума:
Уж близка неволя с пошлой суетой
Городского шума.

Этот мир чиновный, этот блеск и шум —
Тягостное иго!
Нужно мне приволье для свободных дум,
Тишина и книга...

3

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА В ДЕРЕВНЕ

Вид родной и грустный!.. От него нельзя
Оторваться взору...
Тянутся избушки, будто бы скользя
Вдоль по косогору...

Из лощины тесной выше поднялся
Я крутой дорогой;
И тогда деревня мне открылась вся
На горе отлогой.

Снежная равнина облегла кругом;
На деревьях иней;
Проглянуло солнце, вырвавшись лучом
Из-за тучи синей.

Вон — старик прохожий с нищенской сумой
Подошел к окошку;
Пробежали санки, рыхлой полосой
Проложив дорожку.

Вон — дроздов веселых за рекою вдруг
Поднялася стая;
Снег во всем пространстве сыплется как пух,
Пó ветру летая.

Голуби воркуют; слышен разговор
На конце селенья;
И опять всё смолкло, лишь стучит топор
Звонко в отдаленьи...

И смотреть, и слушать не наскучит мне,
На дороге стоя...
Здесь бы жить остаться! В этой тишине
Что-то есть святое...

4

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

На тучах снеговых вечерний луч погас;
Природа в девственном покоится убранстве;
Уж неба от земли не отличает глаз,
Блуждая далеко в померкнувшем пространстве.

Поземный вихрь, весь день носившийся, утих;
Но в небе нет луны, нет блесток в глыбе снежной;
Впотьмах кусты ракит и прутья лип нагих
Рисунком кажутся, набросанным небрежно.

Ночь приближается; стихает жизнь села;
Но каждый звук слышней... Вот скрипнули ворота,
Вот голосом ночным уж лаять начала
Собака чуткая... Вдали промолвил кто-то.

Вот безотрадная, как приговор судьбы,
Там песня раздалась... Она в пустой поляне
Замрет, застонет вновь... То с поздней молотьбы
На отдых по домам расходятся крестьяне.

1857

ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСТАНЬ

Мне во дни печали ум мой рисовал
Грустную картину:
Зимний день в деревне. Я один. Настал
Час моей кончины...

И в окно гляжу я: вихрь не унялся,
Всё сердито воет;
Уж мой дом он скоро, снегом занеся,
От прохожих скроет.

Вкруг меня так пусто, словно край земли —
Мой приют далекой...
Расстаюсь я с жизнью, ото всех вдали,
В тишине глубокой...

1857

* * *

Я музыкальным чувством обладаю,
Я для любви возвышенной рожден
И ни на что ее не променяю, —
Я в стройные созвучия влюблен.
Природа — музыка! тебе внимаю...
Не умолкая, песнь свою поет
Весь мир про жизнь, которою он дышит, —

И тот блажен, кто слушает и слышит!
О, сколько он узнает и поймет, —
Разведав путь в звучащий мир гармоний, —
Непонятых поэм, неведомых симфоний!..

1857

O, BEATA SOLITUDO! O, SOLA BEATITUDO! [1]

Поры той желанной я жду не дождусь,
Как с городом тесным и шумным прощусь!
В деревню уеду и счастье земное
Познаю в труде и в разумном покое.
Спаси тогда, боже, от всякой беды,
От ранних морозов, от полой воды,
От бури, червя, градобитья, безводья
И сад мой, и ниву, и все те угодья,
Что видит с холма мой заботливый взор,
Где ходят соха, и коса, и топор!
Избави меня от житейского сора,
От мелких страстей, от тщеславного вздора...
И если для умных, свободных бесед,
Для чувств излияний разведают след
К приюту пустынному друг иль подруга —
С востока и с запада, с севера, с юга, —
Границы усадьбы моей охрани
От близких соседей, от дальней родни!

1857

ОСВОБОЖДЕННЫЙ СКВОРЕЦ

Скворушка, скворушка! Глянь-ко, как пышно
Дерево гибкие ветви развесило!
Солнце сверкает на листьях, и слышно,
Как меж собой они шепчутся весело.

Что ж ты сидишь такой чопорный, чинный?
Что не летаешь, не ре́звишься, скворушка?

[1] О, счастливое одиночество! О, одинокое счастье! (лат.). — *Ред.*

Хвостик коротенький, нос зато длинный,
Ножки высокие, пестрое перышко.

Вскочишь на ветку, соскочишь обратно;
Смотришь лениво на листья зеленые;
Петь не поешь, а бормочешь невнятно,
Будто спросонья, слова заученные.

Ты удивления, птица, достойна;
Этаких птиц на свободе не видано;
Очень уж что-то смирна и пристойна —
В клетке, знать, вскормлена, в клетке воспитана.

Скворушка, скворушка, ты с непривычки
Чуешь на воле тоску и лишения;
Ты ведь не то, что все прочие птички,
Дружные с волею прямо с рождения.

Вон как играют! Высоко, высоко
В небе их стая нестройная носится;
В поле, в лесу, за рекою далеко
Слышится звонкая разноголосица.

1857

СОГЛЯДАТАЙ

Я не один; всегда нас двое.
Друг друга ненавидим мы.
Ему противно всё живое;
Он — дух безмолвия и тьмы.

Он шепчет страшные угрозы,
Он видит всё. Ни мысль, ни вздох,
Ни втайне льющиеся слезы
Я от него сокрыть не мог.

Не смея сесть со мною рядом
И повести открыто речь,
Он любит вскользь лукавым взглядом
Движенья сердца подстеречь.

Не раз терял я бодрость духа,
Пугали мысль мою не раз
Его внимающее ухо,
Всегда за мной следящий глаз.

Быть может, он меня погубит;
Борьба моя с ним нелегка...
Что будет — будет! Но пока —
Всё мыслит ум, всё сердце любит!..

1857

ПОЧЕМУ?

С тех пор как мир живет и страждет человек
Под игом зла и заблужденья, —
В стремлении к добру и к правде каждый век
Нам бросил слово утешенья.
Умом уж не один разоблачен кумир;
Но мысль трудиться не устала,
И рвется из оков обмана пленный мир,
Прося у жизни идеала...
Но почему ж досель и сердцу, и уму
Так оскорбительно, так тесно?
Так много льется слез и крови? Почему
Так всё запугано, что честно?
О, слово первое из всех разумных слов!
Оно, звуча неумолимо,
Срывает с истины обманчивый покров
И в жизни не проходит мимо.
Да! *почему:* и смерть, и жизнь, и мы, и свет,
И всё, что радует и мучит?
Хотя бы мы пока и вызвали ответ,
Который знанью не научит, —
Всё будем требовать ответа: *почему?*
И снова требовать, и снова...
Как ночью молния прорезывает тьму,
Так светит в жизни это слово.

1857

НИЩАЯ

С ней встретились мы средь открытого поля
        В трескучий мороз. Не лета́
Ее истомили, но горькая доля,
        Но голод, болезнь, нищета,
Ярмо крепостное, работа без прока
В ней юную силу сгубили до срока.

Лоскутья одежд на ней были надеты;
        Спеленатый грубым тряпьем,
Ребенок, заботливо ею пригретый,
        У сердца покоился сном...
Но если не сжалятся добрые люди,
Проснувшись, найдет ли он пищи у груди?

Шептали мольбу ее бледные губы,
        Рука подаянья ждала...
Но плотно мы были укутаны в шубы;
        Нас тройка лихая несла,
Снег мерзлый взметая, как облако пыли...
Тогда в монастырь мы к вечерне спешили.

1857

* * *

Когда очнусь душою праздной
И станет страшно за себя, —
Бегу я прочь с дороги грязной,
И негодуя, и скорбя...
Болящим сердцем я тоскую
И узы спутанные рву;
И с неба музу мне родную
В молитве пламенной зову...

Когда ж на зов она слетает,
Как летний сумрак хороша,
И искаженная душа
Свой первообраз в ней узнает, —

Как больно, следуя за ней,
В ту область, где светлей и чище,
Переносить свое кладбище
Погибших звуков и теней!..

1857

* * *

Мы долго лежали повергнуты в прах,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлеем в гробах;
Забита тяжелая крыша...

Но вспыхнувший светоч вдруг вышел из тьмы,
Нежданная речь прозвучала, —
И все, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуяв благое начало.

В нас сердце забилось, дух жизни воскрес, —
И гимном хвалы и привета
Мы встретили дар просиявших небес
В рождении слова и света!..

1857

* * *

Восторгом святым пламенея,
На всё, что свершается в мире,
Порой я взираю яснее,
Я мыслю свободней и шире.

Я брат на земле всем живущим
И в жизнь отошедшим иную;
И, полон мгновеньем бегущим,
Присутствие вечности чую.

Надзвездные слышны мне хоры,
И стону людскому я внемлю, —
И к небу возносятся взоры,
И падают слезы на землю.

1857

СКАЗКА О ЖИВЫХ МЕРТВЕЦАХ

Граждáне — по чину, по навыку в службе — витии,
Два зрелые мужа судили о благе России,
И так были плавны, умны и блестящи их речи,
Как будто они говорили на вече.

По мненью их — «общество станет на прочных основах
При старых началах с прибавкою к оным из новых
И с тем, чтобы к знанью законов и дóгматов веры
Немедля принять надлежащие меры...

Чтоб не был начальник источником зол и напасти,
В народе потребно развить уважение к власти;
Полезно бы ложь и пороки преследовать гласно, —
Но так, чтобы не было это опасно.

Потом, без сомненья, появятся с помощью бога
В чиновниках честность, в бумагах изящество слога,
И общее будет тогда благоденствие близко —
Когда сократится в судах переписка.

Лишь долгая опытность в службе и практика в жизни
Помогут устройству порядка в любимой отчизне;
Стремленья ж людей молодых хоть разумны и честны, —
Но в деле столь важном совсем неуместны!..»

Они продолжали еще излагать свои мненья,
Как прямо пред ними явилося вдруг привиденье...
Их волосы дыбом... дрожащие подняты длани...
Прилипнул язык онемевший к гортани!..

И к ним обратило видение слово такое:
«Оставьте Россию, о зрелые мужи, в покое!
Но пусть из вас каждый — будь сказано вам не в обиду —
Отслужит один по другом панихиду!»

Исчезло виденье, и жутко им стало обоим.
Их члены дрожали, объяты морозом и зноем...
Пригрезилось им, или вправду? Не знаю я... То есть,
Быть может, виденье, а может быть — совесть.

Потом они стали в себя приходить понемногу;
Тот руку тихонько подымет, тот выдвинет ногу,
И в знак, что осталась свобода их телодвиженьям,
Расшаркнулись друг перед другом с почтеньем.

Расстались... но тайная долго их грызла досада,
Затем что не знали, чему удивляться им надо
(Так были их мненья и чувства наивно-правдивы!) —
Тому ли, что мертвы? тому ли, что живы?

1858

РАСКАЯНИЕ

Средь сонма бюрократов умных
Я лестной чести не искал
Предметом быть их толков шумных
И поощряющих похвал.

Я знал их всех; но меж народом
Любил скрываться я в тени,
И разве только мимоходом
Привет бросали мне они.

Моих, однако, убеждений
Благонамеренность ценя,
Иной из них, как добрый гений,
Порою в гору влек меня.

Казалось, к почестям так близко
И так легко... да, видно, лень
Мешала мне с ступени низкой
Шагнуть на высшую ступень.

Мы не сошлись... Но в нраве тихом
Не видя обществу вреда,
Они меня за то и лихом
Не поминают никогда.

О, я достоин сожаленья!
К чему же я на свете жил,
Когда ни злобы, ни презренья
От них ничем не заслужил?

1859

ТЯЖЕЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

Я грубой силы — враг заклятый
И не пойму ее никак,
Хоть всем нам часто снится сжатый,
Висящий в воздухе кулак;

Поклонник знанья и свободы,
Я эти блага так ценю,
Что даже в старческие годы,
Быть может, им не изменю;

Хотя б укор понес я в лести
И восхваленьи сильных лиц,
Пред подвигом гражданской чести
Готов повергнуться я ниц;

Мне жить нельзя без женской ласки,
Как миру без лучей весны;
Поэмы, звуки, формы, краски —
Как хлеб насущный мне нужны;

Я посещать люблю те страны,
Где, при победных звуках лир,
С челом венчанным великаны
Царят — Бетховен и Шекспир;

Бродя в лугах иль в темной роще,
Гляжу с любовью на цветы,
И словом — выражусь я проще —
Во мне есть чувство красоты.

Но если так, то я загадка
Для психолога. Почему ж,
Когда при мне красно и сладко
Речь поведет чиновный муж

О пользе, о любви к отчизне,
О чести, правде — обо всем,
Что нам так нужно в нашей жизни,
Хоть и без этого живем;

О том, как юным патриотам
Служить примером он готов
По государственным заботам,
По неусыпности трудов;

О том, что́ Русь в державах значит,
О том, как бог ее хранит,
И вдруг, растроганный, заплачет, —
Меня при этом не тошнит?..

1859

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Вступил я в жизнь к борьбе готовый, —
Но скоро кончилась борьба!..
Неумолим был рок суровый
И на меня надел оковы,
Как на мятежного раба.
Покорно нес я злую долю,
И совесть робкая лгала;
Она меня на свет, на волю
Из тьмы безмолвной не звала.
Шла мимо жизнь, шло время даром!
Вотще я братьев слышал стон, —
Не ударял мне в сердце он
Больным, сочувственным ударом...
Когда теперь смотрю назад,
На время юности порочной, —
Среди пустыни, в тьме полночной
Блуждает мой печальный взгляд.
Вот мной пройденная дорога...
Ее предательский изгиб
Вел к страшной бездне!.. Много, много
Из нас погибло... Воля бога
Меня спасла, — я не погиб.
Но не стою я горделиво,
Увенчан славою побед...

Еще в душе воскресшей нет
С минувшим полного разрыва.
Я долго жил средь скверн и зол!
У их нечистого подножья
Тупела мысль, немел глагол,
Изнемогала сила божья.
Еще я трепетом объят,
Еще болит живая рана
И на меня, как из тумана,
Виденья прежние глядят;
И, полн знакомой мне боязнью,
Еще я взгляды их ловлю,
Мне угрожающие казнью
За то, что мыслю и люблю...

1859

* * *

Когда, еще живя средь новых поколений,
Я поздней старости заслышу тяжкий ход,
И буря пылких чувств, восторженных стремлений
И смелых помыслов в душе моей заснет, —
Тогда с людьми прощусь и, поселясь в деревне,
Средь быта мирного, природы чтитель древний,
Я песни в честь ее прощальные сложу
И сельской тишины красу изображу.
Пойду ль бродить в полях, я опишу подробно
Мой путь среди цветов, растущих вдоль межи,
И воздух утренний, и шорох спелой ржи,
Своим движением морским волнам подобной.
Под вечер сяду ли к любимому окну, —
Я расскажу, как день на небе догорает,
Как ласточка, звеня, в лучах его играет,
А резвый воробей уже готов ко сну
И, смолкнув, прячется под общую нам крышу;
Скажу, что на заре вдали я песню слышу...
На всё откликнется мой дружелюбный стих;
Но, боже, до конца оставь мне слух и зренье,
Как утешение последних дней моих
И уж единственный источник вдохновенья!..

1859

ЗАКОЛДОВАННЫЙ МЕСЯЦ

Как разлитые чернила,
Наша ночь была черна;
Вдруг над лесом очень мило
Вышла на небо луна;

Поплелася еле-еле,
Но, споткнувшись на пути,
С той поры она доселе
Собирается взойти.

И взойдет ли — мы не знаем.
Время будто замерло,
Распахнув над сонным краем
Неподвижное крыло...

Сонмы сил живых и крепких!
Победите эту блажь;
От верхушек леса цепких
Оторвите месяц наш!

Помогите! С места троньте!
Стал противен он для глаз,
Пригвожден на горизонте
Как аляповатый таз!

Всё он тот же; ночь всё та же;
Да и мы, для красоты,
В этом глупом пейзаже
В тех же позах заперты.

1859

* * *

Светло, как в полдень, — лампы, свечи;
Изящен светский вид мужчин;
Открыли дамы грудь и плечи;
И за столом, средь яств и вин,
Они ведут пустые речи...

А небо хмуро и черно;
В тиши зловещей зреет буря;
Беда сбирается давно...
Но им покуда всё равно, —
Они смеются, балагуря...

1859

СОСЛОВНЫЕ РЕЧИ

Вослед за речью речь звучала:
«Народ, законность, власть, права...»
Что ж это? Громкие ль слова?
Или гражданские начала?..
Нет! Гражданин сословных прав
Ярмом на земство не наложит!
И возглашать никто не может —
Народной думы не узнав
И от земли не полномочен, —
Что строй его правдив и прочен!
Тот строй законен и живуч,
Где равноправная свобода,
Как солнце над главой народа,
Льет всем живительный свой луч.
Во имя блага с мыслью зрелой,
И кроме блага — ничего!
Так вековое зиждут дело
Вожди народа своего.
А вас, сословные витии,
Вас дух недобрый подучил
Почетной стражей стать в России
Против подъема русских сил!

Январь 1865

* * *

Забудь их шумное волненье,
Прости им юный пыл души —
И словом строгим осужденья
Их от себя не отврати.

Они к тебе простерли руки,
Мольба их общая свята:
Для всех в святилища науки
Открой широкие врата.
Не отымай у них надежды,
Еще вся жизнь их — впереди;
От палача и от невежды
Их юный возраст огради.
И новый лист вплетешь отныне
Ты в лавры царского венца, —
И, может, вспомнится при сыне
Великодушие отца.

<1866 ?>

К ПОРТРЕТУ МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА КАТКОВА

(Сочинено в день его тезоименитства)

Вот клуба Английского идол,
Патриотический атлет, —
Но клуб ему народность придал,
Которой у обоих нет.

По мне — с искусством сей писатель
За государство поднял шум,
По клубу — он законодатель
Народных чувств и русских дум;

Клуб ставит в честь сему Ликургу,
Что всё бранит он Петербург, —
Согласен: враг он Петербургу,
Зато он любит Мекленбург;

Мне скажет клуб, что у Каткова
К престолу горяча любовь, —
Но у остзейца у любого
Пылает преданностью кровь;

А если скажут: он глубоко
Чтит православия завет, —
С ним согласится лишь высоко-
Преосвященный Филарет.

1866?

Заколдованный мѣсяцъ.

Какъ разлитыя чернила
Наша ночь была черна, —
Вдругъ надъ лѣсомъ очень мило
Вышла на небо луна;

Покачалась еле-еле,
Но, споткнувшись на пути,
Съ той поры она досель
Собирается взойти.

Скученъ страненъ и забавенъ!
Словно друженъ съ темнотой,
Имъ для шутки новый Каинъ
Прокричалъ команду: стой!

* * *

О, скоро ль минет это время,
Весь этот нравственный хаос,
Где прочность убеждений — бремя,
Где подвиг доблести — донос;
Где после свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь в толпе бессвязной
Ни чистой личности от грязной,
Ни вольнодумца от раба;
Где быта старого оковы
Уже поржавели на нас,
А светоч, путь искавший новый,
Чуть озарив его, погас;
Где то, что прежде создавала
Живая мысль, идет пока
Как бы снаряд, идущий вяло
И силой прежнего толчка;
Где стыд и совесть убаюкать
Мы все желаем чем-нибудь
И только б нам ладонью стукать
В «патриотическую» грудь!..

1870

* * *

Эпохи зна́мение в том,
Что ложь бесстыжая восстала
И в быт наш лезет напролом
Наглей и явней, чем бывало...
О, глубоки еще следы
Пороков старых и вражды
То затаенной, то открытой
К голодной черни — черни сытой!
Героев времени вражда
Ко всем делам гражданской чести
Не знает меры и стыда.
Как червь, их точит жажда мести.
Вот наша язва! Вот предмет

И отвращения, и смеха!
У них иной заботы нет,
Лишь бы загадить путь успеха
Нечистотой своих клевет...

1870

КЕНТАВР

Свершилось чудо!.. Червь презренный,
Который прежде, под землей,
Плодясь в стыде и потаенно,
Не выползал на свет дневной;
Который знал в былые годы,
Что мог он только воровски
Губить богатой жизни всходы,
В тиши подтачивать ростки, —
Преобразясь, восстал из праха!
Ничтожный гад стал крупный зверь;
И, прежнего не зная страха,
Подчас пугает сам теперь.
Заговорив людскою речью,
Как звери сказочных времен,
Как бы природу человечью
Порой выказывает он.
Знать, с классицизмом воротился
Мифологический к нам век:
Ни жеребец, ни человек —
Кентавр в России народился.
Носясь то вдоль, то поперек
По нашим нивам, весям, градам;
Кидая грязью с резвых ног,
Взметая пыль, лягая задом, —
Когда он, бешеный, бежит,
То с конским ржанием, то с криком,
И топчет всё в порыве диком, —
Сама земля под ним дрожит!..
И утомясь, но всё же гордый,
Что совершил безумный бег,
С своей полуживотной морды
Он пеной фыркает на всех...

И все сторонятся, робея,
Чтоб он не мог кого-нибудь —
Приняв, конечно, за плебея —
Иль оплевать, или лягнуть.
В ляганье вся задача скрыта;
Вся сила — в мускулах ноги...
Какая ж мысль, давя мозги,
Приводит в действие копыта?
Судя по всем чертам лица,
Нет мысли! Кроме разве задней...
Зато природа жеребца
В нем совершенней и приглядней...
Что за хребет! и что за рост!
Налюбоваться мы не можем!
Как гордо он вздымает хвост,
Своею мыслию тревожим...

Иных мыслителей в Москве
Теперь, по-видимому, бесит,
Что, стать пытаясь во главе,
Кентавр меж нами куролесит.
Им злой почудился в нем дух;
Глядят вперед они тревожно...
С их стороны такой испуг
Мне непонятен. Невозможно
Играть бесплоднее в слова
Иль заблуждаться простодушней...
Ведь ты ж сама была, Москва,
Его заводскою конюшней!..

1870

СОВРЕМЕННОМУ ГРАЖДАНИНУ

Дай оглянусь...
Пушкин

Ты победил!.. Все силы жизни
Ты положил в борьбу... Ну что ж?
Ты в ком обрел любовь к отчизне?
В ком честь?.. Где истина? Где ложь?..

Скажи, о совопросник века,
Чтó есть безумец? чтó — мудрец?
Где ж отыскал ты человека
И гражданина наконец?..
Прочтем времен недавних повесть...
Она печальна и мрачна.
В ней наш позор. Пред ней должна
Скорбеть общественная совесть!
Не говори мне о врагах,
Не говори мне об измене...
Не трогай тех, кто в рудниках;
Оставь в покое мертвых тени...
Что осужденных нам судить?
Не будем плакать или охать;
Но... и довольно их язвить,
Довольно тешить злости похоть...
Поговорим с тобой о тех,
Кто, обесславленные нами,
За тот один страдали грех,
Что не покрыты сединами...
С какою злобою тупой,
С каким самодовольством глупым
Мы приговор читали свой
Над пылом юности живой,
Как будто лекцию над трупом!..
Не мы ль, безумные, тогда,
О здравомыслии радея,
Бесспорным признаком злодея
Считали юные года?
Не мы ль, как безнадежно падших,
На посрамленье всей земли
И сыновей и братьев младших
К столбам позорным привели?
Припомним подвиги другие...
О тех с тобой поговорим,
Чьи думы и дела благие
Теперь рассеялись как дым.
Кто нас вернул на путь обратный?
И чьей рукою святотатной
Разрушен жизни честный строй,
Чтобы создать на нем другой —
Благонамеренно-развратный?

И этой лжи, и этой тьмы,
Нам неизвестностью грозящей, —
Кто их виновник настоящий?
Мы сами! да, с тобою мы! ..

Хотели ль мы порядок стройный
От смутных оградить тревог,
Взнуздать мы думали ль порок
И дерзость мысли беспокойной, —
Но в страшный мы вступили бой,
Все средства в помощь призывая,
И по земле своей родной
Прошли как язва моровая! ..
Ни страх неправды, ни боязнь
Пятна позорного на чести —
Не умеряли злобной мести...
То не борьба была, а казнь!
Пьяны усердия разгулом,
Мы, сыщики измен и смут,
Всю Русь на свой призвали суд,
Чтоб обвинить ее огулом.
Наш слух всё слышал; зоркий глаз
Умел во все проникнуть щели...
И никого нам суд не спас
Из тех, кто в мыслях и на деле
Честней и чище были нас!
Мы их святыню оплевали;
Мы клеветали на народ;
Против врагов, зажав им рот,
Мы власть доносом раздражали...
И вот — затихло всё кругом...
Но ум замолк не пред умом.
Свободу, честность, чувства, мысли
Мы задушили, мы загрызли!
Богатой жизни в темноте
Лежат обломки... Люди, дело —
В первоначальной чистоте
Ничто от нас не уцелело! ..

Что ж, современный гражданин!
Что, соль земли, столп государства,

Питомец крепостного барства,
Времен бессудья буйный сын!
Зачем ты, счастлив и нахален,
Среди погрома и развалин
Трубил победы торжество?
Ведь не создашь ты ничего!..
В наш век заснуть умом не можно;
Несчастье это понял ты,
Подчас лаская с страстью ложной
Благообразные мечты...
Обман!.. В сокровищницу мира
Сам ничего ты не принес!
Ты гложешь, как голодный пес,
Остатки прерванного пира...

1870

СТАРИК

«Жарко, дедушка! Вставай-ка!
Ты под солнцем целый день...
Вон прохладная лужайка
И кругом от кленов тень».

— «Не прельщайте тенью, дети;
Нет, я с солнца не сойду!
Знаю сам, что клены эти
Хороши в моем саду.

Им годов теперь немало, —
Мне ровесники они...
Отдохните вы, пожалуй,
В освежающей тени;

Но прохлады не хочу я;
Этот зной меня живит.
Может быть, теплом врачуя,
Солнце дни мои продлит.

О небесное светило!
Озаряй меня и грей
На краю сырой могилы,
У предела ясных дней!

Дорожить нас старость учит
В жизни солнечным теплом.
Будет время! .. Как умрем —
В холодке лежать наскучит. . .»

1870

ЛИТЕРАТОРЫ-ГАСИЛЬНИКИ

«Свободе слова, статься может,
Грозит нежданная беда»...
Что ж в этом слухе их тревожит?
Что ропщут эти господа? ..
Корят стеснительные меры?
Дрожат на русскую печать?
Движенье умственное вспять
Страшит их, что ли? .. Лицемеры! ..
Великодушный их порыв
Есть ложь! Они, одной рукою
Успешно жертву придушив,
На помощь к ней зовут другою...

Храни нас бог от мер крутых,
От кар сурового закона,
Чтобы под вечным страхом их
Народа голос не затих,
Как было то во время óно;
Но есть великая препона
Свободе слова — в нас самих!
Сперва восстанем силой дружной
На тех отступников из нас,
Которым любо или нужно,
Чтоб русский ум опять угас.
Начнем борьбу с преступным делом
И не дозволим впредь никак,
Чтобы свободной мысли враг,
С осанкой важной, с нравом смелым,
Со свитой сыщиков-писак
И сочиняющих лакеев,
Как власть имеющий, — возник

Из нас газетный Аракчеев,
Литературный временщик...

Тому едва ли больше году
(Ведь бесцензурная печать
Уже нам мыслить и писать
Дала, так думалось, свободу!),
Когда б я, дерзкий, захотел
Представить очерк даже слабый
Народных язв и темных дел
На суд сограждан, — о, тогда бы
Какой я силой мог унять
И клевету, и обвиненья?
Чем опровергнуть подозренья?
Какие меры мог принять,
Чтобы писака современный
В какой-нибудь статье презренной,
Меня «изменником» назвав,
Значенье правды не ослабил;
Чтоб он моих священных прав
Быть «русским» ловко не ограбил;
Чтоб уськнуть он не смел толпу,
Иль крикнуть голосом победным
С сияньем доблести на лбу,
При сочетаньи с блеском медным;
Чтоб у него отнять предлог
Для намекающей морали;
Чтобы того, что уж жевали,
Он пережевывать не мог;
Чтоб он газетной этой жвачки
Не изблевал передо мной
Ни из-за денежной подачки,
Ни хоть «из чести лишь одной»; [1]
Чтоб он, как шарят по карманам,
Не вздумал лазить в душу мне
И, побывав на самом дне,
Представить опись всем изъянам;
Чтоб даже он не рылся там

[1] «Из чести лишь одной я в доме сем служу». Так в одной рукописной поэме объясняет служанка позор своего общественного положения.

Для похвалы, что всё, мол, чисто,
Но в ней потом оставил сам
Следы и запах публициста?..

Теперь как будто для ума
Есть больше воли и простора, —
Хоть наша речь еще не скоро
Освободится от клейма
Литературного террора...
Несли мы рабски этот гнет;
Привыкли к грубым мы ударам.
Такое время не пройдет
Для нашей нравственности даром...
И если мы когда-нибудь
Поднимем дружно чести знамя
И вступим все на светлый путь,
Который был заброшен нами;
И если ждет нас впереди
Родного слова возрожденье,
И станут во главе движенья
С душой высокою вожди, —
Всё ж не порвать с прошедшим связи!
Мы не вспомянем никогда
Ни этой тьмы, ни этой грязи
Без краски гнева и стыда!..

1870

В АЛЬБОМ СОВРЕМЕННЫХ ПОРТРЕТОВ

1

С тех пор исполненный тревог,
Как на ноги крестьяне стали,
Он изумлен, что столько ног
Еще земли не расшатали.

2

С томленьем сумрачным Гамлéта,
Но с большей верой, может быть,

Десятый год он ждет ответа
На свой вопрос: «бить, иль не бить?»

3

Их прежде *сливками* считали;
Но вот реформ пришла пора —
И нашей *солью* их прозвали
Стряпни печатной повара.

4

Пускай собою вы кичитесь — мы не ропщем
(Болотом собственным ведь хвалится ж кулик!);
Лишь не препятствуйте радеть о благе общем...
Vous comprenez... le bien public.[1]

5

Он образумился. Он хнычет и доносит.
Свободы пугало его бросает в зноб...
Вот так и кажется — посечь себя попросит
Опохмелившийся холоп.

6

Он вечно говорит; молчать не в силах он;
Меж тем и сердца нет, и в мыслях нет устоя...
Злосчастный! Весь свой век на то он обречен,
Чтоб опоражнивать пустое.

7

Свершив поход на нигилизм
И осмотрясь не без злорадства,
Вдались они в патриотизм
И принялись за казнокрадство.

---

[1] Вы понимаете... общественное благо (франц.). — *Ред.*

8

Он был так глуп, когда боролись мы умом;
Но, выгоды познав теперешних уловок,
Он уши навострил, взял в руку грязи ком —
И стал меж нас умен и ловок.

9

Шарманка фраз фальшиво-честных,
Машинка, мелющая вздор,
Окрошка мыслей несовместных, —
Ты старый хлам иль новый сор?

10

Затем глядит он свысока,
Что собирал во время óно
Дань удивленья с дурака
И умиления — с шпиона.

11

С фиглярством, говорят, роль граждан этих сходна.
Но — нет! Они, храня достоинство и честь,
Вертеться колесом умеют благородно
И величаво — паклю есть.

12

О, как довольны вы!.. Еще бы!
Вам вкус по свойствам вашим дан.
Без света, затхлые трущобы
Ведь любят клоп и таракан.

13

Их мучит странная забота:
Своих сограждан обязать
Прибавкой к званью *патриота*
Слов: *с позволения сказать.*

14

Забыт и одинок он, голову понуря,
Идет вослед толпе бессильной жертвой зла.
Где воля? Думы где?.. Сломила волю буря
И думы крепкие, как листья, разнесла.

15

Дойдет чреда до вас, мыслителей-граждан!
Но пусть от общих мест сперва тошнить нас станет,
И наших дней герой, как выпивший буян,
С задорным ухарством реветь «ура!» устанет.

1870

ЭПИТАФИИ

1

Газете «Весть»

О том, что «Вести» нет, воздержимся тужить:
Она своим друзьям жить долго приказала;
И «Вести» партия без «Вести» будет жить, —
Не скажут про нее, что бéз вести пропала.

2

Нашему прогрессу

Он рос так честен, так умен,
Он так радел о мéньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятьях.

3

Нашей цензуре

Тебя уж нет!.. Рука твоя
Не подымается, чтоб херить, —
Но дух твой с нами, и нельзя
В его бессмертие не верить!..

4

Нашему институту мировых посредников

Кто мог подумать! .. Наш успех
В нем выражался, — и давно ли? ..
А уж почил он в лоне тех,
Кто брали взятки и пороли! ..

1871

ДУМЫ ОПТИМИСТА

В лучшем из миров
Всё ко благу шествует;
Лишь от разных слов
Человек в нем бедствует.

Назовешь их тьму;
Но, иных не трогая,
Например возьму:
Убежденье строгое.

Или вот еще:
Цель избрав полезную,
То я горячо
Людям *соболезную;*

То я, как дитя,
За *свободой* бегаю,
Шалость эту чтя
Альфой и омегою.

Всем своя судьба.
С неизбежной долею
Всякая борьба —
Пустяки, не более.

Ты смекай умом,
Но имей смирение;
Правила ж притом
Нет без исключения.

Речь разумных лиц
Властью не карается,
Как и певчих птиц
Пенье не стесняется.

Люди разве все
Мрут от истощения?
Даже и о псе
Видим попечения.

Кабы всем покой,
И притом почтительно
Жить бы под рукой
Благопопечительной,

Да слова забыть,
От которых бедствия...
Ах, могли бы быть
Чудные последствия!

Опыт учит ждать.
Те безумны нации,
Что спешат сорвать
Плод цивилизации.

Впереди — века.
Им-то что ж останется?
Пусть висит пока,
Зреет да румянится.

Время подойдет —
Сам собою свалится;
И кто съест тот плод —
Век свой не нахвалится...

Ныне же — доколь
Это всё устроится —
Были бы хлеб-соль
Да святая троица.

1871

В ЕВРОПЕ

Посмотришь, все немцы в лавровых венках,
Во Франции — мир и порядок;
А в сердце всё будто бы кра́дется страх,
И дух современный мне гадок.

Кулачное право господствует вновь,
И, словно нет дела на свете,
Нам жизнь нипочем, и пролитая кровь
Нам видится в розовом цвете.

Того и гляди что еще будет взрыв,
И воины, злы без границы,
Могильные всюду кресты водрузив,
Крестами украсят петлицы.

Боюсь я, что мы, опорожнив свой лоб
От всех невоенных вопросов,
Чрез год не поймем, что за зверь — филантроп,
И спросим: что значит — философ?

Тем больше, что в наши мудреные дни
Забрали весь ум дипломаты,
И нужны для мира — с пером лишь они,
Да с новым оружьем солдаты.

Два дела в ходу: отрывать у людей
От туловищ руки и ноги
Да, будто во имя высоких идей,
Свершать без зазора подлоги.

Когда же подносят с любезностью в дар
Свободу, реформы, науку, —
Я, словно как в цирке, всё жду, что фигляр
Пред публикой выкинет штуку.

Все речи болезненно режут мой слух,
Все мысли темны иль нечисты...
На мирную пальму, на доблестный дух
Мне кажут вотще оптимисты.

Вид символа мира им сладок и мил,
По мне — это чуть ли не розга;
Где крепость им чудится нравственных сил,
Там мне — размягчение мозга...

1871

ОСЕННИЕ ЖУРАВЛИ

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей всё ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издалёка летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и, всё громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

28 октября 1871
Югенгейм, близ Рейна

* * *

Ты на земле — я вижу, друг, —
Не легкомысленный прохожий.
Ты, полон дум, глядишь вокруг
И мир благословляешь божий.
В нем целей благость видишь ты
И соответствие причинам,
И сущность вечной красоты —
Разнообразное в едином.
Пытливой мыслию в тайник
Сил мировых ты проникаешь;

Ты изучаешь их из книг,
Ты их творящих созерцаешь...

Ты прав по множеству причин.
Да, наша хороша планета;
И, спора нет, машина эта
Искусней всяческих машин.
Колеса движутся без смазки,
Не притупляются зубцы;
И вопреки какой-то сказке,
Которой верили отцы, —
Вся целиком, без остановок,
Машина вечная идет...
И как отчетлив, чист и ловок
Ее огромный, сложный ход!
И то сказать: одна ошибка,
Немножко где-нибудь не так,
Чуть-чуть потише, слишком шибко...
И вместо мира — кавардак!
Подумать страх, что б это было,
Когда б земля — бог упаси! —
Свой долг вертеться вкруг оси
Хоть на мгновенье позабыла.
Или представь, что вдруг исчез
Закон Ньютонов тяготенья, —
Тогда б в обители небес
Все вознеслись без исключенья...
Мне эти случаи привесть
Хотелось только для примера.
Мир не блажит. Всему в нем есть
Свои законы, вес и мера.
Итак, ты прав, его хваля.
Коль исключим землетрясенья,
Кой-что еще, — то, без сомненья,
Вещь превосходная — земля.
Но есть явленье на земле же, —
Его законы уж не те.
Ты смотришь: равновесье где же?
И где ж враждебность к пустоте?
Ведь почва тощая, сухая
Небесной влаги больше пьет,
Чем пресыщённая до края;

А меж людей — наоборот.
Из них едят лишь те, кто сыты.
Что ж это значит? Почему?
Явленья этого уму
Еще законы не открыты.

1872

ПАРАДНЫЕ ПЕСНИ

1

Эхаброст, прусско-русская доблесть

Ты прибыл к нам в венке лавровом,
Герой блистательных побед!
Каким же нам удачным словом
Тебе наш выразить привет?
Глава Германии единой,
Прими от нас заздравный тост:
Хвала тебе! Всему причиной —
Твой Эхаброст.

Заслуга точно в Эхаббросте;
И эта доблесть наших дней
В тебе, в венчанном нашем госте,
Сказалась ярче и крупней.
Греметь извечностью есть право
Не только гения; кто прост —
Покрыть себя тот может славой
Чрез Эхаброст.

Такою славой мы довольны.
Лишь был бы Эхаброст, а там —
Свобода, ум, учитель школьный —
Они пока не нужны нам.
Да и тебе едва ли нужны...
Кто взвел тебя на этот пост?
Ведь только бог, с тобою дружный,
И Эхаброст.

Итак, ура! .. Смотры, парады,
Обеды, с музыкой заря...
Мы, чем богаты тем и рады,
Перед тобой всё сыплем зря.
Не можешь ты ступить и шагу
Как за тобой уж свиты хвост...
Возьми еще и крест, и шпагу
«Sa Echabrost!»

2

Наср-Эддин-шах

Опять в России торжество.
Хоть не под силу нам, а снова,
Спустив на Запад одного,
С Востока принимать другого.
Привет тебе, персидский шах!
Ты, любознательностью мучим,
И к нам заехал в тех мечтах,
Что мы добру тебя научим.
Учись, смотри и наблюдай,
Но нашим, в заблужденьи сладком,
Не вздумай следовать порядкам,
И нас в своих не утверждай!
Дарами, в дружбе обоюдной,
Нам ограничиться нельзя ль?
Тебе роскошничать нетрудно,
А нам — казны своей не жаль.
Замечу только, что напрасно,
Преданья Азии храня,
Привез ты к нам с уздой алмазной
Цены неслыханной коня.
Ты видел: с Астрахани южной
И вплоть до северных болот
Нам чистоплотности той нужно,
Какой и вам недостает, —
Так жребий лучший нам бы выпал,
Когда бы, на пути своем,
На ту же сумму ты обсыпал
Всю Русь персидским порошком.

3

Представители духа времени на Венской выставке

На выставке, как в полной чаше,
Всего обилье; не забыт
Ни дух гражданственности нашей,
Ни политический наш быт;

Но, как назло, без неудачи
Не обошлись и тут: могло б
Устроиться совсем иначе
Собранье царственных особ:

Когда б Вильгельм-Завоеватель, —
Европы новый идеал,
Но нравов древних воссоздатель, —
Туда прибыть не опоздал,

Хоть и не шахов Наср-Эддинов,
А всё ж тогда б увидел свет
В гирлянде мелких властелинов
Трех императоров букет.

4

Эмс

Хоть культу скиптров и корон
Предались все почти народы,
Но в Эмсе искреннее он,
Пока монархи пьют там воды.

Владетели домов и вилл
И все торгующие люди
Усердно молят бога сил:
«О, многомилостив к Ним буди!

Храни, Господь, Их в род и род
Для счастия Земного шара,
И чтоб, вкусив таких щедрот,
Они потом здесь каждый год
Могли лечиться от катарра!..»

1873

* * *

Кончено. Нет ее. Время тревожное,
Время бессонных ночей,
Трепет надежды, печаль безнадежная,
Страх и забота о ней;

Нежный уход за больной моей милою;
Дума и ночи и дня...
Кончено! Всё это взято могилою;
Больше не нужно меня.

О, вспоминать, одинокий, я стану ли
Ночи последних забот —
Сердце из бездны, куда они канули,
Снова их, плача, зовет.

Ночь бы одну еще скорбно-отрадную!
Я бы, склонясь на кровать,
Мог поглядеть на тебя, ненаглядную,
Руки твои целовать...

Друг мой, сама ты помедлить желала бы,
Лишь бы я был близ тебя;
Ты бы еще пострадала без жалобы,
Только пожить бы любя.

Где ж этот зов дорогого мне голоса?
Взгляд за услугу мою?
Взгляд, когда ты уже с смертью боролася,
Всё говоривший: люблю!

Эта любовь, эта ласка прощальная,
Глаз этих добрых привет...
Милая, кроткая, многострадальная,
Нет их уж более, нет!..

3 января 1876

* * *

Гляжу ль на детей и грущу
Среди опустелого дома —
Всё той же любви я ищу,
Что в горе так сердцу знакома...

К тебе, друг усопший, к тебе
Взываю в безумной надежде,
Что так же ты нашей судьбе
Родна и причастна, как прежде.

Всё мнится — я долгой тоской,
Так больно гнетущей мне душу,
Смущу твой холодный покой,
Твое безучастье нарушу;

Всё жду, что в таинственном сне
Мне явишься ты, как живая,
И скажешь с участьем ко мне:
«Поплакать с тобою пришла я»...

9 февраля 1876

* * *

Если б ты видеть могла мое горе —
Как ты жалела б меня!
Праздник встречать мне приходится вскоре
Нашего лучшего дня...

Словно мне вести грозят роковые,
Словно я чую беду...
Милая, как же наш праздник впервые
Я без тебя проведу?

В день незабвенный союза с тобою —
Счастья погибшего день —
Буду вотще моей скорбной мольбою
Звать твою грустную тень.

Пусто мне будет. В безмолвьи глубоком
Глухо замрет мой призыв...
Ты не потужишь о мне, одиноком,
Нашу любовь позабыв.

Я же, томим безутешной кручиной,
Помню, чем праздник наш был...
Жизни с тобой я черты ни единой,
Друг мой, еще не забыл.

24 февраля 1876

* * *

За днями ненастными с темными тучами
Земля дождала́сь красных дней;
И знойное солнце лучами могучими
Любовно сверкает на ней.

Вблизи ли, вдали ли мне видится, слышится,
Что мир, наслаждаясь, живет...
Так радостно в поле былинка колышется,
Так весело птичка поет!

И в запахах, в блеске, в журчании, в шелесте
Так явствен восторг бытия,
Что, сердцем подвластен всей жизненной прелести,
С природою ожил и я...

О сердце безумное, сердце живучее,
Открытое благам земли, —
Ужель одиночества слезы горючие
Насквозь твоих ран не прожгли?

Чего тебе ждать, когда нет уже более
Любовного сердца с тобой?..
Плачь, плачь над былою, счастливою долею
И вечную память ей пой!..

18 июля 1876

* * *

Чувств и дум несметный рой
И толпа воспоминаний
Всюду следуют за мной
По пути моих страданий...
Надо высказать мне их;
Мой замкнутый мир им тесен,
Сердце, в память дней былых,
Просит песен.

Спел бы я, как в эти дни,
Мне светя, не заходило
Всеобъемлющей любви
Лучезарное светило;
Как оно, сгорев дотла,
Меркло, грустно потухая,
И уж нет его... Пришла
Ночь глухая.

Душу вылил бы я всю;
Воплотил бы сердце в звуки!
Песни про любовь мою,
И про счастье, и про муки;
Про глубокую тоску —
Их святыни не нарушат...
Спел бы я, да не могу —
Слезы душат...

6 августа 1876

СОВЕТ САМОМУ СЕБЕ

Тебе, знать, невтерпеж,
Когда, в минорном тоне
Заладивши, поешь
О собственной персоне.
Уж будет о себе
Да о своем несчастье!

В общественной судьбе
Пора принять участье.
Взгляни — со всех сторон
Как тучи понависли!
Достаточный резон —
Пропеть бы в этом смысле.
Отчизны добрый сын
Не станет спать под тучей;
Совет — и не один —
Он даст на этот случай;
Уж каждый дал из нас;
И ты предстал бы с мненьем,
Добром руководясь
И крайним разуменьем.
Сказал бы:
«Господа!
Проснулись? С добрым утром!..
Стряслась на нас беда
В покое нашем мудром.
Славяне стяг войны
Подняли за свободу...
Ведь мы помочь должны
Родному нам народу!..
История нас ждет,
Развязки час назнача...
С славян снять рабства гнет —
Не наша ли задача?..
Так!.. Но спросить дозволь,
О гражданин России,
Тебе к лицу ли роль
Славянского Мессии, —
Теперь, каков ты есть,
Еще вдобавок зная,
За что, питая месть,
Враждует смелый «райя»?
И голоден, и наг,
Поклялся взять он с боя
Своих духовных благ
Имущество святое...
А ты?.. Хотя из уст
И льются речи плавно, —
Ведь так душою пуст

Ты был еще недавно!
Увы! страдальцев брат,
Ты братьям чем поможешь?
Каким добром богат?
Что обещать им можешь?
И где твои права?
Что русский, мол, ты истый?
А на́ руки сперва
Взгляни-ка! Разве чисты?
Что́ если братчик твой
Тебе сам скажет: «Друже!
Коль примется родной
Нас пачкать — будет хуже!»
Ох, засорен твой путь!
И к нравственным победам
Тебе едва ль шагнуть
От спячки с пошлым бредом.
Пришлось нам низко пасть!
И пали-то с тех пор мы,
Как подняла нас власть.
Не вывезли реформы!
Не вышло ничего.
Всё, не дозрев, пропало.
Кругом — темно, мертво;
Нет сил, нет идеала;
И интерес один:
Кармана да желудка.
О русский гражданин!
Ужель тебе не жутко? . .»

На лире ты своей
Вот так-то петь попробуй,
Да громче, не робей!
Ты с сердцем, а не с злобой. . .
Ведь, правду коль сказать,
В одном лишь мы и ловки —
Друг дружку лобызать
Да гладить по головке.
Прибавь, что трудно лжи
Стоять за правду в мире;
Да кстати уж скажи,
Что дважды два — четыре.

Но этим не кончай;
Ты вот чем песнь окончи:

«Бывает невзначай,
Что тот, кто низок нонче,
Назавтра стал велик.
То дух любви, повеяв,
Избранника воздвиг
Гигантом из пигмеев...
Что́ если в этот час
Кровавого событья
Уж осеняет нас
Святой любви наитье?
О, пусть же, нашу дрянь
С нас сбросив, эта сила
России скажет: «Встань!
Тебя я воскресила!»
И, с края в край полна
Любви животворящей,
Могла бы встать она,
Как Лазарь встал смердящий!»

Тут кончи. Хоть успех,
Конечно, под сомненьем,
Зато и вся и всех
Заденешь песнопеньем;
А то ведь это что ж!
О собственной персоне
Заладивши, поешь —
И всё в минорном тоне.

25 августа 1876

ПРИВЕТ ВЕСНЫ

Взгляни: зима уж миновала;
На землю я сошла опять...
С волненьем радостным, бывало,
Ты выходил меня встречать.

Взгляни, как праздничные дани
Земле я снова приношу,

Как по воздушной, зыбкой ткани
Живыми красками пишу.

Ты грозовые видел тучи?
Вчера ты слышал первый гром?
Взгляни теперь, как сад пахучий
Блестит, обрызганный дождем.

Среди воскреснувшей природы
Ты слышишь: свету и теплу
Мои пернатые рапсоды
Поют восторженно хвалу?

Сам восторгаясь этим пеньем
В лучах ликующего дня,
Бывало, с радостным волненьем
Ты выходил встречать меня...

Но нет теперь в тебе отзы́ва;
Твоя душа уже не та...
Ты нем, как под шумящей ивой
Нема могильная плита.

Прилившей жизнью не взволнован,
Упорно ты глядишь назад
И, сердцем к прошлому прикован,
Свой сторожишь зарытый клад...

4 апреля 1877

ЗНАКОМАЯ КАРТИНА

Всё нашел как прежде;
Я уж знал заране:
Месяц в светлых тучках,
Озеро в тумане;

Дальних гор узоры,
Садик перед домом —
Всё как было прежде;
Прибыл я к знакомым.

Не хвалися, месяц,
Садик, не хвалися,
Что без бед над вами
Годы пронеслися!

Озеро и горы,
Не глумитесь тоже
Над судьбой моею,
С вашею не схожей!

Как припомню, вижу:
Эта злая сила,
Что меня ломала,
Вас не пощадила.

Те ж, пожалуй, краски,
Те же очертанья, —
Но куда девалась
Власть очарованья?

Помню, как в безмолвьи
Теплой летней ночи
Вы манили душу,
Вы пленяли очи...

А теперь не то вы,
Что во время óно,
Хоть на вас усердно
Я гляжу с балкона.

Всю картину вижу,
Стóя перед садом...
Но без сожаленья
Повернусь и задом.

3 июля 1877
Лозанна

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Полевые цветы на зеленом лугу...
Безучастно на них я глядеть не могу.
Умилителен вид этой нежной красы
В блеске знойного дня иль сквозь слезы росы;

Без причуд, без нужды, чтоб чья-либо рука
Охраняла ее, как красу цветника;
Этой щедрой красы, что, не зная оград,
Всех приветом дарит, всем струит аромат;
Этой скромной красы, без ревнивых забот:
Полюбуется ль кто или мимо пройдет?..
Ей любуюся я и, мой друг, узнаю
Душу щедрую в ней и простую твою.
Видеть я не могу полевые цветы,
Чтоб не вспомнить тебя, не сказать: это ты!
Тебя нет на земле; миновали те дни,
Когда, жизни полна, ты цвела, как они...
Я увижу опять с ними сходство твое,
Когда срежет в лугу их косы лезвие...

10 августа 1877

* * *

Что за прелесть сегодня погода!
Этот снег на вершинах вдали,
Эта ясность лазурного свода,
Эта зелень цветущей земли...

Всё покрыто торжественным блеском;
Словно всё упрекает меня,
Что в таком разногласии резком
Мое сердце с веселием дня.

О, желал бы я сам, чтоб хоть ныне
На душе моей стало светло,
Как на той вечно снежной вершине,
Где сияние солнце зажгло;

Чтоб чредой понеслись к моим думам
Годы счастья былые мои,
Как реки этой с ласковым шумом
Голубые несутся струи...

Пусть затмит мне минувшее время
Эту жизнь и что ждет впереди...
Упади же с души моей, бремя,
Хоть на этот лишь день упади!

Не боли хоть теперь, моя рана!
Дай пожить мне блаженством былым...
Много лет горячо, без обмана
И любил я, и был я любим.

1877
Тун, в Швейцарии

Л. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

Ты прав. Я вижу сам: нет силы произвола
В моей душе, как в оны дни;
Но не кори ее; ты с арфою Эола
Ее, безвинную, сравни!

Как жертва непогод, лишь струны ветер тронет,
Не может не звучать она, —
Так чуткая душа под бурей жизни стонет
И плач окончить не вольна.

С тех пор как друга нет, душа напрасно просит
Отрад, надежд и светлых грез, —
Далёко от меня их тот же вихрь уносит,
Который жизнь ее унес.

Так пусть душа звучит; пусть песня скорби льется
И поминается мой друг,
Пока последняя струна не оборвется,
Издав тоски последний звук!

31 августа 1877

НА ГОРЕ

Небо висит надо мною, прозрачно и сине;
Ходят внизу облака...
Слава осеннему утру на горной вершине!
С сердца спадает тоска.

Вижу далекие горы, долины, озера,
Птиц подо мною полет;
Чую, что вслед за растущею силою взора
Сила и духа растет.

Крепнет решимость — расстаться с привычкою горя,
Волю воздвигнуть мою;
Мыслью спокойной я жизнь, не ропща и не споря,
Как она есть признаю.

Холодно, мрачно, пустынно без милого друга;
Нет ее нежной любви...
Что же! Быть с ласковой жизнью в ладу — не заслуга.
Жизнью скорбящих живи!

Горные выси внезапную бодрость мне дали...
Друг мой, любивший меня,
Ты, чья душа мне светила в дни бед и печали
Пылом святого огня, —

Благословеньем своим и теперь помоги же
Другу в духовной борьбе!
Кажется мне, в это утро, что к небу я ближе,
Ближе я также к тебе.

16 октября 1877
Риги Кульм

ОСЕНЬЮ В ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

В час поздних сумерек я вышел на дорогу;
Нет встречных; кончился обряд житейский дня;
И тихий вечер снял с души моей тревогу;
Спокойствие — во мне и около меня.

Вот облака ползут, своим покровом мутным
Скрывая очерки знакомых мне вершин;
Вот парус, ветерком изогнутый попутным,
В пустыне озера виднеется один.

Вот к берегу струи бегут неторопливо;
Чуть слышен плеск воды и шорох тростника;
И прерывает строй природы молчаливой
Лишь мимолетное гудение жука.

Нет, звук еще один я слышу; он заране
Про смерть мне говорит, пока еще живу:

Конь Калигулы.

„Калигула, твой конь въ сенатѣ
„Не могъ сіять, сіяя въ златѣ;
„Сіяютъ добрыя дѣла."

Такъ поигралъ въ слова Державинъ,
Негодованіемъ объятъ.
А мнѣ сдается (виноватъ!),
Что тѣмъ Калигула и славенъ,
Что вздумалъ лошадь, говорятъ,
Послать присутствовать въ сенатъ.
Я помню: въ юности плѣняла
Его иронія меня;
И мысль моя живописала
Въ стѣнахъ священныхъ трибунала,
Среди сановниковъ, коня.
Итожъ, развѣ тамъ онъ былъ не кстати?
По мнѣ — въ парадномъ чепракѣ
Зачѣмъ не быть коню въ сенатѣ,
Когда сидѣть бы людямъ знати
Умѣстнѣй въ конномъ денникѣ?

Что жъ, развѣ звукъ веселый ржанья
Былъ для имперіи вредной
И раболѣпнаго молчанья,
И лестью дышащихъ рѣчей?
Что жъ, развѣ конь красивой мордой
Не затмѣвалъ нѣкоторыхъ лицъ,
И не сражалъ осанкой гордой
Людей, привыкшихъ падать ницъ?..
Я и теперь того же мнѣнья,
Что вряд ли гдѣ встрѣчалось намъ
Такое къ трусамъ и къ рабамъ
Великолѣпное презрѣнье.

Алексѣй Жемчужниковъ.

То с яблонь или с груш, стоящих на поляне,
Отжившего плода падение в траву.

Сурово для ума звучат напоминанья;
А сердце так меж тем настроено мое,
Что я, внимая им, не чувствую желанья
Теперь ни продолжать, ни кончить бытие.

Изведал радости я лучшие на свете;
Пришел конец и им, как эта ночь пришла...
О, будьте счастливы, возлюбленные дети!
Желанье пылкое вам шлю в моем привете,
Чтоб длилась ваша жизнь отрадна и светла!..

18 сентября 1878
На берегу Люцернского озера

ЗЕМЛЯ

Волнуем воздухом, как легкая завеса,
С вершин альпийских гор спускается туман.
Уж высятся над ним кой-где макушки леса...
И вот — весь выступил он, красками убран,
В которые рядить деревья любит осень,
Не трогая меж них зеленых вечно сосен.

Как много радости и света в мир принес,
Победу одержав над мглою, день прозрачный!
Не сумрачен обрыв, повеселел утес,
И празднично-светло по всей долине злачной;
Лишь около дерев развесистых на ней
Узоры темные колеблются теней.

Казалось, что теперь небесное светило,
Вступив на зимний путь, прощальный свет лило;
И, на него глядя, земля благодарила
За яркие лучи, за влажное тепло,
Что разносил, струясь над нею, воздух зыбкой,
И озарялась вся приветливой улыбкой.

Красавица-земля! Не в этой лишь стране,
В виду гигантов-гор, склонюсь я пред тобою;
Сегодня ты была б везде прелестна мне, —

Лишь бы с деревьями, с кустами и с травою,
Где красок осени играл бы перелив,
Или хоть с бледною соломой сжатых нив.

Чем дольше я смотрю, тем шире и сильнее
Всё разрастается к тебе моя любовь.
О, запах милый мне!.. То, сладостно пьянея,
Как бы туманюсь им, то возбуждаюсь вновь...
Землею пахнет!.. Я — твое, земля, созданье, —
И нет иного мне милей благоуханья.

Земля-кормилица! Работница-земля!
Твой вечен труд; твои неистощимы недра...
Меж тем как чад своих ты, нуждам их внемля,
Плодами и зерном уж одарила щедро, —
Я вижу — требуя еще твоих услуг,
Тебя там на холме опять взрывает плуг.

Я жизни путь прошел, топча тебя небрежно,
Как будто я не сын тебе, родимый прах.
Найти я вне тебя рвался душой мятежной
Причину тайную житейских зол и благ;
И мысль, страшась конца, не ведая начала,
Во тьме и пустоте, тоскливая, блуждала.

Земля! Что ж так влекут меня стремленья дум
И сердца пыл к тебе? Не знаю... Оттого ли,
Что от меня далек тревожный жизни шум?
Иль правды я ищу? Иль я устал от боли
Разрушенных надежд, оплаканных потерь?
Иль твой к покою зов мне слышится теперь?..

О мать-земля! Я здесь один; людей не видно...
Хотел бы пасть я ниц и лобызать тебя!..
Увы! я не могу, и не людей мне стыдно...
Восторгом был я полн, красу твою любя;
Но лишь тебя признал я матерью моею, —
Печален и смущен, ласкать тебя не смею.

Ты мне чужда еще, но я отныне твой.
Дай силы мне своей на бодрый подвиг жизни,

Чтоб я, на склоне лет, один с самим собой,
Отрады не искал в тоске и в укоризне;
И чтоб меня, когда наступит смерти мгла,
Ты, примиренного с тобою, приняла.

Поднялся ветерок, свежея понемногу;
Я вижу на горах вечернюю зарю,
И тени длинные ложатся на дорогу...
Пора домой идти. Земля, благодарю!
Обязан я тебе, твоим осенним чарам,
Что уходящий день прожит был мной не даром.

27 октября 1878
На берегу Люцернского озера

СНЕГ

Уж, видимо, ко сну природу клонит
И осени кончается пора.
Глядя в окно, как ветер тучи гонит,
Я нынче ждал зимы еще с утра.

Неслись они, как сумрачные мысли;
Потом, сгустясь, замедлили свой бег;
А к вечеру, тяжелые, нависли
И начали обильно сыпать снег.

И сумерки спуститься не успели,
Как всё — в снегу, куда ни поглядишь;
Покрыл он сад, повис на ветвях ели,
Занес крыльцо и лег по склонам крыш.

Я снегу рад, зимой здесь гость он редкий;
Окрестность мне не видится вдали,
За белою, колеблющейся сеткой,
Простертою от неба до земли.

Я на нее смотрел, пока стемнело;
И грезилось мне живо, что за ней,
Наместо гор, — под пеленою белой
Родная гладь зимующих полей.

6 ноября 1878
На берегу Люцернского озера

ЗИМПЕЕ ЧУВСТВО

Хоть в зимний час приходят дни с востока,
А всё еще природа хороша;
Она не спит безмолвно и глубоко,
Морозом в ней не скована душа.

И листья лес не все еще утратил,
И жизни шум не прекратился в нем;
По дереву стучит красивый дятел,
В кустах скворец шуршит сухим листом.

Но пусть зима приходит! Мне приятно,
Когда, летя, мне снег туманит взор.
Люблю в лугах белеющие пятна
И серебро залитых солнцем гор.

Пускай земли под снегом жизнь застынет, —
Мне эта смерть природы не страшна;
Я знаю — срок оцепененья минет,
И снова жизнь вдохнет в нее весна.

Дожить бы мне до праздника земного!
Тогда весны увижу красоту,
И белизну долин увижу снова —
Но уж не снег, а яблони в цвету.

16 ноября 1878
На берегу Люцернского озера

* * *

О, жизнь! Я вновь ее люблю
И ею вновь любим взаимно...
Природы друг, я в ней ловлю
Все звуки жизненного гимна;

Я исцелен от слепоты,
Красу весны я вижу снова
И подмечаю все черты
Ее стремления живого.

На ниве колос уж высок,
Уже густа трава в поляне;
Уже пчела и мотылек
С цветов сбирают много дани;

Уж тень дает зеленый лес
И, полон тайны, шепчет что-то;
Уж полдень пламенный с небес
Всё кроет знойной позолотой;

С душистой яблони уже
Дол убелен слетевшим цветом...
Весна стоит на рубеже,
Где ждет ее слиянье с летом.

Бродить я вышел вдоль полей,
Весь впечатленьям предан внешним;
Заботы все души моей —
О настоящем и о здешнем.

Забот я этих не гоню,
Иных пока не призываю, —
Весь предан солнечному дню,
Весь предан радостному маю!

Кровь льется в жилах горячо;
Есть чувство бодрости и мощи;
Кукушка много лет еще
Сулит любезно мне из рощи;

Привет мне добрый шлют поля,
Подобный дружбы поцелую,
И ветерок, со мной шаля,
Мне треплет бороду седую...

О, жизнь! Я ею вновь любим
И вновь люблю ее взаимно...
Стихом участвую моим
Я в хоре жизненного гимна.

Май 1879
Близ Фрейбурга, в Швейцарии

* * *

Грустно смотрю я на жизнь, как в окно на ненастную
осень...
Словно холодный туман, всю природу сокрывший
от взора,
Нравственной мглы пелена облекает весь мир наш
духовный.
Разума яркое солнце не может лучом благотворным
Эту мглу пронизать и достигнуть до нашей юдоли.
Помню: когда-то простор расстилался красиво пред
нами;
Помню: виднелися нам нас зовущие вдаль горизонты...
Ныне ж: взгляну ли вокруг — ничего ниоткуда
не видно,
Кроме безжизненной, серой, отвсюду нахлынувшей
мути.
Жизни явленья застыли. Недвижны крылатые мысли.
Сердце любить опасается. Замерло вещее слово...
Страшно подумать, что жизнью зовется подобие смерти!
Жутко, в себя заглянув, сознать, что одни за другими
Все отлетели, поблекнув, живые когда-то надежды,
Словно в ненастную осень последние с дерева листья!..

Ноябрь 1879

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Из вольных мысли сфер к нам ветер потянул
В мир душный чувств немых и дум, объятых тайной;
В честь слова на Руси, как колокола гул,
Пронесся к торжеству призыв необычайный.
И рады были мы увидеть лик певца,
В ком духа русского живут краса и сила;
Великолепная фигура мертвеца
Нас, жизнь влачащих, оживила.

Теперь узнал я всё, что там произошло.
Хоть не было меня на празднике народном,
Но сердцем был я с тем, кто честно и светло,
Кто речью смелою и разумом свободным
Поэту памятник почтил в стенах Москвы;

И пусть бы он в толпе хвалы не вызвал шумной,
Лишь был привета бы достоин этой умной,
К нему склоненной головы.

Но кончен праздник... Что ж! гость пушкинского
пира
В грязь жизни нашей вновь ужель сойти готов?
Мне дело не до них, детей суровых мира,
Сказавших напрямик, что им не до стихов,
Пока есть на земле бедняк, просящий хлеба.
Так пахарь-труженик, желающий дождя,
Не станет петь, в пыли за плугом вслед идя,
Красу безоблачного неба.

Я спрашиваю вас, ценители искусств:
Откройтесь же и вы, как те, без отговорок,
Вот ты хоть, например, отборных полный чувств,
В ком тонкий вкус развит, кому так Пушкин дорог;
Ты, в ком рождают пыл возвышенной мечты
Стихи и музыка, статуя и картина, —
Но до седых волос лишь в чести гражданина
Не усмотревший красоты.

Или вот ты еще... Но вас теперь так много,
Нас поучающих прекрасному писак!
Вы совесть, родину, науку, власть и бога
Кладете под перо, и пишете вы так,
Как удержал бы стыд писать порою прошлой...
Но наш читатель добр; он уж давно привык,
Чтобы язык родной, чтоб Пушкина язык
Звучал так подло и так пошло.

Вы все, в ком так любовь к отечеству сильна,
Любовь, которая всё лучшее в нем губит, —
И хочется сказать, что в наши времена
Тот — честный человек, кто родину не любит.
И ты особенно, кем дышит клевета
И чья такая ж роль в событьях светлых мира,
Как рядом с действием высоким у Шекспира
Роль злая мрачного шута...

О, докажите же, рассеяв все сомненья,
Что славный тризны день в вас вызвал честь
и стыд!
И смолкнут голоса укора и презренья,
И будет старый грех отпущен и забыт...
Но если низкая еще вас гложет злоба
И миг раскаянья исчезнул без следа, —
Пусть вас народная преследует вражда,
Вражда без устали до гроба!

Июль 1880
Близ Фрейбурга, в Швейцарии

* * *

Весны развертывались силы, —
Вдруг выпал снег... О, падай, падай!
Твой вид холодный и унылый
Мне веет странною отрадой.

Ты можешь время отодвинуть
Тепла, цветов, поющей птички...
Еще не хочется покинуть
Зимы мне милые привычки.

Пусть дольше жизнью той же самой
Я поживу еще, как ныне,
Глядя в окно с двойною рамой
И на огонь в моем камине.

Прелестна жизнь весной и летом...
Но сердце полно сожалений,
Что будет мне на свете этом
Еще одной зимою меней...

27 марта 1883

ЗАМЕТКИ

1

Для человека — вот условья:
Чтобы душой он не был стар;
Чтобы не с рыбьей был он кровью;
Чтоб иль враждою, иль любовью
Его палил сердечный жар;
Чтоб полным обладал он правом
Сказать, в сознаньи величавом
Своих достоинств: «Homo sum!» [1]
Людские страсти, скорби, нужды,
Во мне воспитывая ум,
И сердцу пылкому не чужды!»

2

Я бескорыстного лица
Прошу у жизни современной.
Где ж ты, о деятель почтенный
Без грубой примеси дельца?

3

Воля

О, наши прежние затеи!!
О, волей грезившие дни!..
Хоть были и тогда лакеи, —
Но под шитьем своей ливрси
По ней вздыхали и они!..

4

Из современных типов

Всё в нем двусмысленно, неверно, непонятно.
С плодом сомнительным сравнен он может быть:
Посмотришь, повертишь, решишься раскусить,
И думаешь: а ну как выплюну обратно?

---

[1] Я человек! (лат.) — *Ред.*

5

После чтения газет

Над миром туча всё висит...
Чем это кончится — бог знает!
И разразиться не грозит,
И разойтись не обещает.

6

В насмешку и в позор моей родной земли,
Так некогда сказал наш враг иноплеменный:
«Лишь внешность русского немножко поскобли,
Под ней — татарин непременно».

Теперь проявимся мы в образе ином.
Так отатарит нас «народников» дружина,
Что сколько ни скреби татарина потом, —
Не доскребешь до славянина.

7

Философия червяка

Вперед я двигаюсь без фальши;
Ползну, отмеряю, и — дальше.
Живу смиренно здесь внизу,
Но всё куда-нибудь ползу,
И доползти всегда в надежде, —
Коль не раздавлен буду прежде.

8

Идет трагедия. Набрали без разбора
Актеров с улицы. Своих ролей никто
Вперед не вытвердил. Все смотрят на суфлера.
Суфлер или молчит, иль говорит не то.
По сцене мечется толпа в переполохе.
То невпопад кричит, то шепчет лицедей...
Довольно!.. Оттого душе не веселей,
Что драму мрачную играют скоморохи.

14 апреля 1883

* * *

Ранней осени подарок —
Голубой, прозрачный день...
Полдень блещущий не жарок;
Не нужна густая тень.

Близ пути, под дикой грушей,
На траве скамья стоит;
«Сядь сюда! Смотри да слушай!» —
Мне как будто говорит.

Сел. Смотрю кругом и внемлю.
Долго, кажется, сижу...
То на небо, то на землю
С благодарностью гляжу.

Нет болтливого народу...
Тишина... Лишь мошек рой
Всё про ясную погоду
Распевает надо мной...

10 сентября 1883
Близ Цюриха

* * *

Лишь вступит жизнь в такую пору,
Когда конец всё ближе к ней, —
Былое умственному взору,
Представши, видится ясней.

И как страстей шумела буря,
И как боролась с правдой ложь, —
Седую голову понуря,
Припомнишь всё — и всё поймешь.

На прожитое взглянешь прямо,
То с краской счастья, то стыда;
И пред тобой, как панорама,
Проходят дальние года...

Так поздней осенью, порою,
Когда летит увядший лист
И, разрежен от мглы и зною,
Спокойный воздух свеж и чист,

В часы, когда уж солнце низко, —
На озаренной им земле
Даль подступает к нам так близко,
Так ясно всё, что было в мгле.

10 октября 1883
Близ Цюриха

ОТГОЛОСОК ПЯТНАДЦАТОЙ ПРЕЛЮДИИ ШОПЕНА

Посвящается
Ольге Алексеевне
Жемчужниковой

Мне больно!.. Рвется стон из гру́ди;
Ручьями слезы льют невольно;
И хочется, чтоб знали люди,
Как на душе мне больно, больно.

Мне больно!.. Боль невыносима...
Кто ж скажет ей: не мучь, довольно!?
Никто!.. Толпа проходит мимо,
Не слыша криков, как мне больно.

Мне больно!.. Вопль не достигает
И до небес о скорби дольной...
И, оборвавшись, замирает,
Никем не понят, как мне больно.

Октябрь 1883

В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

О, друг ты мой, — как сердца струны
Все задрожали, все звучат!..
И лет минувших призрак юный,
Манящий издали назад;

И призрак старости жестокой,
Вперед торопящий меня,
Туда, к той грани недалекой,
Где нет уж завтрашнего дня;
И тех судьба, кто сердцу милы,
Кому черед пожить теперь;
И молчаливые могилы —
Моих владетели потерь...
Как бы смычком, порой так больно,
Вся жизнь по сердцу поведет, —
И сердце бедное невольно
Под ним и плачет, и поет.

12 декабря 1883

НА РОДИНЕ

Опять пустынно и убого;
Опять родимые места...
Большая пыльная дорога
И полосатая верста!

И нивы вплоть до небосклона,
Вокруг селений, где живет
Всё так же, как во время оно,
Под страхом голода народ;

И все поющие на воле
Жильцы лесов родной земли —
Кукушки, иволги; а в поле —
Перепела, коростели;

И трели, что в небесном своде
На землю жаворонки льют...
Повсюду гимн звучит природе,
И лишь ночных своих мелодий
Ей соловьи уж не поют.

Я опоздал к поре весенней,
К мольбам любовным соловья,
Когда он в хоре песнопений
Поет звучней и вдохновенней,
Чем вся пернатая семья...

О, этот вид! О, эти звуки!
О край родной, как ты мне мил!
От долговременной разлуки
Какие радости и муки
В моей душе ты пробудил!..

Твоя природа так прелестна;
Она так скромно-хороша!
Но нам, сынам твоим, известно,
Как на твоем просторе тесно
И в узах мучится душа...

О край ты мой! Что ж это значит,
Что никакой другой народ
Так не тоскует и не плачет,
Так дара жизни не клянет?

Шумят леса свободным шумом,
Играют птицы... О, зачем
Лишь воли нет народным думам
И человек угрюм и нем?

Понятны мне его недуги
И страсть — все радости свои,
На утомительном досуге,
Искать в бреду и в забытьи.

Он дорожит своей находкой,
И лишь начнет сосать тоска —
Уж потянулась к штофу с водкой
Его дрожащая рука.

За преступленья и пороки
Его винить я не хочу.
Чуть осветит он мрак глубокий,
Как буйным вихрем рок жестокий
Задует разума свечу...

Но те мне, Русь, противны люди,
Те из твоих отборных чад,
Что, колотя в пустые груди,
Всё о любви к тебе кричат.

Противно в них соединенье
Гордыни с низостью в борьбе,
И к русским гражданам презренье
С подобострастием к тебе.

Противны затхлость их понятий,
Шумиха фразы на лету
И вид их пламенных объятий,
Всегда простертых в пустоту.

И отвращения, и злобы
Исполнен к ним я с давних лет.
Они — «повапленные» гро́бы...
Лишь настоящее прошло бы,
А там — им будущего нет...

27 апреля 1884
Рунторт

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Еду, всё еду... Меня укачало...
Видов обрывки с обеих сторон;
Мыслей толпа без конца и начала;
Странные грезы — ни бденье, ни сон...

Трудно мне вымолвить слово соседу;
Лень и томленье дорожной тоски...
Сутки-другие всё еду, всё еду...
Грохот вагона, звонки да свистки...

Мыслей уж нет. Одуренный движеньем,
Только смотрю да дивлюсь, как летят
С каждого места и с каждым мгновеньем
Время — вперед, а пространство — назад.

Июль 1884

НОЧЬЮ

Там, где город, вдали засветились огни,
Словно зорко глядящие очи;
Но окрестность темна, и лишь явней они
Говорят о присутствии ночи...

Так со мраком в борьбе, о благие умы,
Вечно бдите вы, ярко сверкая;
И видней вы во тьме, — но из умственной тьмы
Не выходит громада людская.

Август 1884
Schloss Himmel, близ Вены

СЕЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И КАРТИНКИ

(Серия первая)

1

В ВАГОНЕ ЗА МОСКВОЮ

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Только что простившись с жизнью городскою,
Я один остался, окружен тобою,
И уж груз душевный — страхи и тревоги —
Побросал за окна вдоль моей дороги.
Сумрачные думы также поневоле
То плутают в рощах, то гуляют в поле;
А теперь умчались к крайним тем полянам,
Где садится солнце в зареве румяном.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Прелестью безмолвной, жизнию безлюдной
Ты целишь иль губишь? распознать мне трудно.
Лаской ли нежной прочь кручину гонишь?
К сонному ль покою ум и совесть клонишь?..
Грезы роем легким вьются надо мною,

Словно опьянен я брагою хмельною.
Вот и сумрак сходит, в воздухе прохлада...
Ни о чем не мыслю, ничего не надо.

10 августа 1886

2

РАКИТЫ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Нет, сердце, значит, не остыло,
Не загрубел с летами вкус!
На то, что прежде было мило,
Я и теперь не нагляжусь.
Меня пленяет особливо
Своеобразный этот вид
Дороги грустно молчаливой
С ее аллеями ракит.
Я их разгадываю думу,
Когда под тенью их иду;
И с ними сам, в ответ их шуму,
Беседы долгие веду.
Они, ветвисты и могучи,
Про старину мне говорят;
Про вихри, грозовые тучи,
Снега, метель, мороз трескучий
И дней счастливых длинный ряд.
Но вот сухие две ракиты
Лежат в изнеможеньи сил...
Не бурей злой они убиты, —
Злой человек их погубил.
Они сломились и ветвями,
Как будто крепкими руками,
Упав, о землю оперлись;
И, распростившись с небесами,
С тех пор печально смотрят вниз.
Но смерть ракиты вековые
Со света выжить не могла:
Пошли побеги молодые
От расщепленного ствола.
О, как, пред смертию бессильный,
Я за мои ракиты рад!

И мнится мне: глядя умильно,
И эти также говорят;
Мне говорят, являя обе
Дупло, прожженное внутри:
«Наперекор жестокой злобе,
Мы всё живем еще, смотри!»
Бедняги! На меня похожи.
Им лучше медленно хиреть,
Лишь только б свет им видеть божий,
Лишь бы попозже умереть.

Сентябрь 1886

3

ПРОГУЛКА ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Иду давно — и пред глазами
Дороги тот же всё простор;
Всё тот же, с пестрыми цветами,
Зеленый стелется ковер.

Здесь редко люди проезжают;
Почти что некому пройти;
И только бабочки летают
Вдоль по широкому пути.

И тишина зато какая!
Как будто с тем проложена́
Была дорога, чтоб немая
Здесь воцарилась тишина.

Шумят лишь ласково деревья,
Да мне доносит ветерок
При стаде мальчика со жневья
Поющий песню голосок.

Сравнить покой мне этот не с чем,
Как с тихой грезой в сладком сне;
Лишь ворон раз ее при мне
Нарушил карканьем зловещим.

Сентябрь 1886

4

ОТДЫХ ПРИ ДОРОГЕ

На мураве присев кудрявой,
Я в одиночестве счастлив;
И всё любуюсь — то направо
Сребристой гладью сжатых нив;

То милым зрелищем налево,
Как нежной зеленью взошли
Ростки озимого посева
На черном бархате земли.

Смотрю, как тучки в небе тают;
Как тени их, при блеске дня,
Окрестность дымкой застилают —
И будто меркнут зеленя;

Иль как несутся тени эти
За горизонт поверх полей...
Что проще может быть на свете
И что же может быть милей?..

8 сентября 1886

5

БЕШЕНАЯ СОБАКА

Я летом посетил немало деревень,
Где слышать мне пришлось едва ль не каждый день
О грозном бедствии в быту крестьян убогом
От бешеных собак, бродящих по дорогам.
Такую видел я собаку сам вблизи.
Навстречу мне она, худая, вся в грязи,
Шла, пробираяся по кочкам поля топким,
С опущенным хвостом, со взглядом злобно-робким,
Следящим, как шпион разгаданный, за мной,
И с длинной, до земли, тягучею слюной.
Я, в сторону свернув, ей уступил дорогу
И с нею без беды расстался, слава богу.
Меж тем она мой ум — опасность чуть прошла —
На любопытное сближенье навела.

Не стану разбирать, счастливо ли и кстати ль, —
Мне вспомнился один наш публицист-писатель.
А раз он вспомнился, то ясно почему, —
Едва лишь только мысль представится уму
О псах, блюющих смерть из пастей ядовитых, —
И ряд его статей я вспомню знаменитых.

19 августа 1886

6

ТЕМЕНЬ

Под безлунным небом, тучами покрытым,
По межам заросшим, колеям изрытым
Еду, но не вижу: полем иль оврагом,
С бубенцами тройкой в тарантасе шагом.
Черная дорога; вороные кони;
Все предметы черны; всё на черном фоне.
Только видны пятна — да и тех немного —
При дороге самой иль копен, иль стога;
Да порой, взобравшись на бугор открытый,
Встретишь очертанье сироты-ракиты...
Слышу: где-то едут, близок звук рессорный;
Ничего не вижу, кроме ночи черной.
С кем-то на распутье мы, не без испуга,
Съехавшись, расстались, не видав друг друга.
Черной ночи царство, царство чернозема...
Огонек бы видеть! Быть скорей бы дома!

23 августа 1886

7

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ В ДЕРЕВНЕ

Прозрачных дней прошла пора,
И туча серая нависла.
Льет дождь осенний тихо, кисло, —
Не летний дождь, как из ведра.
Уж третьи сутки льет исправно;
Знать, зарядил он не шутя;
И ропщут все на дождь, хотя
«Дождь даждь!» молились все недавно.

Здесь я — хозяин! Как же быть,
Чтоб не порвать с хозяйством связи,
Когда и по́ двору ходить
Нельзя по этой страшной грязи?..
И я по комнатам хожу.
Потом, у окон долго стоя,
Сперва в одно, затем в другое
С тоской покорною гляжу;
Но редко что-нибудь увижу...
Вот Марья-скотница спешит,
Макая храбро лапти в жижу.
А вот милей, пожалуй, вид:
С перил балкона мокрых галка
Одним глазком за мной следит;
Да улетела скоро... Жалко!
И нет живой души опять.
Вдали — во мгле — пустая гладь;
А возле — сад под серой тучей.
Лишь к вечеру судьба послать
Мне вздумала счастливый случай:
Вдруг вижу в цветнике телят!
Я, как хозяин, рассердился,
Велел согнать, и очень рад,
Что чем-нибудь распорядился.
Скорей бы этот день прошел!..
А завтра что мне делать?.. Боже!
Ужель и завтра — снова то же?..
Меж тем накрыли мне на стол.
И, выпив водки, у закуски
Я, по-хозяйски и по-русски,
Придумал так: велю Петру,
Чтоб завтра ехать поутру, —
Лишь только я с постели встану, —
Верхом в село к отцу Ивану
Сказать, что так как на гумне
Мешает дождь его занятьям,
То я прошу его ко мне:
Служить молебен с водосвятьем.

25 сентября 1886

8
ПО ПОВОДУ ДОЖДЯ И СНЕГА

Сегодня снег примчали облака.
Уж звездами он по́ ветру летает.
Усадьбу всю запорошив слегка,
Он на траве застынувшей не тает;
И хоть к полудню близко, но пока
Ночной мороз еще не отпускает;
И, в жесткие комки преобразясь,
Вчерашняя совсем исчезла грязь.

Я первый снег, любимый мной измлада,
Встречал всегда и нежно и добро;
Но думать вам, читатель мой, не надо,
Что я теперь затем беру перо,
Чтоб воспевать и легкий снег, и сада
Одетые деревья в серебро.
Про снег довольно. И притом едва ли
Дни осени дождливой миновали.

Мне хочется поведать вам мой страх,
Что, может быть, увлек я вас обманом,
Дня три тому задумавши в стихах
Упреки слать за мглу сырым туманам
И речь вести с досадой о дождях.
Хозяевам уподобляясь рьяным,
Я лишь вошел в их роль, когда дожди
Им говорят, дразня их: подожди!
Моя душа, напротив, наслаждалась
В сообществе осеннего дождя.
Я был совсем один, и мне писалось.
Хоть слабое, а все-таки дитя
На свет моею музой зарождалось.
И хорошо мне было! Не шутя,
Одни лишь эти радости не мнимы:
Творить и наслаждаться — синонимы.

Дни ясные ль еще ко мне придут
И озарят весь вид вдали и возле;
Осенние ль дожди опять польют;
Поля и сад посеребрит мороз ли, —

Всё будет мил мне тихий мой приют.
И помяну признательно я после,
Среди сует и праздной болтовни,
В безмолвии прожитые там дни.

28 сентября 1886

9

ЗИМА ИДЕТ

Средь ночи бурной и ненастной,
Когда гудел со всех сторон
Осенний ветер, я напрасно
На помощь звал безмолвный сон.

Притом же близ меня нередко,
С двора, где было так темно,
Сухой постукивала веткой
Сирень тревожная в окно.

Мне было жутко и печально...
Однако всё же я заснул;
И нынче радостно из спальной
В окно веселое взглянул.

Кругом везде — светло и бело!
А было грязно так вчера.
С покровом чистым подоспела
Зимы опрятная пора.

Весь сельский быт, с явленьем снега,
Вдруг изменился там и тут...
В сарай уж вдвинута телега;
Зерно в амбар в санях везут.

Привет зиме у всех на лицах;
Вчерашней скуки нет ни в ком;
Всем веселее в рукавицах
И в полушубке с кушаком.

Сам одеваюсь я поспешней
И на дорогу выхожу:
Скорей на вид природы здешней
В уборе снежном погляжу.

Зима идет, морозом вея...
И я, как все, ей тоже рад;
И воробьи еще резвее
В кустах, чирикая, шуршат.

Гостеприимный запах дыма
Из труб доносится ко мне;
Роняя снег, проходят мимо
Под солнцем тучки в тишине.

Как тихо там в дубовой роще!
Как в чистом воздухе свежо!..
Что может быть на свете проще,
И как всё это хорошо!

15 октября 1886
Павловка

10

ОТЪЕЗД ИЗ ДЕРЕВНИ

На колесах ехал. Снег недавний стаял.
Я дорог подобных никогда не чаял.
Земские дороги... Их ремонт не дорог.
Я с утра до ночи одолел верст сорок.
Тщетно пешехода догоняла тройка,
Хоть и он по грязи двигался не бойко.
Пыл воображенья и картинность в слоге
Передать бессильны земские дороги.
А при самом въезде в город наш уездный
Чуть-что не был грязной поглощен я бездной;
И когда, разбитый, я ввалился в номер,
Очень был доволен, что еще не помер.
Но желанье тут же овладело мною
Тот же путь проехать будущей весною.
Чтоб пожить в деревне, вынесть я способен
Даже пытку земских рытвин и колдобин.

15 октября 1886
Москва

---

* * *

Как будто всё всем надоело.
Застыли чувства; ум зачах;
Ни в чем, нигде — живого дела,
И лишь по горло все в делах.

Средь современности бесцветной
Вступили в связь добро и зло;
И равнодушье незаметно,
Как ночь, нас всех заволокло.

Нам жизнь не скорбь и не утеха;
В нее наш век лишь скуку внес;
Нет в этой пошлой шутке — смеха;
Нет в этой жесткой драме — слез.

Порой, как сил подземных взрывы,
Нас весть беды всколышет вдруг, —
И быт беспечный и ленивый
Охватят ужас и испуг.

Иль вдруг родится мысль больная,
Что людям надобна война, —
И рвемся мы к войне, не зная
Ни почему, ни с кем она.

Но чуть лишь мы, затишью веря,
От передряги отдохнем,
Как страх и злая похоть зверя
Уж в нас сменились прежним сном.

И вновь, унылой мглой одеты,
Дни скучной тянутся чредой,
Как похоронные кареты
За гробом улицей пустой.

4 апреля 1887
Петербург

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Зиму жизни озаряет
Отблеск вешний. То, что было,
Юность нам напоминает;
Потому оно и мило.

Мне седьмой идет десяток;
Свой роман я кончу скоро.
В нем немало опечаток
И умышленного вздора;

Но я, путь свершая жизни,
Много слышал, много видел;
Много я в моей отчизне
И любил, и ненавидел.

Живы все воспоминанья!
Вижу в прошлом, будто ныне,
Пробужденье в нас сознанья —
Словно выход из пустыни.

Сколько ввысь и вширь стремлений!
Но задержек сколько вместе! ..
Всё же болей или меней
Не стояли мы на месте.

Наконец пора приспела:
Мы прославились на деле
И в лицо Европе смело,
Как родне своей, глядели.

Но эпохи этой славной
Всё вспомянутое мною
Было, собственно, недавно;
Нынче ж веет стариною.

Мы, шагнув еще немножко,
К временам вернемся давним.
Европейское окошко
Закрывается уж ставнем.

Ржа доспехов, пыль архива
В жизни внутренней и внешней;
Звук старинного мотива;
Утро жизни; отблеск вешний...

Так всё нынче повторяет,
Что давно уж с нами было,
Юность так напоминает,
Что должно быть очень мило!

25 апреля 1887
Петербург

СТОЛКОВАЛИСЬ

Консерватор

Ведь ум — гордец и забияка!
Будь по природе он слугой —
И разговор бы был другой!
Не так ли?

Либерал

Да, но всё ж, однако...

Консерватор
(перебивая)

Его замкнуть бы в тесный круг
Рукою властною полезно.
Так прыть коня уздой железной
Мы умеряем.

Либерал

Ну, а вдруг?..

Консерватор
(перебивая)

По духу времени, не есть ли
Политики задача в том,
Чтоб руководствовать умом?
Чтоб подчинять его?

Либерал

А если...?

Консерватор

(перебивая)

Против ума вести умно
Борьбу обдуманную надо.
Ум — крепость вражья...

Либерал

Но...

Консерватор

Осада

Ее нужна!

Либерал

Конечно; но...

Консерватор

(перебивая)

Что «но»?

Либерал

(сконфуженный)

Конечно, мы упрочим
Так безопасность; но... но мы...
А если вдруг? .. Ведь есть умы,
Напротив, так сказать... А впрочем!!.

(Махает рукой.)

7 мая 1887
Петербург

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Внушает старость мне почтение невольно...
Недаром стар я сам. Но как зато мне больно,
Когда приходится увидеть старика
Еще здорового, который даже в силах
И тяжкий труд подъять, и пошалить слегка,
Но уж носителя и чувств и мыслей хилых!

По жизненной стезе осмысленно он шел;
Когда-то был умен, и с сердцем был не черствым,
И различать умел причины благ и зол;
И правду защищал с бестрепетным упорством...
Вдруг — превращение. Великий в жизни дар,
Так свойственный тому, кто опытен и стар,
Дар прозорливости, сменился почему-то
В нем дальновидностью девиц из института.
Отчизну возлюбив теперь еще сильней,
Он духа доблести страшиться начал в ней;
Блеснет ли света луч — ручьем он слезы точит;
Где плакать надо бы — он чуть-что не хохочет;
Он в смерти видит жизнь; он в камне видит хлеб...
Так сердцем он заглох! так умственно ослеп!
Он — чадо времени. Нас злой какой-то гений
Дурачит зрелищем волшебных превращений,
И за людей нельзя ручаться в наши дни.
Что, ежели и мне... О, боже сохрани!..
И мне, на старости, вдруг станет неизвестно:
Что глупо, что умно́, что честно, что бесчестно??.

17 октября 1887
Петербург

* * *

Сняла с меня судьба, в жестокий этот век,
Такой великий страх и жгучую тревогу,
Что я сравнительно — счастливый человек:
Нет сына у меня; он умер, слава богу!
Ребенком умер он. Хороший мальчик был;
С улыбкой доброю; отзывчивый на ласки;
И, мнилось, огонек загадочный таил,
Которым вспыхивали глазки.

Он был бы юношей теперь. В том и беда.
О, как невесело быть юным в наше время!
Не столько старости недужные года,
Как молодость теперь есть тягостное бремя.
А впрочем, удручен безвыходной тоской,
Которая у нас на утре жизни гложет,
В самоубийстве бы обрел уже, быть может,
Он преждевременный покой.

Но если б взяли верх упорство и живучесть,
В ряды преступные не стал ли бы и он?
И горько я его оплакивал бы участь —
Из мира, в цвете лет, быть выброшенным вон.
Иль, может быть, в среде распутства и наживы,
Соблазном окружен и юной волей слаб,
Он духа времени покорный был бы раб...
Такие здравствуют и живы.

А сколько юношей на жизненном пути,
Как бы блуждающих средь мрака и в пустыне!
Где цель высокая, к которой им идти?
В чем жизни нашей смысл? В чем идеалы ныне?
С кого примеры брать? Где подвиг дел благих?
Где торжество ума и доблестного слова?..
Как страшно было бы за сына мне родного,
Когда так жутко за других!

Март 1888
Петербург

МОЕЙ МУЗЕ

Чтоб мне в моих скорбя́х помочь,
Со мной ты плакала, бывало...
Теперь не плачь! Пускай, как ночь,
Когда дождей пора настала,
Один я молча слезы лью,
Храня, как тайну, грусть мою.

То грусть порой по старом счастье...
Ее сравнить могла бы ты
С тоской стебля, когда ненастье
Вдруг оборвет с него цветы
И унесет их вдаль, куда-то,
Откуда нет уже возврата.

Порой грущу, что стар уж я;
Что чую смерти близкий холод
И жуткий мрак небытия, —
Меж тем как я — душою молод,
И животворный сердца пыл
Еще с летами не остыл.

Не надо звуков скорбной неги;
Не надо старческую грусть
Принаряжать в стихах элегий.
А если плачется — ну, пусть —
Коль сердцу есть в слезах отрада;
Но слез рифмованных — не надо!

23 июня 1888
Москва

«ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ»

Первое послание к фессалоникийцам
св. ап. Павла (IV, 19)

Я к вам, ровесники мои, отцы и деды,
О родине скорбя, держать задумал речь.
Мне кажется, что я как гору скину с плеч,
Вам душу высказав средь искренней беседы.
Ведь в сети юных грез нам, зрелым, трудно впасть;
В нас нет охоты быть ни жертвой, ни героем;
Итак, в беседе мы, порядок чтя и власть,
Лишь на себя глаза откроем.

Хоть тот же деятель на сцене, да не тот!
Участник дел былых порой неузнаваем...
Мы время темное теперь переживаем;
Кто скажет: что в судьбах грядущего нас ждет?
Участник дел былых, надеждами богатых,
Почтенный деятель в недавней старине, —
Как будто опьянев, почил на лаврах смятых
И спит, кощунствуя во сне.

Благочестивыми воздвигнут был руками,
Как благолепный храм, России новый строй;
Пред алтарем служил тот деятель былой,
И верующих сонм теснился в этом храме...
Теперь он опустел; все входы прах занес;
Священнодействий нет; он темен и печален;
И ползает в нем гад; и, лая, бродит пес,
Как средь заброшенных развалин.

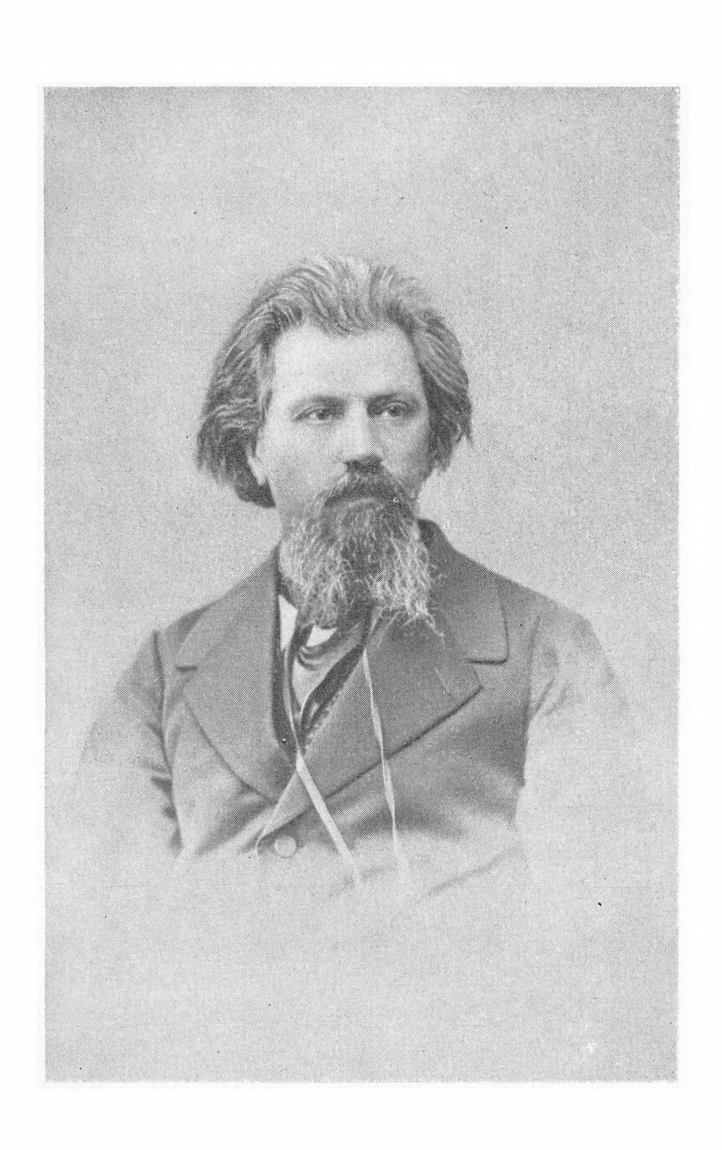
Подумать — страх берет, что ныне меньшинство,
Покуда верное гражданственным началам,
Уж представляется явленьем запоздалым.
Таков переворот. Чем объясним его?
Что возбуждает в нас враждебность и сомненья?
Иль барщина честней свободного труда?
Иль мрак невежества полезней просвещенья?
Бессудье ль правильней суда?

Я знаю: был объят за родину тревогой
Ты, русский гражданин, в те смут крамольных дни...
Ты прав: учение преступное казни,
Но неповинных в нем святых начал не трогай!
Та проповедь средь нас опасностей полна,
Что будто бы они с порядком несовместны;
Порядка верный страж — тот в наши времена,
Кто их последователь честный.

Но смелость доблести в нас никнет; дух наш спит;
Звучат еще слова, но мысли — ни единой;
Но искры божьей нет. Затянутого тиной
Болотного пруда таков сонливый вид.
Грешны и жалки мы, без пользы жизнь кончая
И без луча надежд! Что сеешь, то пожнешь.
И сердце черствое, и голова пустая —
Так в жизнь вступает молодежь.

О, если чувство в нас еще не вовсе глухо,
Детей и родину спасем, рассеяв сон!
Завет апостола: «не угашайте духа!» —
Напоминаю вам. Как знать? В дали времен,
Быть может, к нравственной воззвать придется силе;
И вот — сердца молчат, заглохший разум — нем...
Ответит тишина могильная — затем,
Что духа нет, дух угасили.

12 октября 1888
Павловка



ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Посвящается памяти
М. Е. Салтыкова

Слова священные, слова времен былых,
Когда они еще знакомо нам звучали...
Увы! Зачем же, полн гражданственной печали,
Пред смертью не успел ты нам напомнить их?
Те лучшие слова, так людям дорогие,
В ком сердце чувствует, чья мыслит голова:
Отчизна, совесть, честь и многие другие
Забытые слова.

Быть может, честное перо твое могло б
Любовь к отечеству напомнить «патриотам»,
Поднять подавленных тяжелым жизни гнетом;
Заставить хоть на миг поникнуть медный лоб;
Спасти обрывки чувств, которые остались;
Уму отвоевать хоть скромные права;
И, может быть, средь нас те вновь бы повторялись
Забытые слова.

Преемника тебе не видим мы пока.
Чей смех так зол? и чья душа так человечна?
О, пусть твоей души нам память будет вечна,
Земля ж могильная костям твоим легка!
Ты, правдой прослужив весь век своей отчизне,
Уж смерти обречен, дыша уже едва,
Нам вспомнить завещал, средь пошлой нашей жизни,
Забытые слова.

13 мая 1889
Рунторт

ПЕСНИ ОБ УЕДИНЕНИИ

1

Уединение в деревне — мне отрада.
Хотел бы, чтоб сюда заглохли все пути.
Свободы, тишины, безмолвия мне надо;
От современности подальше бы уйти.

Сама, в наш грубый век, Европа одичала.
Средь важных мелочей и хитроумных дрязг
Безмолвствуют добра великие начала,
И угрожающий железа слышен лязг.

На родине еще мне ближе и знакомей
Дела и помыслы героев наших дней...
Их торжествующих здесь нет физиономий,
И, слава богу, здесь не слышно их речей.

О, современник наш как жалок зачастую!
Он свежей новизны обид не перенес
И обратился вспять на старину гнилую,
Как на блевотину свою нечистый пес.

Мне опротивели и толки, и сужденья,
И эта суета, и праздный этот дух
Коль не ребяческой потехи истребленья,
То кропотливости помешанных старух.

Переливанье же в пустое из пустого
(Занятье русское) уж мне невмочь: я стар.
Мы без беды могли б лишиться дара слова —
Для высших дум теперь не нужен этот дар.

Мой опыт жизни все надежды уничтожил;
Не верю ничему в отечестве моем...
И вот я до чего, живя на свете, дожил!
Уединение — отрада вся лишь в нем.

2

Обитель мирная, приют благословенный,
Обетованная мне господом земля!
Мне краше и милей, о вы, во всей вселенной —
Мой сельский дом, и сад, и роща, и поля.

Здесь от житейских бурь я в старческие годы
Себе убежище нашел. Так ветхий челн
В затишье пристани, во время непогоды,
Спокойно зыблется в соседстве шумных волн.

За всё, что есть в тебе, за всё, что слышу, вижу,
За тихий твой простор, за красоту твою,
За то, что нет в тебе того, что ненавижу,
Родимый угол мой, тебя я так люблю.

Прими же ты меня под сень свою радушно.
Покой целительный дай сердцу и уму!
На людях, как в тюрьме, становится мне душно;
Мне хочется пожить на воле одному.

Свободы, тишины, безмолвия хочу я.
С природой бы родной прожить остаток дней
В уединении! Потом, конец почуя,
Хотел бы хоть в окно успеть проститься с ней.

А ты, природа-мать, и светлых дней лучами,
И тьмой, и звездами, и красками зари,
И всеми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу, немолчно говори!

Октябрь 1889
Павловка

СЕЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И КАРТИНКИ

(Серия вторая)

Летом

1

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Была пора уборки хлеба,
Пора в полях работы страдной.
Садилось солнце, меркло небо,
И ветерок подул прохладный.

Уж бабы с граблями толпою
Ушли с оконченной работы;

И их напева, под горою,
Чуть слышны тающие ноты.

Ушли крестьяне молчаливо;
А между тем уж солнце село,
Когда покинутая нива
Еще не вовсе опустела.

В телеге кормит мать ребенка;
Отец и мальчик расторопный
Уж запрягли; но лошаденка
Туда всё тянется, где копны.

И вдруг за этой кучкой черни,
Над скудным бытом темных мира —
Зажглись огни зари вечерней
И развернулася порфира...

Я их узрел, с их нищетою,
С их видом кротким и усталым,
Парчой убранных золотою,
Среди лучей, под сводом алым.

И мнилось мне, что с небосклона
В юдоль труда и воздыханья
Сошла явленная икона
В венце небесного сиянья.

1888
Павловка

2

КАК ШУМЯТ МОИ ЛИПЫ

В часы ли отрады иль горя
Люблю навещать я мой сад.
Там старые липы, мне вторя,
Сочувственным звуком шумят.

Сижу ли я утром в аллее,
Погоде сияющей рад, —
И липы мои веселее
Как будто мне сверху шумят.

Духовным ли взором порою,
Грустя, оглянусь я назад, —
Возросшие вместе со мною
И липы так грустно шумят.

Под вечер предамся ли думам, —
Очнувшись, я слышу: мне в лад
Каким-то таинственным шумом
Задумчиво липы шумят.

Спасибо им! Нынешним летом
Мне, целыми днями подряд,
Всё добрым, радушным приветом
Родимые липы шумят.

Когда же на крае равнины
Свершается солнца закат, —
Молитву прошепчут вершины
И в алой заре замолчат.

21 августа 1888
Павловка

Осенью

1

Так полночь темная тепла,
Так в жаркий полдень много света,
Как будто осень не пришла
И длится пламенное лето.

Плывут и тают облака
В просторе ярком и спокойном;
На горизонте, как река,
Струится воздух паром знойным;

Освобожденные поля
Блестят под паутиной тонкой;
Порой на пашне вихрь, пыля,
Бежит крутящейся воронкой;

Плодами сильно пахнет сад;
Гумно — мякиной и соломой;
И дуба веет аромат
Из рощи, с детства мне знакомой.

Опять, как в юные года,
Я здесь живу в тиши привольной..,
Мне было радостно тогда;
Теперь — мне радостно и больно.

21 августа 1889
Павловка

2

Душа то грустию томима,
То тихой радостью полна...
Летели дни неуловимо, —
И пролетело лето мимо,
Как греза прерванного сна.

Всё к неминуемой развязке
В природе вянущей идет.
Нет с неба прежней теплой ласки!
Уж был мороз; другие краски;
Другие звуки; вид не тот.

Аллея лип в саду раскрыта;
И с высоты ветвей нагих,
Где гнезд весною много свито,
Грачи мне вслед кричат сердито
За то, что я встревожил их.

Тогда, как были дни светлее,
Зайду, бывало, в старый сад —
Темна тенистая аллея...
Но я, о лете сожалея,
Признаться, дням осенним рад.

Пока есть слух, пока есть зренье
И впечатление свежо,
Любя в природе все явленья,
Твержу я, полн благоговенья:
«Всё хорошо! Всё хорошо!»

3 октября 1889

3

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА В ОКТЯБРЕ

Ненастные настали вечера,
И сумерки на землю сходят рано.
Я, запоздав, с прогулки шел вчера
Не то сквозь дождь, не то среди тумана.

И с ветром я из всех боролся сил,
Медлительно шагая поневоле;
А мимо он, бушуя, проносил,
Как быстрых птиц, сухие листья в поле.

И всё темней средь поля и темней;
Уж я едва мог различать дорогу...
Но вот сперва — мигание огней,
Затем и дом, всё ближе понемногу.

Он будто звал под мирный кров меня
Оттуда, где так холодно и бурно;
И слышалась, вой ветра заменя,
Мелодия Шопенова ноктурна.

Благая жизнь! Участья к нам полна
И ласками приветствуя нас часто,
Как услаждать умеет нас она
Приемами красивого контраста!

14 октября 1890
Павловка

Зимою

1

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Поверхность всей моей усадьбы
Сегодня к утру снег покрыл...
Подметить всё и записать бы, —
Так первый снег мне этот мил!

Скорей подметить! Он победу
Уступит солнечному дню;
И к деревенскому обеду
Уж я всего не оценю.

Там, в поле, вижу черной пашни
С каймою снежной борозду;
Весь изменился вид вчерашний
Вкруг дома, в роще и в саду.

Кусты в уборе белых шапок,
Узоры стынущей воды,
И в рыхлом снеге птичьих лапок
Звездообразные следы...

15 октября 1888
Павловка

2
КРАСИВАЯ СМЕРТЬ

Ни толкотни людей, ни бега экипажей,
Ни улиц, ни домов не видно из окна.
За днями дни идут, и лишь одна и та же
Снегов глубоких гладь мне белая видна.

То деревенское спокойствие, в котором
Мне жить так пó сердцу, не может быть полней.
Пред слухом — тишина; пустыня — перед взором,
И смерти чуется владычество над ней.

Но, боже, что за смерть! О, как она красива,
Когда, соединясь, и солнце и мороз
В причудах инея, как сказочное диво,
Меня уносят в мир как бы застывших грез!

Гуляя меж снегов, и весело и странно
Мне на пути встречать, в волшебные те дни,
То формы скудные с отделкой филигранной,
То искр бесчисленных холодные огни.

Везде цепочки звезд, подвески и запястья;
Всё радужной игрой лучей озарено...
Зима не ведает отличья и пристрастья
И жертвы смерти все украсила равно.

27 февраля — 5 марта 1889
Рунторт

3
ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Не саван простертый белеет, к обряду готов погребенья;
Не хора хватает за сердце над гробом печальное пенье;
Не гроб уже в яму опущен и прахом могильным покрыт;
Не бледный покойник во гробе под крышкою низкой лежит;

То снега белеет равнина, белеет от края до края;
То мерзлая вьюга гуляет, крутит и метет, завывая!
То в поле возок еле виден, в сугробе себя схоронив;
То путник злосчастный полсуток сидит в нем не мертв и не жив.

1890
Павловка

4
ОДИНОЧЕСТВО

Глубокая в доме царит тишина,
И крáдется время шагами нескорыми.
Пред снежной пустыней стою у окна;
Смотрю через мерзлые стекла с узорами.

Близ дома: сугробы метель намела;
Деревья покрыты пылинками инея;
Вдали — непроглядная белая мгла;
Меж небом и долом стушевана линия.

Безмолвны долины, безмолвны холмы;
Как будто объяла их дума угрюмая...
И я — перед грустной картиной зимы —
Безмолвно стою, вспоминая и думая.

30 ноября 1890
Павловка

Весною

* * *

На той же я сижу скамейке,
Как прошлогоднею весной;
И снова зреет надо мной
Ожившей липы листик клейкий.

Опять запели соловьи;
Опять в саду — пора цветенья;
Опять по воздуху теченье
Ароматической струи.

На всё гляжу, всему внимаю
И, солнцем благостным пригрет,
Опять во всем ловлю привет
К земле вернувшемуся маю.

Вновь из соседнего леску,
Где уже ландыш есть душистый,
Однообразно, голосисто
Ко мне доносится: ку-ку!..

За цвет черемухи и вишни,
За эти песни соловья,
За всё, чем вновь любуюсь я, —
Благодарю тебя, всевышний!

9 мая 1891
Стенькино

---

* * *

Мне за «гражданскую» тоску
Один философ задал гонку
И прочитал мне, старику,
Нравоученье, как ребенку.

«Впадать в унынье — неумно;
Смотреть на жизнь должны мы бодро.

Ведь после дня — всегда темно,
И дождь всегда сменяет вёдро.
В явленьях жизни есть черед,
Но ни добра в них нет, ни худа.
Вчера бежали мы вперед,
Сегодня пятимся покуда.
Пускай свистят бичи сатир,
Пусть ноют жалобные песни, —
Когда в дрему впадает мир,
Не разбудить его — хоть тресни!
Коль мы бесспорно признаем
Законы жизни мировые —
Под неизбежным их ярмом
Покорно склоним наши выи.
Гражданских слез логичней — смех!
Против рожна не прет философ.
Не признаю я ваших всех
Так называемых вопросов.
Плач не спасет от бед и зол.
В стихах же плач не даст и славы.
Прощайте. Dixi [1]».
И ушел.
Что ж! Ведь его сужденья — здравы.
Он сам — и молод, и здоров. . .
Какие ж могут быть причины,
Что от здоровья этих слов
Так веет запах мертвечины?

18 января 1890
Стенькино

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

1

О чести

Он, честь дворянскую ногами попирая,
Сам родом дворянин по прихоти судьбы,
В ворота ломится потерянного рая,
Где грезятся ему и розги, и рабы.

---

[1] Я кончил (лат.). — *Ред.*

2

О правдивости

Все тайны — наголо! Все души — нараспашку!..
Так люди не были правдивы никогда.
Но можно маску снять; зачем снимать рубашку?
Пусть лицемерья нет; зачем же нет стыда?
Что ж! Просто ль их теснят приличные одежды?
Иль представляются им выше наконец:
Гонитель знания — стыдливого невежды,
И робкого льстеца — отъявленный подлец?

3

О правде

Друзьям бесстыдным лжи — свет правды
ненавистен.
И вот они на мысль, искательницу истин,
Хотели б наложить молчания печать —
И с повелением — безропотно молчать!

4

О приличии

Чернить особенно людей он честных хочет.
Блудница трезвая, однако, не порочит
Нахально женщину за то лишь, что она —
И мать хорошая, и честная жена.
Вот только где теперь встречаются примеры,
Как и в бесстыдности блюдется чувство меры.

5

О духовной скудости

Для творческих идей дух времени — препона;
От лучших замыслов получится урод.
Из мрамора резцом ваяют Аполлона,
Но разве вылепишь его из нечистот?

27 февраля — 5 марта 1890
Стенькино

Умные политики

Порой в отчаянье приводит
Меня наш старый шар земной:
Он так давно вкруг солнца ходит
Своей незримою тропой;
В нем всё так сложно, так огромно;
Так он красив и так богат...
Но качеств этих результат
Для жизни — менее чем скромный.
Зачем верти́тся он века,
Как в колесе вертится белка?
Зачем так форма велика,
Коль содержание так мелко?..
Всему политики виной,
С душой ко злу лишь только чуткой.
Без них такой нелепой шуткой
Мне не казался б шар земной.
Ну не обидно ль, в самом деле?
Они пришли, как ночью тать,
Судьбой вселенной завладели
И род людской вернули вспять.
Хоть грезят миром филантропы,
Но их задача нелегка;
В цивилизацию Европы
Вновь лезет право кулака.
Опять — стремленье всех ослабить,
И к старой цели — старый путь:
Нахально друга обмануть,
Нещадно недруга ограбить.
Народы все возбуждены
И ждут лишь рокового часа,
Потехам бешеной войны
Готовя пушечное мясо.
Какой тут нравственный успех?
Мы только грубой силе верим,
Когда, в чаду таких потех,
От человека пахнет зверем...

Мне и досадно и смешно,
Когда я слышу хор хвалебный
Творцам политики враждебной:

«Как дальновидно! Как умно!»
Ума тут нет. Я протестую.
И, кстати, истину простую
Пусть подтвердит мое перо:
«Умно то только, что добро».

5 ноября 1891
Стенькино

ПРЕЛЮДИЯ К ПРОЩАЛЬНЫМ ПЕСНЯМ

Дни жизни моей пронеслись быстролетной чредою.
И утро, и полдень, и вечер мои — позади.
Всё ближе ночной надвигается мрак надо мною;
Напрасно просить: подожди!

Так пусть же пылает светильник души среди ночи;
Пусть в песнях прощальных я выскажу душу мою,
Пока еще сном непробудным смежающий очи
Конец не пришел бытию.

Пусть выскажу то, о чем прежде молчал я лениво,
И то, что позднее мне опытом жизни дано.
Моя не заглохла средь терний духовная нива;
В ней новое зреет зерно.

Добром помяну всё, что было хорошего в жизни;
Что ум мой будило, что сердце пленяло мое;
В последнем признании выскажу бедной отчизне,
Как больно люблю я ее.

Напутствовать юное хочется мне поколенье,
От мрака и грязи умы и сердца уберечь;
Быть может, средь нравственной скверны, иных от паденья
Спасет задушевная речь.

А если бы песни мои прозвучали в пустыне,
Я всё же сказал бы, им честность в заслугу вменя:
«Что сделать я мог, то я сделал, и с миром ты ныне,
О жизнь, отпускаешь меня».

7 августа 1891
Стенькино

* * *

Не спеша меняйтеся, картины,
Шествуй, время, медленной стопою,
Чтобы день не минул ни единый
Пережит, но не замечен мною.

Тишина покоя и все шумы,
Жизнью наполняющие землю,
Злоба дня и вековые думы,
Смех и плач людские, — вам я внемлю.

В чутком сердце впечатленья живы;
Дверь ума открыта свету настежь...
Ты лишь, смерти призрак молчаливый,
Отойди немного, — ты мне застишь!

23 октября 1891
Стенькино

ВСЕМ ХЛЕБА!

Рабочий люд едва не весь
На нашей родине — без хлеба.
«Хлеб наш насущный даждь нам днесь!» —
Так он, голодный, молит небо.

О, братья! Хлеба — беднякам
В лихие дни нужды народной;
И хлеба умственного — нам,
Стоящим вне толпы голодной!

Утробной пищей сыты мы;
Но без духовного питанья
Ослабли тощие умы,
Бесплодны скудные познанья.

Хоть удается нам порой,
Пускаясь в хитрость и в обманы,
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъяны;

Хоть, искусившись в похвальбе,
Среди народов даже ныне
Мы поклоняемся себе,
Как между нечистью святыне, —

Но жизнь осветит темный путь
И правду горькую откроет,
Разоблачив когда-нибудь,
Чего гордыня наша стоит.

О, никогда и никому,
Кто льстит вам, братья, вы не верьте!
Без пищи умственной — уму
Грозит беда голодной смерти.

Всем хлеба! Хлеба — беднякам
В лихие дни нужды народной;
И хлеба умственного — нам,
Стоящим вне толпы голодной!

17 октября 1891
Стенькино

НОВАЯ ВАРИАЦИЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ

Послание к публицисту ретроградной печати

1

Положим — ты умен; допустим даже — гений;
Коль мало этого, решим,
Что ты в суждениях своих — непогрешим;
Но мы-то, прочие, — ведь также не без мнений;
И худо ль мыслим, хорошо ль —
Ты наши мнения нам высказать дозволь.
Друг друга выслушав, поспорим и посудим,
Как образованным приличествует людям.
Одерживать, меж тем, победы любишь ты,
Нам просто зажимая рты.
Так спорить, может быть, легко, но неучтиво,
Да и к тому ж едва ль умно.
Я знаю: приобресть у нас немудрено
Привычки дерзости кичливой.

Твоя наставница — московская печать,
Себя провозгласив главой газетной знати,
Учила от нее брезгливо отличать
«Разбойников пера, мошенников печати».
Я знаю: ты пленен тем в жизни наших дней,
Что ни одной черты в ней резкой не откроешь...
Я вспомнил скромную природу нашу: в ней
Бывает вечером спокойствие такое ж.
Недвижный пруд заснул под отблеском зари;
Порой лишь зарябит поверхность круг случайный,
Да изредка со дна всплывают пузыри —
Немые вестники какой-то жизни тайной,
Всплывут и лопнут, и опять —
Как мертвая, тиха темнеющая гладь.
Тебя смиренностью такой же привлекают
Скрижали бледные доверчивой души:
На них что хочешь, то пиши, —
Всё с благодарностью покорной принимают...
Не верь, не верь себе, мечтатель зрелых лет [1]
И бойся с жизнию расплаты!
В послании к тебе благой подам совет
Я — старец, опытом богатый.

2

Нередко слыхивал я в детские лета
Рассказы о творце военных поселений.
Вот он действительно казарменный был гений,
Не вам, теперешним, чета.
Казался б между вас колоссом средь пигмеев
Казенный нигилист, свирепый Аракчеев.
Он рассуждал: «Хоть будь семи пядей во лбу,
Не потерплю противоречья!»
Ему — то зверю, то рабу —
Была неведома природа человечья.
Ни жалоб, ни борьбы он не встречал ни в ком;
И на судьбу людей не мог взирать иначе,
Как на судьбу почтовой клячи,
Всегда безмолвной под кнутом.

---

[1] Не верь, не верь себе, мечтатель молодой... *(Лермонтов).*

Жестокость в нем росла, как в час прилива море,
И воля вьюгою гуляла на просторе...
Желанье выразил раз деспот в старину,
Чтоб голову имел народ его одну;
Желанье странное пришло к нему недаром:
Он обезглавил бы его одним ударом.
Но не был фантазер российский наш герой
И не давал притом потачки;
Охотно весь народ прогнал бы он сквозь строй,
Не торопясь, поодиначке.
Должно быть, часто он вздыхал: «Кабы мне власть,
Уж я потешился бы всласть!».
Вошла нам в плоть и в кровь им созданная школа.
Дух аракчеевский, дух дикий произвола,
Средь детских игр моих пугал меня не раз;
Вот почему о нем продлил я мой рассказ.
И юности во мне так живы впечатленья!..
Какой-то серый тон... немая тишь да гладь...
Лишь громко заповедь звучит: «Не рассуждать!» —
Основа главная отечеству служенья.
Та жизнь мне чудится как плесень и застой,
Как пруд, о коем здесь сейчас упоминалось,
Но только с разницею той,
Что даже пузырям всплывать не разрешалось.

3

Вот с временем каким знакомы были мы.
Уж, кажется, чего решительней и строже!
Все знали, что запрет наложен на умы;
И что же!
Не обходилося, однако, без беды, —
Порядка и тогда случались нарушенья.
Всё гладко, чисто... Вдруг, то здесь, то там следы
Проявятся мышленья —
И засоряется метёная стезя.
Запретов много есть, их всех не перечислить;
Всё можно выполнить, лишь одного нельзя:
Коль мысли есть, — нельзя не мыслить.
Ты возразишь мне: «Да, но можно онеметь.
Нам думать про себя никто не воспрещает.

Не мысль, а просто речь свободная прельщает,
Пред суетной толпой звенящая, как медь».
Нет! Недействительна людская мысль без слова,
И только смерть кладет безмолвия печать;
Сегодня мысль нема, а завтра будет снова
Во всеуслышанье вещать.
Бывает, что врагу сдается ум без бою,
Не ведая стыда, не мучимый тоской,
Без вынужденья, сам собою
Он удаляется от жизни на покой.
Идут события — в порядке ли согласном,
В судьбу ли родины неся переполох —
Ум, обессиленный покоем безучастным,
Не видит — он ослеп; не слышит — он оглох.
Сменяется гоньбой за выгодою личной
Великодушие, так дружное с умом;
И слово глупое бесчинствует публично;
Ему и лесть, и ложь, и подлость нипочем.
Бывало так не раз; теперь, пожалуй, будет...
Но аракчеевым причины всё же нет
Венчаться лаврами побед.
Что, если совесть ум разбудит?
Ведь он тогда, наперекор
Их ожиданьям и надежде,
С себя стряхнув наносный сор,
Воспрянет смел и чист, как прежде.
Так снова на стене являются порой,
В былой красе и в прежнем блеске,
Когда-то грубою рукой
Заштукатуренные фрески...

4

Но я в высокий слог пустился. Извини.
Потребны для тебя лишь доводы одни.
Чтоб дани не платить невольной увлеченью,
Я прямо приступлю теперь к нравоученью...
А впрочем, ежели ты логики не враг,
Обоим без него нам обойтись возможно;
Придешь ты к истине простой и непреложной
Без помощи чужой, сам рассуждая так:

«Походит наш народ на прочие народы;
Подумать, посудить не прочь подчас и он.
Хоть это в нем порок, но вместе и закон
Людской его природы.
Уму для жительства пределов не дано;
Ему лишь был бы мозг, а чей он — всё равно.
Хоть в этом-то и вред, хоть я вполне уверен,
Что миновала бы нас всякая беда
При разделении труда:
Я буду умница, ты будь благонамерен...
Тогда бы все дела пошли не на авось,
А к благу общему бесспорно;
Хоть нам без критики задорной
Едва ли хуже бы жилось;
И образ мыслей быть превратен
Без мыслей мог ли быть едва, —
Но ведь как солнце не без пятен,
Так не без мыслей голова».

10 января 1892
Стенькино

* * *

Погода сделала затворником меня.
Морозы лютые, дыханье леденя,
Сменили буйное неистовство метелей, —
И так упорно шла неделя за неделей.
Сегодня — оттепель на солнце; ветер стих,
И на окне уж нет узоров ледяных.
Смотрю: живущая в саду соседка дома,
Которая была мне с осени знакома, —
Явилася опять синица у окна.
Головку приподняв и прыгая, она
Мне прямо в комнату, как прежде, заглянула:
«А я, мол, всё еще жива!» — и упорхнула.

22 января 1892
Стенькино

ИЗ «ПЕСЕН СТАРОСТИ»

ВЕСНА

Приветствую тебя, веселая весна!
Блестя, звуча, благоухая,
И силы жизненной, и радости полна, —
Как ты красива, молодая!

Лицом к лицу с тобой один бродя в лесу
И весь твоим подвластен чарам,
Советы я себе разумные несу,
Как подобает людям старым.

Я говорю себе: «Смотри почаще вниз;
Везде цветок увидишь нежный;
Душистых ландышей здесь массы; берегись,
Чтоб их не смять ногой небрежной.

Старайся уловить и света, и теней
Игру в причудливых узорах,
И кашель сдерживай, чтоб слышались ясней
Напевы птиц и листьев шорох».

1892
Стенькино

КОНЬ КАЛИГУЛЫ

Калигула, твой конь в сенате
Не мог сиять, сияя в злате;
Сияют добрые дела.

Так поиграл в слова Державин,
Негодованием объят.
А мне сдается (виноват!),

Что тем Калигула и славен,
Что вздумал лошадь, говорят,
Послать присутствовать в сенат.
Я помню: в юности пленяла
Его ирония меня;
И мысль моя живописала
В стенах священных трибунала,
Среди сановников, коня.
Что ж, разве там он был некстати?
По мне — в парадном чепраке
Зачем не быть коню в сенате,
Когда сидеть бы людям знати
Уместней в конном деннике?
Что ж, разве звук веселый ржанья
Был для империи вредней
И раболепного молчанья,
И лестью дышащих речей?
Что ж, разве конь красивой мордой
Не затмевал ничтожных лиц
И не срамил осанкой гордой
Людей, привыкших падать ниц?..
Я и теперь того же мненья,
Что вряд ли где встречалось нам
Такое к трусам и к рабам
Великолепное презренье.

1892
Стенькино

ОТГОЛОСОК ДЕВЯТОЙ СИМФОНИИ БЕТХОВЕНА

В ней гений выразил мятежность дум печальных,
Борьбу, мечтательность, святых восторгов клик, —
И памятник себе из мыслей музыкальных
Громадой звучною воздвиг.

1892
Стенькино

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА

Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.

Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.

1892
Стенькино

СЕБЕ

В родной семье певцов почтен не будешь ты
Ни шумной славою, ни славой долговечной;
Но ты оставишь след возвышенной мечты,
И скорби искренней, и думы человечной.

5 февраля 1893

ГОЛОСА

1

Один голос

Часы бегут... И тот, быть может, близок час,
Который принесет предсмертную истому...
Покуда дух твой бодр и разум не погас,
Не трать последних чувств и мыслей по-пустому.

Твоей мятущейся и ропщущей души
Смири бесплодный гнев и тщетные волненья;
И злобных песен ряд спокойно заверши
Во область мирных дум полетом вдохновенья.

Когда идешь в толпу, смеясь или казня, —
Не гордостью ль тебе внушается сатира?
Не задувает ли священного огня
Тот вихрь, что носится средь низменного мира?

Меж тем, ты веруешь в высокий идеал;
Ты исповедуешь завет добра и света;
И в высь небесную ты думой возлетал,
Мечтая иль молясь, еще в младые лета.

Зову тебя туда, к пределам тех вершин,
Откуда человек житейских дрязг не видит;
Где разум — всех страстей и гнева властелин, —
Поняв, прощает то, что сердце ненавидит.

Там дух поэзии предстанет пред тобой,
Парящий в высотах как некий горный гений,
И сменит жесткий стих, навеянный враждой,
Строфами звучными духовных песнопений.

Так эхо на горах, в соседстве облаков,
Меняет на аккорд молитвенный хорала
Суровый звук трубы альпийских пастухов,
Которая стада на дне долин сзывала.

2

Другой голос

Часы бегут... Уже, быть может, близок час,
Несущий приговор бездушного покоя...
Покуда дух твой бодр и разум не погас,
Храни ко злобам дня сочувствие живое.

Не гордостью твои направлены стопы
Уж с юных лет большой и людною дорогой;
Не гордость привела тебя в среду толпы
С ее пороками и мыслию убогой.

Иль речи глупые лелеяли твой слух
И сердце тешили исчадья лжи и мрака?
Иль всякой мерзостью питаться мог бы дух,
Как смрадной падалью питается собака?..

Призванью следуя, ты пой, а не учи;
Пусть в старческих руках гремит иль плачет лира;
Пусть небу молится, да ниспошлет лучи
Животворящие в пустынный сумрак мира.

И если бы тебя на крыльях вознесли
Молитвы и мечты в далекий свод небесный, —
Пока еще живешь, не забывай земли
В бесстрастной чистоте той сферы бестелесной.

Услыша зов, покинь заоблачную даль;
То — голос совести! Она на землю кличет,
Где рядом с радостью терзается печаль,
Где озлобление с любовию граничит.

Так, теням верен будь наставников своих,
Друзей-мыслителей, почиющих в могилах;
И, верен до конца, слагай свой ветхий стих,
Пока еще теперь слагать его ты в силах.

23 января — 3 февраля 1893
Стенькино

* * *

Habent sua fata libelli.[1]

Неизбалованный поэт,
Я в добрый час, сверх ожиданья,
Успел привлечь к себе вниманье
Уже на позднем склоне лет.
Благодаря стихотвореньям
Мне посвящается хвала
За неподатливость внушеньям
Нас усыпляющего зла.
«Словам забытым» зная цену,
Да, ничего я не забыл,
И суд сограждан не клеймил
Меня ни разу за измену.
И вот, сочувствие мне есть,

[1] Книги имеют свою судьбу (лат.). — *Ред.*

Есть отклик песням запоздалым. . .
Недостает лишь только честь
Уколов мне сердитым жалом
За верность вечным идеалам. . .

Апрель 1893

РАДОСТНЫЕ КУПЛЕТЫ

Ура! Открытье! Я — Ньютон!
Открыл, что каждый — хоть и связан
Узлами пут со всех сторон —
Не быть собою не обязан.

Так например: коль скоро есть
Черта особенная в мозге,
Блюсти дворянства можно честь,
Но сомневаться в пользе розги.

И можно — если личный нрав
Даст направление иное —
Не соглашаться, что из прав
Всех выше — право крепостное.

Здесь будет кстати не забыть:
Тем иль другим служа началам,
Возможно публицистом быть,
Не быв безграмотным нахалом.

Затем открытье передам,
Что вообще быть можно русским
Без принадлежности к умам
Необразованным и узким.

1893
Стенькино

ПАУЗА

Морозный, тусклый день рисует предо мной
Картину зимнюю красы необычайной;
Покрытый инеем, недвижен сад немой.
Он замер, весь объят какой-то белой тайной.

Движенья ищет взор, переходя вокруг
С предмета на предмет; но тщетно: сад не дышит;
И, силясь уловить хоть мимолетный звук,
Слух напрягается, но ничего не слышит...

1893
Стенькино

С ГОР ПОТОКИ

Весна, весна — по всем приметам,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна с улыбкой и приветом...
Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

Повсюду жизни дар небесный
Нисходит радостно к полям, —
И в то же время повсеместно
Всё о страданьях смерти крестной
Великий пост вещает нам.

То в мир земной, то в идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, под благовест печальный,
В лучах весны первоначальной
Журчат веселые ручьи.

1893
Стенькино

* * *

Уж замолкают соловьи;
Уж в рощах ландыши завяли.
Во всей красе они цвели
Недели две, и то едва ли;
Хоть любовался я весной,
Но как-то вскользь и беззаботно...

Она мелькнула предо мной,
Подобна грезе мимолетной.

Пора мне, старцу, наконец,
Так наслаждаться всем под солнцем,
Как наслаждается скупец,
Когда любуется червонцем.
Меж тем как с милою землей
Разлука будет длиться вечно, —
Летят мгновенья чередой...
Что хорошо, то скоротечно.

14 июня 1893
Стенькино

ПИСЬМО К ЮНОШЕ О НИЧТОЖНОСТИ

Пустопорожний мой предмет
Трактата веского достоин;
Но у меня желанья нет
Трактатом мучить; будь спокоен.
Полней бы в нем был мыслей ряд;
Они яснее были там бы;
Зато тебя не утомят
Здесь предлагаемые ямбы.

Ошибка в том и в том беда,
Что в нас к ничтожности всегда
Одно презрение лишь было.
Ничтожность есть большая сила.
Считаться с нею мы должны,
Не проходя беспечно мимо.
Ничтожность тем неуязвима,
Что нет в ней слабой стороны.
Несет потери лишь богатый;
Ее же верно торжество:
Когда нет ровно ничего,
Бояться нечего утраты.
Нет ничего! Всё, значит, есть!
Противоречье — только в слове.
Всегда ничтожность наготове,

И ей побед своих не счесть.
Ее природа плодовита;
К тому ж бывают времена,
Когда повсюду прозелита
Вербует с легкостью она.
И если б — так скажу примерно —
У нас задумали нули,
Сплотясь ватагою безмерной,
Покрыть простор родной земли, —
Ведь не нулям пришлось бы скверно.

Когда б ничтожность в полусне,
В ответ на думы, скорби, нужды,
Лишь свой девиз твердила: «Мне
Всё человеческое чуждо»;
Когда б свой век она могла
Влачить лениво год за годом,
Не причиняя много зла
Ни единицам, ни народам, —
Тогда б: ну что ж! Бог с нею! .. Но
Ей не в пустом пространстве тесно.
Она воюет с тем, что честно;
Она то́ гонит, что́ умно.
И у нее в военном деле,
Чтоб сеять смерть иль хоть недуг,
Точь-в-точь микробы в нашем теле,
Готова тьма зловредных слуг.
Узрели б мы под микроскопом —
Когда б он был изобретен, —
Как эти карлы лезут скопом
В духовный мир со всех сторон.
И каждый порознь, и все вместе
Они — враги духовных благ.
Кто — враг ума; кто — сердца враг;
Кто — враг достоинства и чести.
Кишат несметною толпой
Микробы лжи, подвоха, злобы,
Холопства, лености тупой
И всякой мерзости микробы. . .
Итак, мой друг, вся в том беда,
Что в нас к дрянным микробам было
Пренебрежение всегда.

Ничтожность есть большая сила
И в сфере духа. Так и в ней:
Чем тварь ничтожней, тем вредней.

1893
Стенькино

ДРУГУ

Памяти Виктора Антоновича Арцимовича

Пусть время скорбь мою смягчить уже успело, —
Всё по тебе, мой друг, тоскою я томим;
И часто, загрустив душой осиротелой,
Зову тебя: где ты? Приди, поговорим.
Над современностью в беседе дух возвысим;
Побудем в области добра и красоты...
Но ты безмолвствуешь. Нет ни бесед, ни писем.
Где ты?

О старый друг! Еще когда мы были юны,
Уж наши сблизились и думы, и сердца;
У нас сочувственно души звучали струны,
И длился дружный лад меж нами до конца.
Ужель конец пришел? Не верится в разлуку;
Вглядеться хочется еще в твои черты;
Обнять бы мне тебя; твою пожать бы руку.
Где ты?

Смутится ли моя в добро и в правду вера, —
Кто от уныния тогда спасет меня?
Не будет предо мной высокого примера;
Ты мне не уделишь духовного огня.
Недобрые ко мне порой приходят вести:
На правосудие сплетают клеветы
И безнаказанно позорят знамя чести...
Где ты?

Сижу ль один в саду, брожу ль в открытом поле,
С природой в ясный день беседовать любя, —
Я мирный строй души меняю поневоле,
Чтоб думать о былом и вспоминать тебя.

И ты, среди трудов, любил природу страстно;
Но тщетно ждут тебя в твоем саду цветы;
Зеленый лес, шумя, тебя зовет напрасно, —
Где ты?

Мне пусто без тебя; но жизненные силы
Меня еще теперь покинуть не хотят.
Живу, меж тем как ты уж спишь во тьме могилы,
И всё растет, растет могил священных ряд.
Что ж! Надо бодро несть ниспосланное горе...
Ведь мне недолго жить средь этой пустоты;
Ровесник твой, уйду и я туда же вскоре,
Где ты.

23 июля 1893
Стенькино

ПЯТНО

Я понимаю гнев и страстность укоризны,
Когда, ленива и тупа,
Заснувшей совестью на скорбный зов отчизны
Не отзывается толпа.

Я понимаю смех, тот горький смех сквозь слезы,
Тот иногда нещадный смех,
Что в юморе стиха иль в желчной шутке прозы
Клеймит порок, смущает грех.

Я понимаю вопль отчаянья и страха,
Когда, под долгой властью тьмы,
Черствеют все сердца и, словно гады праха,
Все пресмыкаются умы.

Но есть душевный строй, который непонятен...
Возник он в наши времена,
И я не нахожу, меж современных пятен,
Позорней этого пятна.

Чем объясняются восторги публициста,
Лишь только весть услышит он,
Что вновь на родине нечестно и нечисто,
Что попирается закон?

Меж тем как наша мысль всё никнет понемногу
И погружается во тьму, —
Он в умилении твердит: «И слава богу!
Ум русским людям ни к чему.

На воле собственной мы немощны и жалки;
Нам сил почина не дано;
А станем нехотя работать из-под палки —
И дело ладится умно».

Встречал я нищего на людном перекрестке.
Чтоб убедить, что он не лжив,
И зная, что сердца людей счастливых жестки,
Он плакал, язвы обнажив.

Но русский публицист ликует, выставляя
Болезни родины своей. . .
Что ж это? Тупость ли? Политика ли злая,
Плод крепостнических затей?

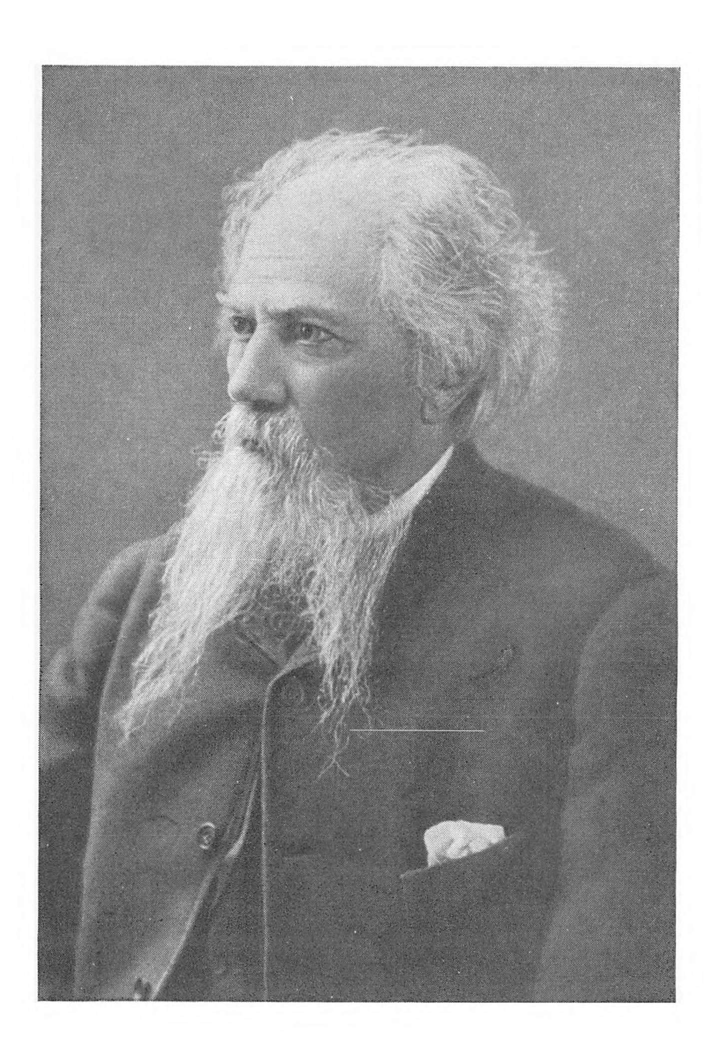
Недаром, доблестью хвалясь пред нами всуе,
Властям он лестию кадит
И лжет, в пленительных чертах живописуя
Былых времен порочный быт.

1893
Стенькино

ГЛУХАЯ НОЧЬ

Темная, долгая зимняя ночь. . .
Я пробуждаюсь среди этой ночи;
Рой сновидений уносится прочь;
Зрячие в мрак упираются очи.

Сумрачных дум прибывающий ряд
Быстро сменяет мои сновиденья. . .
Ночью, когда все замолкнут и спят,
Грустны часы одинокого бденья.



Чувствую будто бы в гробе себя.
Мрак и безмолвье. Не вижу, не слышу. . .
Хочется жить, и, смертельно скорбя,
Сбросить я силюсь гнетущую крышу.

Гроба подобие — сердцу невмочь;
Духа слабеет бывалая сила. . .
Темная, долгая зимняя ночь
Тишью зловещей меня истомила.

Вдруг, между тем как мой разум больной
Грезил, что час наступает последний, —
Гулко раздался за рамой двойной
Благовест в колокол церкви соседней.

Слава тебе, возвеститель утра́!
Сонный покой мне уж больше не жуток.
Света и жизни настанет пора!
Темный подходит к концу промежуток!

Январь 1894
Москва

КОМЕДИЯ РЕТРОГРАДНЫХ ПУБЛИЦИСТОВ И ТОЛПА

На сцене — бред и чепуха;
Но пусть комедия плоха
И пусть все эти скоморохи,
Ее ломающие, плохи:
Не в пьесе и не в них беда.
Я глупых пьес видал немало,
Но «публика» не раздражала
Меня так больно никогда.
Какой безвкусия избыток!
Какой в смышлености изъян!
Она не видит белых ниток
И грубый чествует обман. . .
Но в чем же суть? Дела какие
Внушить нам авторы хотят?
Предмет комедии: Россия.
Ее заглавие: «Назад!»

И вот — дитя их измышлений,
Какой-то злобствующий бес,
А по афише добрый гений —
Нас вводит в область превращений
И фантастических чудес.
На безобразной пьяной тризне,
При реве диких голосов,
Там погребают полных жизни
И воскрешают мертвецов.
Герой из времени былого,
Теперь одетый в куцый фрак,
Пришел грозить народу снова
Опричник, земства лютый враг.
И что ни речь, что ни картина —
Жизнь опрокинута вверх дном;
Шут носит званье гражданина,
А гражданин слывет шутом.
Нелепость творческой задачи
Доходит в пьесе до того,
Что люди в ней затылком зрячи,
Вперед не видя ничего.
Таких чудес на сцене много;
И тайну авторских затей
В нравоученьях монолога
Разоблачает лицедей:
«Назад! Долой с пути успеха,
С пути гражданственных начал!
В них — благоденствию помеха,
В них гибнет русский идеал».
За край родной стоит он грудью;
Он — патриот, и потому
Враждой пылает к правосудью,
К свободе, к слову и к уму. . .
«И смерть судам! И гибель школам!» —
Кричит он, злобою дыша;
И, словно неким ореолом,
Нахальным светит произволом
Невежды рабская душа.
Всем проявленьям высшим духа,
Всему, чем жизнь для нас свята,
Со сцены шлется оплеуха
Иль комом грязным клевета.

А между тем толпа немая
За речью тщательно следит,
Удары дерзкие обид
Беспрекословно принимая.
Он ей внушил холопский страх;
Вели ей верить он, что прочно
Земля стоит на трех китах, —
И, в вольнодумстве безупрёчна,
Она ответила б: «Так точно!»

Вот держит речь другой актер.
Другие формы и приемы.
Ему салонный разговор
И нравы светские знакомы.
«Несправедливо за корысть
Нас подвергают укоризне, —
Мы просто из любви к отчизне
Рекли: «Да будет мрак!» И бысть!
О, воскресим то время о́но,
Блаженной памяти тот век,
Когда ни права, ни закона
Не ведал русский человек!
И будет Русь нам благодарна
За свой покой внутри и вне.
Позвольте несколько вульгарно,
Но ясно выразиться мне:
У нас народ своеобычен;
Сам зная чем себе помочь,
Он не бежит от зуботычин,
Да и от порки он не прочь. . .»
Тут раздались рукоплесканья.
Толпе внушила эта речь
Неодолимое желанье
Или побить, или посечь. . .

Толпа, толпа! . . С негодованьем
Я говорю: как ты тупа!
Не нищей черни, чуждой знаньям,
О нет! людей с образованьем
Пустая, темная толпа!
За козни злобные обмана,
За убыль смелой правоты,

За мрак ума в ответе — ты,
А не фигляры балагана.
Не будь тебя, для мест пустых,
Поверь, что даже лбы из меди
Не создавали бы таких
Непозволительных комедий.

1894
Москва

ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

Блестящ и жарок полдень ясный,
Сижу на пне в лесной тени...
Как млеют листья в неге страстной!
Как томно шепчутся они!

О прошлом вспомнил я далеком,
Когда меня июльский зной,
Струясь живительным потоком,
Своей разнеживал волной.

Я с каждой мошкой, с травкой каждой,
В те годы юные мои,
Томился общею нам жаждой
И наслажденья, и любви.

Сегодня те же мне мгновенья
Дарует неба благодать,
И возбужденного томленья
Я приступ чувствую опять.

Пою привет хвалебный лету
И солнца знойному лучу...
Но что рождает песню эту,
Восторг иль грусть, — не различу.

6 июля 1894
Ильиновка

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

1

Он, с политической и с нравственной сторон
Вникая в нашу жизнь, легко с задачей сладил.
То сердцем, то умом в своей газете он,
Всего касаясь, всё загадил.

2

Увы! Праматерь наша Ева
Грех даром нá душу взяла,
Дав и ему в наследство древо
Познания добра и зла.
Порукой в том — его газета
И в ней плоды его пера:
Он распознать ни тьмы от света,
Ни зла не может от добра.

3

Служитель слова, я невольный чую страх
При мысли о иных в печати властных барах;
Всё грезится, что червь господствует в садах,
Что крыса властвует в амбарах.

4

Порой мягчит он голос свой,
Тупою злобой не пугая...
Напрасно! зверя дикий вой
Эффектней речи попугая.

1894
Петербург

«СКЕРЦО» НА ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ

Всё в бедной отчизне
Преступно иль глупо!
Все веянья жизни —
Как запахи трупа!

Считают потребным
Сдавать — не впервые —
Машинам служебным
Вопросы живые!

Те — рады не рады —
С улыбкой безверья,
Но, чая награды,
Берутся за перья,

Не видят, не слышат,
Но, полны отваги,
Всё пишут, всё пишут
Бумаги, бумаги.

И в пыльной их груде
Сгнивают вопросы,
Как в грязной посуде
Гнилые отбросы...

Хоть мы — патриоты,
Но факт не случаен,
Что наши заботы
Все — ради окраин.

Мы там как бы вроде
Собаки на сене:
Чуть речь о свободе —
Кричим об измене.

Ни духа не надо,
Ни внешнего глянца!
Отсюда досада
У нас на финляндца.

Коль вправду не манит
К измене Европа,
Пусть честно, мол, станет
В условья холопа!

Ход вольного роста
Собрания сейма —
Для нас это просто
Позорные клейма!

Хоть приняты меры —
Всё было б исправно,
Однако же веры
Не все православной.

Поляков и полек
Нас бесит привычка:
Он вечно католик,
Она — католичка.

От Крыма до Колы,
Сославшись на бога,
Мы наши расколы
Преследуем строго.

Средь нравственной суши —
Ни чувства, ни мысли;
А честные души
Разрыхли, раскисли.

Я знаю — есть лица,
Душа в них живая;
Но что единицы
Для целого края!

Мне скажут: «Что ж лиру
Ты держишь под мышкой?
Ну, гаркни сатиру
С гражданственной вспышкой!»

Сатира, сатира —
Великое дело!
Но сильных бы мира
Моя не задела.

Такая уж доля
Указана русским!
Велит мне неволя
Быть мелким и узким,

С убогим бага́жем,
С притупленным жалом,
Хоть был бы я, скажем,
Самим Ювеналом.

В пылу вдохновенья
Попробуй-ка, ухни —
Сейчас на съеденье
В цензурные кухни!

Иль труд наш (быть может,
Одобрив учтиво)
Бартенев положит
В портфели «Архива».

Там, сысков цензурных
Отравы кто не пил,
Хранится, как в урнах
Покойников пепел.

Вот будущность в муках
Рождаемым песням!
А впрочем, при внуках,
Быть может, воскреснем.

Притом же, признаться,
Сатирики жалки
В странах, где боятся
Не слова, а палки.

При всей бы охоте,
Не вызвать стихами
Ни дум в идиоте,
Ни доблести в хаме!

Быть может, понятье
У вас не такое;
Но всё ж меня, братья,
Оставьте в покое.

На рабские нравы,
На срам публициста,
На тех, кто неправы,
На то, что нечисто, —

В летах уже хилых,
С душою усталой,
Я гаркнуть не в силах;
А плюнуть — пожалуй!

Вот вместо сатиры
Дарю вам от сердца
В созвучиях лиры
Шумливое скерцо.

1895
Петербург

* * *

Когда душа, расправив крылья,
Дерзает выспренний полет,
И я взнесусь не без усилья
Во область чистую высот, —
Как мяч, взлетевший ввысь невольно,
К земле я падаю, спеша;
И снова в узах жизни дольной
Задремлет грешная душа.

1895
Петербург

ПРИДОРОЖНАЯ БЕРЕЗА

В поле пустынном, у самой дороги, береза,
Длинные ветви раскинув широко и низко,
Молча дремала, и тихая снилась ей греза;
Но встрепенулась, лишь только подъехал я близко.

Быстро я ехал; она свое доброе дело
Всё же свершила: меня осенила любовно;
И надо мной, шелестя и дрожа, прошумела,
Наскоро что-то поведать желая мне словно —

Словно со мной поделилась тоской безутешной,
Вместе с печальным промолвя и нежное что-то...
Я, с ней прощаясь, назад оглянулся поспешно, —
Но уже снова ее одолела дремота.

1895
Петербург

ДУМА

По времени — день, а дня нет из окна!
Один, в полутьме, я сижу у камина,
И грезится всё мне картина одна,
Просторна, привольна и света полна, —
То сельская прошлого лета картина.

И вот отчего она памятна мне:
Был праздник природы — пора сенокоса;
Сидел я на свежей, душистой копне;
В лугу — никого; только копны одне,
В окраске лучей, уже падавших косо.

И я любовался на вид мне родной —
Красивый, но скромный; простой, но могучий.
И так был безмолвен природы покой,
Что не было слышно в соседстве со мной
Шуршание листьев березы плакучей.

И вскоре возникла из глуби души
И вдаль унесла меня тихая дума...

Так птица большая, средь полной тиши,
Вспорхнет из лесной, сокровенной глуши
И реет под небом без крика и шума.

Мне вспомнился ряд дорогих мне могил.
Друзей и родных мной утрачено много,
И думалось мне: я их всех схоронил,
А всё еще жизненных полон я сил. . .
За что же мне милость такая от бога?

Оплот непреклонный высоких начал,
Меня исповедаться вызвала совесть.
Мой словно двойник предо мною стоял;
Он ставил вопросы, а я отвечал;
И жизни слагалась правдивая повесть.

И он, о моей размышляя судьбе,
Роптал и скорбел, что могучего слова
Зиждительный дар зарывал я в себе,
И притчи Христа о лукавом рабе
И зернах погибших напомнил сурово.

На речь же мою, что готовлюсь к труду,
Что сердцем я чуток, что ум еще светел,
Что праздности прежней исправить беду
Я силы живые ищу и найду, —
«Уж поздно!» — двойник мне печально ответил.

Я исповедь кончил. Итак, искупать
Не время мои прегрешенья. . . Уж поздно!
Отжитая жизнь не направится вспять;
Не время сбираться, нельзя начинать,
Когда уж конец приближается грозно.

Меж тем всю окрестность задернула мгла;
Ни дали не вижу, ни близкой березы. . .
Не тьма наступила, не ночь уж пришла,
Но камнем на сердце тоска налегла
И зренье затмили нежданные слезы.

1895
Петербург

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ

1

Два «древних» перио́да;
Один уж мной воспет;
Тот — семьдесят два года;
Вот — семьдесят пять лет.

2

Три года пережиты;
И всё пока — поэт,
Хоть с прозвищем «маститый»
Я в семьдесят пять лет.

3

Под тяжестью их груза
Один-другой куплет
Сложи, старушка муза,
Про семьдесят пять лет.

4

Устал я жить в надежде
На умственный рассвет;
Хоть меньше тьмы, чем прежде —
За семьдесят пять лет.

5

Всё ждал; то опасался,
То верой был согрет...
Чего ж, гляжу, дождался
Я в семьдесят пять лет?

6

В пародиях Пруткова
Весь смысл иных газет;
Но в этом мне смешного
Нет в семьдесят пять лет.

7

«Законность — враг порядка. . .»
Я старый правовед,[1]
И это — только гадко
Мне в семьдесят пять лет.

8

Для разной светской встречи
Мой заперт кабинет,
Скупиться я на речи
Стал в семьдесят пять лет.

9

А пышные чертоги,
Где соль земли и цвет, —
От них давай бог ноги
Мне в семьдесят пять лет.

10

Вдруг спросят там наивно:
За розгу ль я иль нет. . .
Мне с новыми противно;
Мне — семьдесят пять лет.

[1] Я кончил курс в Училище правоведения в 1841 г.

11

Иль скажут: «Ты — отсталый;
Лелея старый бред,
Всё носишь идеалы
Ты в семьдесят пять лет».

12

Прибавят бюрократы:
«Готов давать совет,
Сам годен же куда ты —
И в семьдесят пять лет?!

13

К тому ж тебе, по справке,
Судить совсем не след:
Чуть не был ты в отставке
Все семьдесят пять лет».

14

Вам был бы враг я кровный,
Хотя б в мундир одет;
Имел я чин сановный —
И семьдесят пять лет.

15

Таков я спозаранку;
И мне охоты нет
Явиться наизнанку
Вдруг в семьдесят пять лет.

16

Я так бы им ответил;
Но крепок мой ответ,
Покуда разум светел...
Ох, семьдесят пять лет!

17

Ведь этот срок — не шутка!
Хоть мил еще мне свет,
Шагнуть мне как-то жутко
За семьдесят пять лет.

18

Лишусь, пожалуй, мозгу:
Узрю в ученье вред
И стану славить розгу
Сам в семьдесят пять лет.

19

Мольбу сложить бы в гимне:
— Господь! Храни от бед
И честным помоги мне
Быть в семьдесят пять лет!

20

Я силы в распре с веком
Прошу не для побед:
Остаться б человеком
Мне в семьдесят пять лет!..

10 февраля 1896
Петербург

* * *

Странные порой
Смены впечатлений!..
Грез игривый рой
Шлет мне добрый гений.

Вновь я — сын земли;
А меня давно ли
Думы ввысь несли
От земной юдоли?

И давно ль печаль
Сердце мне сжимала?!
То мне жизни жаль,
То не жаль нимало.

Радость жизни пусть
Будет с грустью в споре!
Старческая грусть
Одолеет вскоре.

Лишь на миг из туч,
Осенью дождливой,
Поиграет луч
Над печальной нивой.

1896
Петербург

О ЖИЗНИ

1

Меж тем как жить теперь так любопытно,
К последнему я близок рубежу;
И потому я думой ненасытной
За жизнию без устали слежу.
Наш мир — театр, где со времен Адама
Безостановочно идет людская драма.

2

Ее теперь в Европе эпизод
Хоть искажен наличной слабой труппой
И строгих дум нередко прерван ход
Шумихою воинственности глупой, —
Но чуется, что ветхий человек
Желал бы, обновясь, вступить в двадцатый век.

3

Измученный запросами сомненья,
Утративший надежды и мечты,
Тоскует он пред зрелищем крушенья;
Его страшит зиянье пустоты,
И хочет он, чтоб дружбой сочетались
Враги — душевный мир и умственный анализ.

4

Загадочна, глубоких тайн полна
Идущая на сцене мира пьеса.
Чрез цепь веков идет вперед она...
Когда-нибудь опустится завеса,
Не будет ждать, чтобы докончить мог
Последний человек последний монолог.

5

Я не хочу, чтоб жизнь мне стала бремя,
Каким она для Вечного жида.
Хотелось бы пожить мне в наше время;
Мне умирать не хочется, когда
Еще я бодр и не лишили годы
Меня ни пыла чувств, ни умственной свободы.

6

Следить и наш я скромный быт хочу.
Порою луч нас озаряет светом,
И этому я радуюсь лучу.

Уж есть отпор гасящим свет газетам,
И уж они не каждый день пестрят
Убогие столбцы командою: «назад!»

7

Нам говорят, что шли мы слишком шибко.
Едва ли! Но положим, что и так.
А вспять идти — не также ли ошибка?
И на Руси ведь человек — не рак.
Так пусть же он медлительным хоть шагом,
Но движется вперед к законным жизни благам.

8

Мы стариной охвачены совсем,
В старинную невольно впавши спячку.
Так сонный вол бывает занят тем,
Что вновь жует отрыгнутую жвачку...
Вот почему мне так отраден луч,
Приветливо на нас взглянувший из-за туч.

9

Не из одной любви к моей отчизне,
Не лишь для дум пред сценой мировой, —
Мне просто жить хотелось бы для жизни,
Для благ земных, для радости земной.
Как не хотеть! А дочери? А внуки?
Подольше б с ними быть пред вечностью разлуки!

10

И, наконец, мне жизнь еще нужна
Для мелочей моей повадки старой:
Для праздного сиденья у окна,

Для кофея с газетой и сигарой,
И прочее... Не перечислить всех
Мне щедрой жизнию даруемых утех.

11

А час придет... Под гробовую крышу,
Заснув навек, я лягу в темноту.
Ни глупости уж больше не услышу,
Ни подлости в газете не прочту, —
Меж тем как я всю жизнь имел наклонность
Входить участливо в родную обыденность.

1896
Ильиновка

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Одни — двуногое, пасущееся стадо,
Без дум, надежд и грез, которых людям надо.
Не зная ни тоски, ни порываний ввысь,
Они как бы в грязи для грязи родились.
Так есть животные, которым воспретила
Природа подымать к небесным высям рыла.
Другие — до того чуждаются земли,
Что в мир неведомый из нашего ушли.
Когда их над землей, как духов, носят крылья,
Они, с своих высот, из рога изобилья
Нам сыплют песенок летучие листки.
И ропщем мы: «Зачем, рассудку вопреки,
Нам эти пряности и эти карамели,
Меж тем как досыта и хлеба мы не ели?»
Итак — две крайности. Когда одна из двух
Иль обе вместе наш пленять желают слух —
Та хрюканьем свиным, а эта птичьей песней, —
Решить я не берусь, из них что́ интересней —
Лишь люд бы людом был! Вот отповедь моя!
А птицей и свиньей... уж птица и свинья.

1896
Ильиновка

ЛЕСОК ПРИ УСАДЬБЕ

1

Встреча

Я в праздник, меж дубов, один бродя тоскливо,
С крестьянкой встретился. Румяна, молода,
Лицом приветлива, нарядна и красива,
Она, по ягоду зашедшая сюда,
Мне ягод поднесла. Я был ей благодарен.
Смеясь и бусами играя на груди,
Она мне молвила: «Один, скучаешь, барин?»
А я ответил ей печально: «Проходи».

2

Грачи

Лесок дремал. Приход ничей
Его покуда не тревожил.
Но я пришел, и сонм грачей
Взлетел, крича, и весь он ожил.

Они, к полудню прилетев
С прогулок утренних по нивам,
Качались на верхах дерев
В расположении сонливом.

Я помешал; я их спугнул.
Над рощей долго в шумной свалке
Стоял грачей басистый гул,
И звонко вторили им галки.

Иным грачей несносен крик;
А я его люблю, напротив.
Я с детских лет к грачам привык,
Себя их слушать приохотив.

Друзья родной земли моей,
Они, как я, здесь летом — дома.
Непостижима без грачей
Страна дубов и чернозема.

3

Конец лета

Еще не время непогод,
Про дни такие, как сегодня,
Сказал бы набожный народ,
Что это — милость к нам господня.
Лесок усадебный — красив.
Береза, клен уж пожелтели;
Но дуб могуч еще доселе,
Убор зеленый сохранив.
Лучи, сквозя в ветвистой сени,
На дол отбрасывают тени;
И на траве следит мой взор
Их неустойчивый узор.
Меж тем тропинкой к краю леса
Я подошел, и предо мной
Как бы раздвинулась завеса
И вид раскинулся степной.
Открытый вид долины ровной
До небосклона, лишь вдали
Как будто вышел из земли,
Благословляя, крест церковный;
Да там межою на гумно
С полей телеги едут с хлебом;
Да видно в воздухе пятно —
То ястреб носится под небом.
И смотрят очи; и душа
Приветы шлет родному краю...
Когда так осень хороша,
Где лучше: там иль здесь? — не знаю.
Лишь только, милостью небес,
Чреда подобных дней настанет,
Меня из леса поле манит,
А с поля снова манит лес.

4

Осеннее ненастье

Небо холодное — в тучах;
Хмуры лужайки и чащи;
Слышен в березах плакучих

Ветер, уныло гудящий...
Словно томимы тоскою —
Близко ко мне, но незримо, —
Тени одна за другою,
Плача, проносятся мимо.

10 ноября 1896
Ильиновка

* * *

Сидючи дома, я в окна взгляну ли,
Вижу: декабрь перемену принес;
С дня Спиридона уже повернули
Солнце на лето, зима на мороз.

Долго ждать солнцу намеченной встречи;
Времени много пройдет до тех пор...
Пышут теплом изразцовые печи,
С окон не сходит морозный узор.

Солнце меж тем повернуло на лето,
К дням пробужденья лесов и полей.
Чижик наш, в клетке почуявши это,
Пробует петь и глядит веселей.

Пусть свирепеют морозы, метели,
Солнцу — причине благой бытия —
Мы уже с радости песни запели,
Оба затворники, чижик и я.

5 января 1897
Тамбов

ЗАВЕЩАНИЕ

Меж тем как мы вразброд стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобрал его, лежавшее в пыли,
И с той поры несу, возвысив над толпою.
Девиз на знамени: «Дух доблести храни».

Так, воин рядовой за честь на бранном поле
Я, счастлив и смущен, явился в наши дни
Знаменоносцем поневоле.

Но подвиг не свершен, мне выпавший в удел, —
Разбредшуюся рать сплотить бы воедино...
Названье мне дано поэта-гражданина
За то, что я один про доблесть песни пел;
Что был глашатаем забытых, старых истин
И силен был лишь тем, хотя и стар и слаб,
Что в людях рабский дух мне сильно ненавистен
И сам я с юности не раб.

Последние мои уже уходят силы,
Я делал то, что мог; я больше не могу.
Я остаюсь еще пред родиной в долгу,
Но да простит она мне на краю могилы.
Я жду, чтобы теперь меня сменил поэт,
В котором доблести горело б ярче пламя,
И принял от меня не знавшее побед,
Но незапятнанное знамя.

О, как живуча в нас и как сильна та ложь,
Что дух достоинства есть будто дух крамольный!
Она — наш древний грех и вольный и невольный;
Она — народный грех от черни до вельмож.
Там правды нет, где есть привычка рабской лести;
Там искалечен ум, душа развращена...
Приди; я жду тебя, певец гражданской чести!
Ты нужен в наши времена.

1897
Тамбов

ПОМИНКИ

Как будто дверь в сарай хозяйственный открыли,
Где рухлядь ветхая хранилась про запас;
И затхлым запахом и плесени, и пыли,
И едкой ржавчины повеяло на нас.

Не мертвецу я шлю укор, а вожделеньям
Его усопшее ученье воскресить,
Чтоб мертвые уста могильным дуновеньем
Пытались жизненный светильник загасить.

Хоть я — не следуя покойника примеру —
Готов признать, что он любил страну свою,
Но к родине любовь в его лишь только меру
И на его шаблон — о нет! — не признаю.

Жестокий патриот, не верил он народу;
Покорность лишь одну отдав ему в удел,
За ним ни силу чувств, ни совести свободу,
Ни право умствовать признать он не хотел.

Не грезился ль ему с сложением железным
Безвольный богатырь, наш предок из былин,
Когда он требовал, чтоб членом бесполезным,
Чтоб силой праздною был русский гражданин;

Чтоб он не принимал участия живого
Самостоятельно на родине ни в чем,
И даже иногда лишался дара слова,
Патриотическим разбит параличом?..

1897
Ильиновка

УЧЕНИКИ

(По поводу стихотворения «Поминки»)

Мне говорят: «Ученики
Открыто метят много дальше,
Чем, не без хитрости и фальши,
Времен былых крепостники.
У них куда смелее перья!
Теперь, строча «передовик»,
В нем заявляет ученик
Такие pia desideria, [1]

[1] Обетованная земля (лат.). — *Ред.*

Каких, без маски лицемерья,
Не заявлялось напрямик.
Как полемист он прост и ясен;
Его расправа недолга:
Назвал по имени врага
И доложил, что он опасен».
А я, в беспечности к живым,
Страшусь сошедшего в могилу!
«Зачем?» Затем, что лишь за ним
Признать ума возможно силу.

1897
Ильиновка

СТАРАЯ РАКИТА

Часто грезится мне, что стоит средь полей,
Долгий век доживая, ракита.
Ей живется еще, но чувствительно ей,
Что могучею жизнью забыта.

Не нужна никому; далеко от жилья;
На просторе родном одинока, —
Она, ветви свои к долу низко склоня,
Ожидает последнего срока.

Но чутка и теперь, она в ясные дни
И в грозу, среди бурной тревоги,
Для себя лишь самой вдохновенно свои
Шелестит иль шумит монологи.

А порой из нее крик идет по земле,
Всю окрестность от сна пробуждая;
Словно сердце в груди, в ее старом дупле
Громко бодрствует птица седая.

Может быть, этот крик, в тишине, по ночам
Поздних путников за душу тронет:
Средь покоя и сна отчего кто-то там
То смеется, то плачет и стонет?

1898
Тамбов

* * *

Былые радости! Как ныне
Я вас, далеких, назову?
Напев родимый на чужбине;
В лесу чуть слышное: ау!
Приток в окно струи воздушной;
Веселый возглас в тишине;
Во тьме и грустно и радушно
Огни мигающие мне...

Март 1898
Тамбов

* * *

Так прочен в сердце и в мозгу
Высокий строй эпохи прошлой,
Что с современностию пошлой
Я примириться не могу.

Но я, бессильный, уж не спорю,
И, вспоминая старину,
Не столь волнуюсь и кляну,
Как предаюсь тоске и горю...

Что я?.. Певец былых кручин;
Скрижалей брошенных обломок;
В пустынном доме, в час потемок,
Я — потухающий камин.

То треск огня совсем затихнет,
Как будто смерть его пришла;
То дрогнет теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнет.

Тогда тревожно по стенам
Толпой задвигаются тени
И лица прежних поколений
Начнут выглядывать из рам.

1898
Тамбов

* * *

О, когда б мне было можно
Упредить мой день последний!
Чтоб, еще владея духом
Не больным, не помраченным,
Я успел пойти проститься
С милой матерью землею.
В благодатную погоду
Выйду я на воздух сельский;
И, укрытый темным лесом,
Иль среди полей пустынных,
Так я с ней прощаться стану:
С непокрытой головою
На восток, на юг, на запад
И на север поклонюся,
И скажу: прости, мир божий!
Преклоню потом колени
И земли коснусь поклоном;
И задумаюсь над нею;
И, быть может, затоскуя,
Орошу ее слезами;
И скажу: прими от сына
Благодарность зá хлеб, зá соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить он долее не в силах;
Он теперь покоя просит;
Упокой его навеки.

1898
Ильиновка

ЗА ШЛАГБАУМОМ

Одна статья теперь поэтов сосчитала
Живых известных — пять. Меня в числе их нет.
Не потому ль, что счет ошибочен? Пять — мало.
Зачем я не шестой, седьмой, восьмой поэт?
На это звание прошу мне выдать нумер.
Меня молчанием нельзя же обойти.

Мне место надо дать среди живых пяти, —
Ведь я еще пока не умер.
«Тот за шлагбаумом, — цитирую статью, —
Кого именовать не вспомнили с пятью».
Но я «известным» быть себя считаю вправе,
Доверчиво пойду к опущенной заставе;
И при писательской почетной братье всей,
Пред теми, от кого действительно зависит,
Впустить иль нет, скажу: «Подвысь; я — Алексей
Жемчужников». И страж подвысит.

18 ноября 1898

ИЗ «ПРОЩАЛЬНЫХ ПЕСЕН»

ПОГИБШАЯ НИВА

Пред нами красовалась нива...
Какая странная краса!
Колосья, стоя горделиво,
Тянулись кверху, в небеса.
Влеченья их к надменным позам
Причину я разведал ту,
Что рожь, уж бывшая в цвету,
Побита утренним морозом.
Вот и разгадка — почему
Кичливый колос так упорен
В стремленьи ввысь. Увы! Ему
Поникнуть нечем. Он — без зерен.
И мне представилась тогда
Умов и душ людская нива,
Когда над ней стряслась беда.
Она, как эта, — молчалива...
Ей громко воля не дана
Свои оплакивать утраты...
Высоко в эти времена
Пустые головы подъяты.

1900
Ильиновка

ЕЩЕ О СТАРОСТИ

Как часто жизнь любовью манит
И шепчет мне: ты мой пока;
И юной ласкою туманит
Пытливый разум старика!

О, как я суетно и праздно
Влачу сочтенные мне дни
Среди манящего соблазна
И стерегущей западни!

А между тем едва ль не чудо, —
Когда вся жизнь уж позади, —
Что сердце ветхое покуда
Еще работает в груди.

Приди же, время покаянья;
Приди, досуг для долгих дум;
И не мешай, житейский шум,
Мне погружаться в созерцанья!

10 февраля 1901
Петербург

ПРИ СВЕТЕ ВЕЧЕРНЕМ

Как на землю вестник ночи
Сходит тихий свет вечерний,
И потом, с прощальной лаской,
Он ее на сон грядущий,
Уходя, благословляет, —
Так желал бы я пред смертью,
Мирной думой успокоен,
Оглянуть духовным взором
Долгой жизни путь пройденный
И проститься с ним любовно.

Помню детство, помню юность
И все жизни переходы
Через мужественный возраст
Вплоть до старости глубокой.

Впечатлительной душою
Как любил я жизнь земную!
Как пред ней бывал я весел
И порой как плакал горько!
Если б жизнь уму и сердцу
Ничего не даровала,
Кроме слез и кроме смеха, —
И тогда б воскликнуть можно:
Стóит жить на этом свете!
А меня она, благая,
Награждала свыше меры...
Не богатством, не почетом
И не тем покáзным блеском,
Что веков седая мудрость
Называет суетою;
Нет, она мне указала
В сферах духа непрерывный
Наслаждения источник;
И я радости земные
Из него обильно черпал...

1901
Петербург

РОДНАЯ ПРИРОДА

Посвящается
Ольге Алексеевне Баратынской

О, город лжи; о, город сплётен,
Где разум, совесть заглушив,
Ко благам нашим беззаботен
И нам во вред трудолюбив;
Где для утробы вдоволь пищи,
Но не довольно для ума;
О ты, веселое кладбище!
О ты, красивая тюрьма!
Давно мне воли было надо;
Просторный нужен был мне вид —
И вот уж стен твоих громада
Ни дум, ни взора не теснит.
О, леса шум; о, шорох нивы;

О, жизнью веющий покой!
С меня мгновенно, как рукой,
Сняла деревня гнет тоскливый.
Как лет уж несколько назад,
Опять, среди родной природы,
В глубоко старческие годы
Я жизнь люблю, я жизни рад.
Опять ищу уединенья
В глубоком, милом мне лесу,
Куда обдумывать несу
Дней пережитых впечатленья.
Сперва заросшую межу
Пройду всю вдоль между овсами,
И в лес усталыми шагами,
Но с духом бодрым я вхожу.
Здесь, в тишине его глубокой,
Людских помех я не боюсь;
Теперь свободный, одинокий,
Я созерцаю и молюсь.
Как счастлив я моей свободой
На этом пне, в лесной тени,
Когда бесед моих с природой
Дубы — свидетели одни!
Мне стих становится потребен,
Чтоб ей воздать хвалу мою,
И я слагаю и пою
Ей благодарственный молебен.

Июль 1901
Ильиновка

* * *

Уж было так давно начало,
Что для конца пришла пора...
Мгновений больше миновало,
Чем листьев осень бы умчала,
Бушуя дó ночи с утра.

И вот в игре лучей и тени
Теперь мелькает пред умом

Черёд отрад и огорчений —
Вся эта цепь живых мгновений
Между началом и концом.

Сентябрь 1901
Ильиновка

ПОСЛАНИЕ К СТАРИКАМ О ПРИРОДЕ

Пишу для тех поэму эту,
Кто до преклонных дожил лет
И, верен юности обету,
Свободных дум хранил завет.
Из строя выбыло уж много
Борцов гражданственной борьбы,
И одного они лишь бога
Теперь усопшие рабы.
А из живых, готовый скоро
В могилу лечь, иной старик
Изменой памятник позора
Себе сознательно воздвиг.
Пускай, мол, ведают потомки,
Что могут быть и старики,
Ходячим мненьям вопреки,
То гибки нравственно, то ломки.
Ах, не один из нас погиб!
И долго мы еще могли б
Вести беседу в этом роде, —
Но мне пора уж о природе.

Всегда природу я любил;
Да и она меня любила.
Наглядна мне, средь прочих сил,
В ней притягательная сила.
И мнится: в душу я проник
Ее явлений, их язык
Своеобразный понимая.
Метелей буйный бред и вой,
И грохот гроз, и тишь немая,
И слезы осени больной,
И молодые ласки мая —
Всё перечувствовано мной.

С возникновения вселенной
Наш дух меняли времена;
Но красотою совершенной
Была земля одарена
И пребывает неизменной.
Всё на земле и всё над ней,
Чем семьянин пленялся древний,
Не устарев до наших дней,
Пленяет жителя деревни.
Узор древесного листа,
Пахучесть розы и сирени,
Воздушной радуги цвета,
Полудня блеск, ночные тени
Живут в веках без изменений.
Леса, и нивы, и луга
Являют нам картину ту же,
Не лучше древней и не хуже,
И звуки те же. Берега
Волна ласкает с тем же плеском;
Не изменяет соловей
Живой мелодии своей.
И меж собой беседу треском
Ведут и в наши дни таким,
Как в дни Гомеровы, цикады,
Упоминаемые им
В одной из песен Илиады...
Природа родины моей,
Издавна бывшая мне другом,
Теперь, когда на склоне дней
Томлюсь я старости недугом,
Еще мне ближе и милей.
Ведь я не буду в тягость ей,
Хотя бы я, больной и хилый,
Шаги замедлил пред могилой.
Живые тени старины
Лишь людям в тягость поневоле,
Но, не играющему роли,
И мне уж люди не нужны,
А люди новые — тем боле!

Да! Под конец минувший век
Суть жизни всю переиначил,

И современный человек,
Как чудо, старцев озадачил;
Он прежде мерою ума
Явленья жизни строго мерил;
Но шутникам теперь поверил,
Что хочет родина сама,
Чтобы в умах царила тьма.
И вот, уж нет подъема духа
И нет гражданственных начал...
Как скуден ум! Как сердце сухо!
Как современник измельчал!
Меж тем в нем гордости не меньше,
Чем в ницшеанском Übermensch'e,[1]
И я предпочитаю дуб
Времен теперешних герою.
Он — дерево, но он не глуп;
В нем сердцевина под корою.
Прожить бы мне остаток дней
Подальше от таких людей!
Они в родимом пеизаже
Как будто близки чересчур.
О, если б он был вовсе даже
Без человеческих фигур!
Без них приятнее в отчизне,
К тому ж, толпясь пред сценой жизни,
Всё тот же видим мы сумбур.
Ведь мы скучали бы, не так ли,
Когда бы в оперном спектакле
Нам распевали каждый день
Средь живописных декораций,
Но монотонно, без варьяций
Одну и ту же дребедень?

О, никогда еще, как ныне,
Мирской мне не был труден гнет!
И зов таинственный влечет
Меня, усталого, к пустыне.
Как хорошо, как тихо там!
Теперь бы время, старцы-братья,

[1] Сверхчеловеке (нем.). — *Ред.*

Уйти от уз, несносных нам,
В ее широкие объятья.
Друзей отечественной тьмы
Не слышно будет и не видно.
А пред уходом нашим мы
Им на прощанье скажем: «Стыдно!»
О старцы! Смерть уже близка.
Уйдем, уйдем, еще пока
Нам не поются панихиды
В затишьи новой Фиваиды.

Сентябрь 1901
Ильиновка — Тамбов

ЗВУКИ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ

Зимой мне были молчаливы
Явленья жизни; я ведь глух;
Но музыкальные мотивы
Ласкали мой духовный слух.

Сижу, бывало, одинокий,
В невозмутимой тишине,
А звуки старины далекой
Былое воскрешают мне.

Всё боле отрочества годы
Мне шлют радушный свой привет.
Я уж тогда был друг природы,
Уже тогда я был поэт...

В аллее лип, в аллее вишен
Весенним днем гуляю я;
Мне птичий гам отвсюду слышен;
Я светел, добр; мой дух возвышен;
Я полон счастьем бытия.

Я убежден, что мошки, пчелы
Таким же счастием полны,
И все слагают гимн веселый
Во славу жизни и весны.

Я увлечен петушьим криком;
И объяснил мне чуткий слух,
Что́, в удовольствии великом,
Поведать силится петух:

«Как хорошо!» — кричит он, славя
Природу щедрую за всё;
И юный сын его, картавя,
Кричит за ним: «Как халясё!»

Сижу я в классной. Не пускают
Меня гулять в ненастный день;
Но звуки скоро развлекают
Мою задумчивую лень.

То чтенье слышится: красиво
Звучит «Онегина» строфа;
То мать поет иль «Casta diva» [1]
Иль «Una voce poco fa...» [2]

В столовой — всенощной служенье,
Открыты окна настежь в сад;
И дым кадильного куренья
Цветам струит свой аромат.

Стал уставать я понемногу
И стал рассеян, но потом,
При пеньи: «Слава в вышних богу!»
Души я чувствую подъем.

И в то же время из-за сада
Я слышу топот, ржанье, рев
Домой вернувшегося стада
Овец, коней, телят, коров.

Сперва все взрослые смутились;
Но дал пример священник сам,
Чтобы погромче возносились
Молитвы клира к небесам.

---

[1] Непорочная богиня (итал.). — *Ред.*
[2] Согласными голосами недавно... (итал.). — *Ред.*

Весь труд, однако, был напрасен;
И стадо заглушить не мог
Ни дьякон басом громогласным,
Ни звонким тенором дьячок.

А мне приятен выси с долом
Такой нечаянный союз;
И я, в волнении веселом,
Еще усерднее молюсь...

Так звуки старины далекой
Былое воскрешали мне,
Когда мечтал я, одинокий,
В невозмутимой тишине.

Март 1903
Тамбов

НАЦИОНАЛИСТУ

1

Народность гражданам мила не без причин;
Тебе же, собственно, в ней то милей, что старей;
Ты как же старину взлюбил: как гражданин
Иль антикварий?

Ты ищешь лучшего. Нетрудно также мне
Признать, что времена теперешние — плохи;
Но надобно мне знать: ты манишь к старине
Какой эпохи?

У нас запас грехов немалый позади.
Что, если в час лихой мы вновь сдружимся мигом
Иль с правом крепостным, или — того гляди —
С татарским игом!

Ты, говорят, признал, что стало тяжело
Цивилизации нам западное бремя,
И в просвещенности излишней видишь зло...
Нашел же время!

Невежеством толпы мы хлещем через край;
Да и повыше-то чуть брезжит свет науки;
А в сферах нравственных хоть снова начинай
С азá и с буки.

Мы рядим пустоту в объемистую ложь,
Чтоб охранить застой от натиска прогресса.
Так хлебный торговéц кладет в дрянную рожь
Песок для веса.

Не дашь ты радостей в воскресшей старине!
А радость ведь и нам нужна, я полагаю;
Несем бесплодные мы жертвы лишь одне
Родному краю.

В отечестве тоской случалось изнывать,
Прося разлуки с ним, как с затхлою темницей:
«Здоровым воздухом дозвольте подышать
Нам за границей!»

По мнению других, ты мыслью задался
Патриархальные усилить в нас начала,
Затем что будто бы беда в России вся
От либералов.

Ах, либералы! Вы теперь обречены
Судьбой суровой быть козлами отпущенья.
Я — также либерал; но в чем мои вины?
В чем прегрешенья?

Ужели ж мне нельзя, на самом склоне дней,
Пред нашей стариной и прихвастнуть немножко,
Что я уж не холоп, зовусь, мол, Алексей,
А не Алешка?

Ужель врагом властей могу считаться я
И скромное мое писательство — опасно,
Лишь только потому, что к ним любовь моя
Не сладострастна?

Ужель погоревать не смеем о судьбе,
Обрекшей нас на то, чтоб вечным быть ребенком,
Которому принять заботу о себе
Не по силенкам.

Зачем вотще искать таинственную нить
Влеченья к новизнам и к западным затеям?
По части прав — хоть то нам как бы сохранить,
Что уж имеем.

Мне страшен смысл твоих мечтаний. Нам опять
Зажить по-старому окажется нетрудно,
Простимся с мыслями, заснем и будем спать,
Спать непробудно.

И, средь безмолвия, мы будем видеть сны...
Не только мудрый строй мы водворим в отчизне,
Но будут нами все в бреду разрешены
Проблемы жизни...

2

Свободомыслие — почет моих седин;
Мой опыт юные усторонил химеры,
И явно я блюду, России гражданин,
Мой символ веры.

Есть свойства русские — краса для всех времен.
Я их ценю умом, душою, зреньем, слухом.
При них и стариной я русскою пленен,
И русским духом.

Но дух достоинства средь нас и ныне слаб.
Издáвна вскормленный успехом лжи и лести,
Нередко и в других не ценит старый раб
Гражданской чести.

Нам прочный нужен мир; и в наши времена
Залог спокойствия — законная свобода;
И в грозовые дни разумность ей дана
Громоотвода.

По поводу твоих стремлений к старине
Вот грустных и смешных деяний наших повесть.
В ней выразился я, как подсказали мне
И честь, и совесть.

Май 1903
Тамбов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОЛОДОВ

Опять погода стужей дышит;
Зато на окнах, сквозь лучи,
Мороз опять узоры пишет
Своей серебряной парчи.

Хотя природою отсрочен,
Казалось, близкий ледоход —
Но нет причин пенять мне очень
На мерзлый снег, на прочный лед.

Меня приятно греют печи;
И хоть старик, но не больной,
Без нетерпенья жду я встречи
С еще далекою весной.

На солнце в комнатах не чахнут
Азалий нежные цветы,
И гиацинты сильно пахнут,
Как словно кудри завиты.

Когда бы сердце не щемило
От этих ужасов войны,
Как бытие мне было б мило
Без всяких прелестей весны.

О, бытие! .. Мне в нем отрада.
И сознаю я, и дивлюсь,
Как человеку мало надо,
Покуда чуток жизни вкус.

Февраль 1904
Тамбов

В НАШИ ДНИ

Опять известий ниоткуда;
Просвета нет средь нашей тьмы...
И сердце чует близость худа,
Какого не знавали мы.

Не видя смысла смуты дольной,
Мы взор возводим к небесам —
И вспоминается невольно:
«Мне отомщенье; аз воздам».

21 ноября 1905
Тамбов

ИЗ-ЗА ЧЕГО?

Не верится, чтобы из чести лишь одной
На рабство обрекли вы снова край родной
(Иного смысла нет к прошедшему возврата!);
А коль из выгоды — ума какая трата,
Чтоб с возгласом «вперед!» путь обернуть назад!
Вот черносотенцы, те просто говорят:
«Мы русское «ура» во всю орали глотку,
Молились, пели гимн... Пожалуйте на водку».

1906
Тамбов

ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

Твой разум — зеркало. Безмерное оно,
Склоненное к земле, природу отражает:
И ширь, и глубь, и высь, и травку, и зерно...
Весь быт земной оно в себе переживает.

Работа зеркала без устали идет.
Оно глядит в миры — духовный и телесный;
И повествует нам всей жизни пестрый ход
То с мудрой строгостью, то с нежностью прелестной.

В нем отразился мир с подробностями весь;
Ему препоны нет ни сумрака, ни дали;
И видны *там* черты, которых люди *здесь,*
В духовной слепоте, пока не замечали.

Но люди есть еще (и между ними — я),
Чьи убеждения сложилися иначе;
Иные чтут красы земного бытия;
Насущны для других политики задачи...

Но всё же ты для нас — светильник на горе.
О, продолжай учить, на старости прекрасной,
О царстве божием, о мире, о добре!
Тебе всё ведомо, осмысленно и ясно.

Туманно лишь одно прозренью твоему:
Всё сущее твой ум и познает, и судит;
Но грань воздвигнута и гению!.. Ему
Всё ведомо, что есть; но тёмно то, что будет.

5 марта 1908

ИТОГИ

Гость
(входя)

Вы заняты?

Я

Слегка — работой кой-какою.
Присядьте.

Гость

Посижу, когда не беспокою.

Я

Теперь, к какому б я ни приступал труду,
Боюсь, что до конца его не доведу.
Жду смерти каждый день сознательно и просто:
С прибавкой лишь трех лет — мне было б
девяносто!

Людской живучести я редкий образец,
Но мне попреков нет: «Пора бы наконец!»
Напротив: снисходя к моим преклонным летам,
Маститым чествуют меня давно поэтом.
А между тем ведь я, почти Мафусаил,
Того, что сделать мог, живя, не совершил...

Март 1908

КОНДУКТОР И ТАРАНТУЛ

Басня

В горах Гишпании тяжелый экипаж,
С кондуктором, отправился в вояж.
Гишпанка, севши в нем, немедленно заснула.
А муж ее меж тем, увидя тарантýла,
Вскричал: «Кондуктор, стой!
Приди скорей! Ах, боже мой!»
На крик кондуктор поспешает
И тут же веником скотину выгоняет,
Примолвив: «Денег ты за место не платил!»
И тотчас же его пятою раздавил.

Читатель! разочти вперед свои депансы,
Чтоб даром не дерзать садиться в дилижансы,
И норови, чтобы отнюдь
Без денег не пускаться в путь;
Не то случится и с тобой, что с насекомым,
Тебе знакомым.

1851

ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

Басня

На беговых помещик ехал дрожках.
Летела цапля; он глядел:
«Ах! почему такие ножки
И мне Зевес не дал в удел?»

А цапля тихо отвечает:
«Не знаешь ты, Зевес то знает!»

Пусть баснь сию прочтет всяк строгий семьянин:
Коль ты татарином рожден, так будь татарин;
Коль мещанином — мещанин;
А дворянином — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что наконец
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки.

1851

СТАН И ГОЛОС

Басня

Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я басней рад.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку
И молча начал гладить кошку.
Вдруг голос горлицы внезапно услыхал...
«Ах, если б голосом твоим я обладал, —
Так молвил пристав, — я б у тещи
Приятно пел в тенистой роще
И сродников своих пленял и услаждал!»
А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе».

1852

В АЛЬБОМ NN

Желанья вашего всегда покорный раб,
Из книги дней моих я вырву полстраницы
И в ваш альбом вклею... Вы знаете, я слаб

Пред волей женщины, тем более девицы.
Вклею!.. Но вижу я, уж вас объемлет страх!
Змеей тоски моей пришлось мне поделиться;
Не целая змея теперь во мне, но — ах! —
Зато по ползмеи в обоих шевелится.

23 ноября 1853

ЧЕРВЯК И ПОПАДЬЯ

Басня [1]

Однажды к попадье заполз червяк за шею;
И вот его достать велит она лакею.
Слуга стал шарить попадью...
«Но что ты делаешь?!» — «Я червяка давлю».

Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави и не давай лакею!

1853

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Дайте силу мне Самсона;
Дайте мне Сократов ум;
Дайте легкие Клеона,
Оглашавшие фору́м;
Цицерона красноречье,
Ювеналовскую злость,
И Эзопово увечье,
И магическую трость!

Дайте бочку Диогена,
Ганнибалов острый меч,
Что, за славу Карфагена,
Столько вый отсек от плеч!
Дайте мне ступню Психеи,

[1] Эта басня, как и всё, впервые печатаемое в «Полн. собр. сочинений К. Пруткова», найдена в оставшихся после его смерти сафьянных портфелях, за нумерами и с печатною золоченою надписью: *«Сборник неоконченного (d'inachevé)* №».

Сапфы женственной стишок,
И Аспазьины затеи,
И Венерин поясок!

Дайте череп мне Сенеки;
Дайте мне Виргильев стих, —
Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих!

Я бы, с мужеством Ликурга,
Озираяся кругом,
Стогны все Санкт-Петербурга
Потрясал своим стихом!

Для значения иного
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное *Пруткова,*
Имя громкое *Козьмы!*

<1854>

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура.

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколату.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна!

За двумя решетками
Пусть меня клянет;
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья, — чу! —
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!..

О синьора милая,
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

Но в такой позиции
Я боюся, страх,
Чтобы инквизиции
Не донес монах!

Уж недаром мерзостный,
Старый альгвазил
Мне рукою дерзостной
Давеча грозил.

Но его, для сраму, я
Маврою [1] одену;

---

[1] Здесь, очевидно, разумеется племенное имя: *Мавр, мавританин,* а не женщина *Мавра.* Впрочем, это объяснение даже лишнее, потому что о другом магометанском племени тоже говорят иногда в женском роде: *турка.* Ясно, что этим определяются восточные нравы. *Примечание К. Пруткова.*

Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

И на этом месте,
Если вы мне рады,
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире;

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьале...

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет замок Памбра.
Спит Эстремадура.

<1854>

ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ СТАРУХЕ

ЕСЛИ Б ОНА ДОМОГАЛАСЬ МОЕЙ ЛЮБВИ

Подражание Катуллу

Отстань, беззубая!.. Твои противны ласки!
С морщин бесчисленных искусственные краски,
Как известь, сыплются и падают на грудь.
Припомни близкий Стикс и страсти позабудь!
Козлиным голосом не оскорбляя слуха,
Замолкни, фурия!.. Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергамент желтых плеч
И шею, коею ты мнишь меня привлечь!
Разувшись, на руки надень свои сандальи,
А ноги спрячь от нас куда-нибудь подалей!
Сожженной в порошок, тебе бы уж давно
Во урне глиняной покоиться должно.

<1854>

ОСАДА ПАМБЫ

Романсеро, с испанского

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванью Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаясь.
И всё войско дона Педра,
Девять тысяч кастильянцев,
Все, по данному обету,
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко.
Всякий день они слабеют,
Силы тратя по-пустому.
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчою.
Настает уж год десятый.
Злые мавры торжествуют;
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек.
Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем
И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим,
Без стыда и без боязни.
Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью:
Не нарушили ни разу
Нами данного обета, —
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев,
Все, качаяся на седлах,
В голос слабо закричали:

«Sancto Jago Compostello![1]
Честь и слава дону Педру,
Честь и слава Льву Кастильи!»
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским».
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана,
Он изрядно подшутил».

1854

ДОБЛЕСТНЫЕ СТУДИОЗУСЫ

Как будто из Гейне

Фриц Вагнер — студьозус из Иены,
Из Бонна — Иеро́нимус Кох
Вошли в кабинет мой с азартом;
Вошли, не очистив сапог.

«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней: Кох или Вагнер?» —
Спросили с бряцанием шпор.

«Друзья! вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил:
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил».

Ответом моим недовольны:
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторили с азартом
И с тем же бряцанием шпор.

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен:

[1] Святой Иаков Компостельский (исп.). — *Ред.*

«Мне нравятся очень... *обои!*» —
Сказал им и выбежал вон.

Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.

<1854>

ЗВЕЗДА И БРЮХО

Басня

На небе, вечерком, светилася звезда.
Был постный день тогда:
Быть может, пятница, быть может, середа.
В то время пó саду гуляло чье-то брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем, что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до звезды;
Не только есть, — куды! —
Не выпьет и ковша воды!..
Нет, право, с ним наш брат не сладит:
Знай бродит пó саду, ханжа,
На мне ладони положа;
Совсем не кормит, только гладит».

Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
Звезда, прищурившись, глядит на край окольный;
То спрячется за колокольней,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется,
Над животом исподтишка смеется...
Вдруг брюху ту звезду случилось увидать.
Ан хвать!
Она уж кубарем несется
С небес долой,
Вниз головой,

И падает, не удержав полета, —
Куда ж? — в болото!
Как брюху быть? Кричит: «ахти» да «ах!»
И ну ругать звезду всердцах.
Но делать нечего: другой не оказалось,
И брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось,
Хоть вечером, а натощак.

Читатель! басня эта
Нас учит не давать без крайности обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет
(Я говорю из дружбы):
Спасайся, слова нет,
Но главное: не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущеесь о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда, — в день постный, в день скоромный, —
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо́ кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

1854

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

Басня

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растенье,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;

Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растеньи вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что? хорошо ль растенье прозябает?»
— «Изрядно, — тот в ответ, — прозябло уж совсем!»

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «прозябает».

1855

ПОМЕЩИК И ТРАВА

Басня

На родину со службы воротясь,
Помещик молодой, любя во всем успехи,
Собрал своих крестьян: «Друзья, меж нами связь —
Залог утехи;
Пойдемте же мои осматривать поля!»
И, преданность крестьян сей речью воспаля,
Пошел он с ними купно.
«Что ж здесь мое?» — «Да всё, — ответил голова. —
Вот тимофеева трава...»
— «Мошенник! — тот вскричал. — Ты поступил
преступно!
Корысть мне недоступна;
Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалею;
Но эту возвратить немедля Тимофею!»

Оказия сия, по мне, уж не нова.
Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону.

1855

ЧИНОВНИК И КУРИЦА

Басня

Чиновник толстенький, не очень молодой,
По улице, с бумагами под мышкой,
Потея и пыхтя и мучимый одышкой,
Бежал рысцой.
На встречных он глядел заботливо и странно,
Хотя не видел никого;
И колыхалася на шее у него,
Как маятник, с короной Анна.
На службу он спешил, твердя себе: «Беги,
Скорей беги! Ты знаешь,
Что экзекутор наш с той и другой ноги
Твои в чулан упрячет сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь!»
Он всё бежал. Но вот
Вдруг слышит голос из ворот:
«Чиновник! окажи мне дружбу:
Скажи, куда несешься ты?» — «На службу!»
— «Зачем не следуешь примеру моему
Сидеть в спокойствии? Признайся напоследок!»
Чиновник, курицу узревши, эдак
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак:
Несусь я, точно так!
Но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!»

Разумный человек коль баснь сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.

1855

БЛЕСТКИ ВО ТЬМЕ

Над плакучей ивой
Утренняя зорька...
А в душе тоскливо
И во рту так горько.

Дворик постоялый
На большой дороге...
А в душе усталой
Тайные тревоги.

На озимом поле
Псовая охота...
А на сердце боли
Больше отчего-то.

В синеве небесной
Пятнышка не видно...
Почему ж мне тесно?
Отчего ж мне стыдно?

Вот я снова дома;
Убрано роскошно...
А в груди истома
И как будто тошно!

Свадебные брашна,
Шутка-прибаутка...
Отчего ж мне страшно?
Почему ж мне жутко?

8 октября 1883

ПЕРЕД МОРЕМ ЖИТЕЙСКИМ[1]

Всё стою на камне, —
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне:
Радость или горе?

Может, озадачит...
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда — не видит.

11 октября 1883

---

[1] Напоминаем, что это стихотворение написано Козьмою Прутковым в момент отчаяния и смущения его по поводу готовившихся правительственных реформ.

СРОДСТВО МИРОВЫХ СИЛ

Мистерия в одиннадцати явлениях

Найдена в портфеле с золоченою надписью: «Сборник неоконченного (d'inachevé) № 3».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В МИСТЕРИИ:

Ровная долина.
Великий поэт.
Высокий дуб.
Звезда орденская.
Звезда небесная.
Дупло.
Сова.
Кочка.
Ком земли.
Веревка.
Полное собрание творений Великого поэта.
Северный аквилон.
Высочайшая и длиннейшая ветвь.
Южный ураган.
Полевая мышь.
Ночные часы.
Ночная тишина.
Солнце за горизонтом.
Солнце на небесах.
Загробный мир мельком.
Альмавива.
Малый } желуди.
Крупный } желуди.
Общее собрание мировых сил.

Полночь. Небо покрыто тучами. Полное безветрие. Ровная долина, среди которой стоит Высокий дуб. Тишина. Долина спит.

Явление 1

Чрез несколько времени чуткая Долина внезапно пробуждается.

Долина
(очнувшись, в тревожном раздражении)

Есть бестолковица...
Сон уж не тот!
Что-то готовится...
Кто-то идет!

Явление 2

Появляется Поэт, закутанный в альмавиву и в картузе. Сзади, из-под полы альмавивы, тащится по траве конец веревки.

Поэт

(напевает тихим, взволнованным голосом)

«Среди долины ровныя...»

(Прерывает пение.)

Так няня
В деревне песню эту мне певала,
Когда я был еще ребенком малым...

(Напевает.)

«На гладкой высоте...»

(Прерывает пение.)

И между тем
Она, под звуки песни заунывной,
По вечерам из теста мне лепила,
Так хорошо, коровок и лошадок!

(Напевает.)

«Стоит, растет высокий дуб...»

(Прерывает пение.)

О няня!
Когда б могла ты видеть и понять,
Зачем теперь любимый твой питомец
Подходит, поступью тяжелой, к дубу,
Тобой воспетому, — ты б содрогнулась
В своем гробу... близ церкви... на погосте!..
Как тот, и этот дуб высок; как тот,
И сей стоит среди долины ровной!..

(Напевает.)

«Среди долины ровныя...»

(Прерывает пение.)

Но прочь
Ненужные о детстве вспоминанья!
Я жизни путь прошел, и час настал
Мне перейти хоть к грустному, быть может,
Но к верному, бесспорно, результату.

(Подходит к дубу и снимает с себя картуз.)

Привет тебе, громадное растенье!
Ты было птичьих гнезд досель приютом, —
Дай мне приют! Я также песнопевец!

(Надевает картуз.)

Меня людей преследует вражда;
Толкает в гроб завистливая злоба!
Да! есть покой, но лишь под крышей гроба;
А более нигде и никогда!
О, тяжелы вы, почести и слава;
Нещадны к вам соотчичей сердца!
С чела все рвут священный лавр венца,
С груди́ — звезду святого Станислава!
К тому ж я духа новизны страшусь...
Всеобщий бред... Всё лезет вон из нормы!
Пусть без меня придут потоп и трус,
Огонь и глад, и прочие реформы!..
Итак, сановник, с жизнью ты простись!
Итак, поэт, парить привыкший ввысь,
Взлети туда навек; скорей, не мешкай!

Распахивает альмавиву и, бросив взор на свою орденскую звезду, ударяет себя в грудь рукою. В это время небо несколько прояснилось, и одна звезда освещает сверху всю фигуру поэта.

Как понимать?.. С участьем иль с насмешкой
Свою сестру земную из-за туч
Ты озарил, звезды небесной луч?

Небо опять заволакивает тучами. Поэт кивает ему головою с выражением горького упрека.

Явление 3

Поэт решительною походкою приближается к самому дубу. Он обходит вокруг его и вдруг останавливается в испуге перед дуплом.

Поэт

Кто ты?.. Ответь!.. Зачем следишь за мною
Так пристально фосфо́рными глазами?..

Из дупла появляется сова и улетает бесшумно. Она садится на кочку, шагах в пятидесяти, и повертывает голову назад, по направлению к дубу и к поэту. Глаза ее светятся издали.

Поэт

(махая на сову полами своей широкой альмавивы)

Пш!.. Пш!...

Сова остается неподвижною.

Прочь, прочь, непрошеный свидетель
Того, что совершить я думал тайно!

Подымает ком земли и бросает им в сову. Ком падает у самой кочки; но сова остается на своем месте неподвижно, подобно изваянию со светящимися глазами.

Коль уж сову согнать нельзя мне с места,
Коль ей глаза нельзя мне погасить, —
Так пусть при ней порвется жизни нить;
И пусть сей зоркий спутник черной ночи,
Когда другим не видится ни зги,
Мне выклюет померкнувшие очи
И творчеству уж чуждые мозги!

Явление 4

Поэт вынимает из-под альмавивы веревку и пытается закинуть ее конец за одну из ветвей дуба с северной стороны; но веревка, далеко не хватая ни до одной ветви, падает обратно на землю.

Поэт

Великий ум, при росте тела малом,
Послужит мне надежным пьедесталом...

Вынимает из-под мышки «Полное собрание своих творений»; кладет их на землю, становится на эту объемистую книгу и вновь забрасывает веревку, которая на этот раз чуть-чуть не зацепилась за ближайшую ветвь.

Явление 5

Тогда внезапно начинает дуть с необычайною силою Северный аквилон.

Северный аквилон

И благ и могуч я:
Вверх вздерну все сучья!

Все ветви с северной стороны поднялись действительно очень высоко. Но при этом происходит непредвиденное Северным аквилоном обстоятельство. Поэт сызнова закидывает веревку. Наперекор благим намерениям Северного аквилона, но благодаря, однако, его же содействию, длинная веревка взвивается также очень высоко и... зацепляется за высочайшую и длиннейшую ветвь дуба. Поэт, напрягши все свои силы, притягивает эту ветвь к себе, быстро прикрепляет к ней конец веревки, надевает на шею заранее уже изготовленную петлю, пускает ветвь и взлетает с нею на большую высоту. Сова, оставаясь всем телом неподвижною на кочке, только подымает голову и смотрит на висящего своими еще ярче светящимися глазами. Северный аквилон между тем поспешно перебирает одну за другою ветви дуба с северной стороны.

Северный аквилон

(скрывая смущение под гневом)

Все до единой
Вверх поднялись!..
Он сам причиной,
Что там повис!

(Дует обратно к себе на север и исчезает.)

Затишье.

Явление 6

Вдруг Южный ураган еще с большею силой налетает внезапно на дуб с противоположной стороны.

Южный ураган

Я — тайна бóльшая:
Храню, разрушая.

Дуб дрожит, мечется, стонет.

Дуб

Стоял сто лет...
Пришла кончина!

Спасенья нет...
Прощай, долина!

Наклоняется и рушится с грохотом на долину, выворотив вокруг себя землю и обнажив свои могучие, вековые корни. Поэт также свалился, вместе с дубом, на землю, но в сторону от ствола и ветвей. Петля на его шее ослабевает и мало-помалу начинает расширяться. Одна из ветвей дуба придавила полевую мышь, пробегавшую в минуту его падения. Сова, испуганная шумом, поднялась с кочки и улетела, утопая в темноте.

Южный ураган

Нет силе меры!..
Нет вечных уз!..
В мои пещеры
Обратно мчусь.

(Дует обратно на юг и исчезает.)

Опять затишье.

Явление 7

Долина погружена в безмолвную тоску. Ни один лист поверженного дуба не шевелится. Поэт лежит неподвижно, рядом с полевою мышью. Ночные часы проходят медленно.

Ночные часы

Дойдут часы все, без изъятья,
До лона вечности. Но днем
Бегут, при свете, наши братья;
Впотьмах мы медленно бредем.

Воцаряется полная Ночная тишина, наводящая на раздумье и на вопросы.

Ночная тишина

Всяк вопрошает;
Но я молчу.
Никто не знает,
Чего хочу!

Явление 8

После долгой ночи небосклон начинает наконец алеть на востоке.

Солнце за горизонтом

Свет земле воочью:
Вывожу зарю.
Что свершилось ночью —
Вскоре озарю.

Явление 9

Солнце взошло. Наступило ясное утро, но Долина кажется грустною.

Солнце на небесах

Грех я озираю,
Песнопевца грех;
Но, взглянув, прощаю
И его и всех.

Явление 10

Под живительными лучами милосердного Солнца Поэт приходит в себя. Он оглядывается и, еще лежа, вспоминает о том, что произошло. Потом освобождает шею от петли и тихо приподымается.

Поэт

(сидя)

Я жив!.. И снова вижу землю... Землю!..
Но в эту ночь успел я заглянуть
Туда, *«в тот мир, откуда к нам никто
Еще не возвращался»,* как сказал
Шекспир Вильям, собрат мой даровитый!
Но, быв уж там, оттуда я вернулся.

(Встает на ноги.)

О, что я видел, люди!! Что я видел!!.
На воздухе!.. с вершины дуба!.. в петле!..
О, что я видел там!!. Что видел мельком!!.
Когда-нибудь я в гимнах вдохновенных
Попробую о том поведать миру...

(Задумывается.)

Однако же... ведь я уже висел...
И вот — стою! и жив и невредим!
Как этому не подивиться диву?!

(Осматривается, ощупывает себя и замечает, что его альмавива, зацепившись за сук, разорвалась.)

Лишь починить придется альмавиву.

(Стоит в раздумье, и взор его падает на убитую дубом полевую мышь.)

А мышь — «оттуда не вернется»!

(Нагибается к мыши и кричит ей)

Встань!..
Не можешь?.. Ха, ха, ха!.. Затем, что дрянь!
Коль не убил бы дуб, сова бы съела!
А где ж сова?

(Смотрит сперва на кочку, потом заглядывает в дупло.)

Здесь нет уж... Улетела...
Хоть и живет, да лишена дупла,
Где, может быть, полсотни лет жила.
На их судьбу взираю хладнокровно.
Вот дуба жаль, среди долины ровной!
Зато их тьма в дубовом есть лесу.

(После некоторого молчания подымает с земли два желудя: сперва маленький, а потом крупный.)

Два желудя на память унесу:
И о твоей кончине, дуб почтенный,
И о моем спасеньи для вселенной!

(Кладет оба желудя в карман, берет книгу своих творений под мышку и уходит.)

Явление 11

Хор общего собрания мировых сил поет над местом ночной катастрофы.

Иной — живи и здравствуй;
Другой, напротив, сгинь!..
Над всей земною паствой
Мы пастыри; аминь!

<1883>

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Спирит мне держит речь под гробовую крышу:
«Мудрец и патриот! Пришла чреда твоя;
Наставь и помоги! Прутков! Ты слышишь?»
— Слышу.
Я!

Пером я ревностно служил родному краю,
Когда на свете жил... И, кажется, давно ль?
И вот, мертвец, я вновь в ее судьбах играю —
Роль.

Я власти был слуга; но, страхом не смущенный,
Из тех, которые не клонят гибких спин,
И гордо я носил звезду и заслуженный —
Чин.

Я, старый монархист, на новых негодую:
Скомпрометируют они — весьма боюсь —
И власть верховную, и вместе с ней святую —
Русь.

Торжественный обет родил в стране надежду
И с одобрением был встречен миром всем...
А исполнения его не видно между
Тем!

Уж черносотенцы к такой готовят сделке:
Когда на званый пир сберется сонм гостей —
Их чинно разместить и дать им по тарелке —
Щей.

И роль правительства, по мне, небезопасна;
Есть что-то d'inachevé[1] ...Нет. Надо власть беречь,
Чтоб не была ее с поступком несогласна —
Речь.

---

[1] Незавершенное (франц.). — *Ред.*

Я, верноподданный, так думаю об этом:
Раз властию самой надежда подана,
Пускай же просьба: «Дай!» — венчается ответом:
«На!»

Я главное сказал, но из любви к отчизне
Охотно мысли те еще я преподам,
Которым тщательно я следовал при жизни —
Сам.

Правитель! Дни твои пусть праздно не проходят;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досуг;
Но наблюдай: в воде какой они разводят —
Круг?

Правитель! избегай ходить по косогору:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И в путь не выступай, коль нет в ночную пору —
Зги.

Дав отдохнуть игре служебного фонтана,
За мнением страны попристальней следи;
И чтобы жертвою не стать самообмана, —
Бди!

Напомню истину, которая поможет
Моим соотчичам в оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не может —
Власть.

Учение мое, мне кажется, такое,
Что средь борьбы и смут иным помочь могло б...
Для всех же верное убежище покоя —
Гроб.

11 октября 1907

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ. ШУТКИ

ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ МОЕЙ В ТАГАНРОГЕ

1

На поприще бесплодном и суровом
Преследуем враждебною судьбой,
В какой стране, под чьим приветным кровом
Узнаю я бесстрастье и покой?
Моей душе и тяжело и больно...
Я утомлен; я с самых ранних лет,
Со злостию смотря на этот свет,
Всё вдаль стремлюсь мечтою недовольной.

2

То, раб и друг порока или страсти,
Я тратил жизнь без цели и следа;
То, подчинен рассудка строгой власти,
Во всем искал я пользы и труда.
Под бременем обманов и сомненья
Я странствовал по прихоти судьбы;
Но, раздражен средь умственной борьбы,
Не находил нигде успокоенья...

3

На севере, где носятся туманы
И голые в них прячутся скалы,
Где не цветут печальные поляны,
Где бедно всё средь холода и тьмы;

Где царствуют чредой зима и осень,
Где не живит бессильный солнца луч,
Где по́ небу гуляют стаи туч
И плачет ветр в ветвях берез и сосен.

4

И здесь, в стране цветущей, благодатной,
Лазурь небес и сладострастный зной,
И моря шум, и воздух ароматный —
Всё в душу льет и негу, и покой...
Здесь пестрая толпа различных наций;
Здесь турок, грек, казак и армянин
Покоятся в густой тени маслин,
И тополей сребристых, и акаций.

5

В столице — там в пирах проводит годы
И нежится роскошный сибарит;
Там молодежь скучает иль следит
За прихотью цариц забав и моды;
Там — горды все; но низкого льстеца
Презрительным никто не встретит свистом;
Под маскою — не узнают лица;
Успех во всем — холодным эгоистам.

6

Сенат!.. Чредой докучной проходили
Там дни мои; там средь бумаг и дел
К поэзии душой я охладел
И жил, как мышь, в слоях архивной пыли...
О, если ждет меня за гробом ад, —
Я возношу одно, одно моленье:
Чтоб не был дух мой заключен в Сенат, —
Все прочие перенесу мученья.

7

В степях, в лесу — где сладостное пенье
Свободных птиц, журчание ручья,
В густой траве ползущая змея,
Дыханье душистого растенья;
В степной дали мерцание огней,
Меж тем как мрак ложится вдоль дороги,
И лай собак, и ржание коней —
Всё жизненной исполнено тревоги...

8

Чтоб я познал творца в его твореньи,
Могучий рок вотще меня носил,
Лишенного внимания и сил,
Везде, везде в своем слепом стремленьи.
Пока я жил — я слаб, я нездоров...
И жду, когда мой дух в порыве смелом,
Освободясь от тягостных оков,
Расстанется навеки с бренным телом...

Сентябрь 1844
Таганрог

АКРОСТИХ

Авось когда-нибудь еще увижу вас;
Надеюсь, доживу до той минуты сладкой!..
Никак не позабыть мне ваших томных глаз...
А вспомните ль хоть раз вы обо мне украдкой?

13 декабря 1844

ПЕРЕД НЕВЕДОМЫМ

Из пределов зла и блага,
В тьме ночной и блеске дня,
Льется творческая влага
Мыслей, плещущих в меня.

Существом моим нетленным
Я духовный нектар пью,

В песнопеньи вдохновенном
Звучно вторя бытию.

Но порой поток мятежный,
В своевольный миг игры,
Мчится силой центробежной
В неизвестные миры...

И конец моей гордыне.
Жаждой жгучею томим,
Я безмолвствую в пустыне
И внемлю́ твоей святыне,
Песнопевец-херувим.

1853

МОЛОДОЙ ПОДРУГЕ

Прощаюсь, ангел мой, с тобою,
Зовет долг службы на войну.
И от тебя уже не скрою,
Что смерть любимому герою
На поле брани я найду.

Ты отнесешь ту смерть к злословью.
Сама придешь к убитым ты
И различишь тогда с любовью
И ус с запекшеюся кровью,
И с смертной бледностью черты.

Ты вспомнишь, как, с изящным вкусом
Мой ус воинственно крутя
И наклонясь к блестящим бусам,
Я шейку ранил жестким усом,
А ты заплакала, дитя.

И скажешь ты: «С того он света
Не видит больше здешний свет.
По нем всё в траур я одета;
Там у него уж нет предмета...
Лишь вечность — вот его предмет!»

Между 1854 и 1859?

ПИСЬМО К С. М. СУХОТИНУ В ДЕРЕВНЮ
ПО СЛУЧАЮ СКУШАННОГО ИМ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ИЗ МОСКВЫ ПЕРСИКА С КОСТОЧКОЮ

У Офросимова на бале
Ты персик цельный проглотил.
Что, если в ки́шечном канале
Ты косточкой, застрявшей в кале,
Проход навеки запрудил?..
Сей случай стоит размышленья,
Хотя ты нигилизма враг,
Но это злое направленье
Подвинул сам еще на шаг.
Предвижу я разврат народа
И возмутительную ложь...
«Нет в людях заднего прохода!» —
Такую ересь в род из рода
Проводит нагло молодежь.
Процесс важнейший в русской жизни
Исчез как сон!.. Какой изъян!
Что за бесславье для отчизны!
Что за обида для дворян!..
Подумать страшно, что когда-то
Всему ты верил, чтил ты свято
Всё то, что чтит Катков, и вот
Ты друг безверья и разврата,
Всего, чем юность так богата, —
Ты... камергер и патриот!..
Иль, относясь к Каткову льстиво,
Себя ты ... потому,
Что он велит хранить ревни́во
Всё, что в нас есть, а особливо
Что уж не нужно никому?
Коль так, — по мненью моему —
Каткова понял ты фальшиво.
Нельзя, чтоб даже генерал,
Ему платить привычный дани,
До сбереженья этой дряни
Консерватизм свой простирал.
Я бреду многих непричастен;
Но, по природе беспристрастен,
Я перед ним и прав и чист:
В те дни, когда мне брюхо пучит,

Я твердо убеждаюсь в том,
Что дорожить Катков нас учит
Одним лишь нравственным дерьмом.
Приняв слабительное на ночь,
Ему бы ты не изменил;
Сам князь бы Николай Иваныч
Тебя на то благословил!..
Итак, мой друг, я всё в испуге,
И трудно вспомнить мне без слез,
Что вместе с памятью о друге
В себе ты косточку увез.
Дай весть, что ты уж опростался,
И разгони мою тоску,
Чтоб за твою я не боялся
Заднепроходную кишку.
И как твое меня тревожит,
Как говорится, реноме!
Советов всех перо не может
Исчислить в кратком сем письме;
Одно прошу я: в светском шуме,
В ученых обществах, и в думе,
И всюду, где б случилось сесть, —
Храни гражданственную честь!..

<1866 ?>

* * *

Теперь на наш народ простой
Смотрю я:
Как славит он Христа, душой
Ликуя.
Он, вместо «Смертью смерть поправ»,
Так песни
Орет, живот свой надорвав,
Хоть тресни.
Наклавши крашеных яиц
В карманы,
Пред богом падает он ниц
Лишь пьяный.

Он — плод отечественной тьмы,
А впрочем,
Простой народ напрасно мы
Порочим.

28 марта 1885

МОЙ ОТЗЫВ О ПОЧЕТНОМ ОТЗЫВЕ АКАДЕМИИ, МНЕ ЕЮ ПРИСУЖДЕННОМ ЗА МОИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Я скромно смотрю на мои дарования,
Но ждал от других к ним побольше внимания.
За слог, за удачи мои стихотворные,
За чистые чувства, за мысли невздорные
Я ждал, что меня отличит академия...
Признаться, мне грезилась Пушкина премия —
Хоть пусть бы не полная, пусть — половинная;
Но, видно, надежда была беспричинная!..
Я полон теперь и за то благодарностью,
Что не был на старости признан бездарностью.

26 октября 1893

ПОЭМЫ
И
СЦЕНЫ В СТИХАХ

МОЙ ЗНАКОМЫЙ

(Вступление к ненаписанной поэме)

1

Читал я где-то мудрое сужденье,
Что жизнь простых, обыкновенных лиц,
Рассказанная нам без украшенья,
Без хитрых вымыслов и небылиц,
Глубокого достойна изученья.
Ведь всякий, кто бы ни был он, любил,
Страдал, надеялся, не верил, верил,
Молился, унывал и лицемерил
Перед собой и светом, — словом: жил;
И жизнь его — достойна ли упреков
Она или похвал — для нас полна уроков.

2

Вот почему с приятелем моим
Хочу я познакомить вас, читатель.
«Я знал его; мы странствовали с ним...» [1]
Валунин, с детства лучший мой приятель,
Считался человеком не пустым,
Но человек он был обыкновенный,
Как я и вы, быть может. Тридцать лет
Он прожил на земле. Его уж нет;

[1] Стих Лермонтова.

Но ни конец, ни жизнь его — вселенной
Не сделали ни пользы, ни вреда.
Он жил, как будто бы и не жил никогда.

3

Но он надежды подавал большие!
И долго мне казалось самому,
Что гения в нем обретет Россия
И что слагать назначено ему
Земным глаголом песни неземные.
И я всё ждал, чтоб звуки полились;
Я сторожил желанное мгновенье
Дремавших сил и мыслей пробужденья...
Напрасно! Он молчал. Года неслись...
Он умер. Жертва горького обмана,
Он слишком долго жил иль умер слишком рано.

4

Мне жаль его. К чему он жил? Ужель
Затем, чтоб жизнь пройти путем беструдным,
Единую в грядущем видя цель:
Сменить сон временно́й сном непробудным,
Могилою — спокойную постель?
Нет, нет!.. Он умер кстати. Жизнью краткой
Он озадачил всех: себя и нас.
Прожив обычный век, в предсмертный час
Ни для кого он не был бы загадкой.
К несчастью, выгода людей иных
Вся заключается в загадочности их.

5

Мне тяжело тревожить память друга
Сомненьем для него обидным. Он
В страданиях последнего недуга
Не покидал мечты, что был рожден
Для подвига великого. Бывало,
Я говорил ему: «Летят года!

Взгляни — ты прожил много, сделал мало».
Он возражал мне: «Время не настало!
Я жду; готовлюсь». И в пример тогда
Мне приводил Руссо или Мольера.
В свое бессмертие была сильна в нем вера!

6

И я уж опоздал спасти его.
Над ним свершилось божье наказанье...
Всю жизнь он был так жалок оттого,
Что, не приняв нам сродного призванья
Быть *что-нибудь,* он вышел — *ничего.*
А между тем имел он всё, что нужно
Для счастья сына бренного земли.
Хозяин, гражданин, глава семьи —
Все важные заботы мира — дружно
Нести он мог бы с пользой для людей,
И приобрел бы честь, как вывод пользы сей.

7

Что гений!.. В жизни нужны нам границы.
Полдюжины практических голов
Полезней гениальной единицы,
Как нам действительность полезней снов
И быль — дельнее всякой небылицы.
Мне род людской видней в умах простых.
Они творят без блеска и без шуму
И думают доступную нам думу.
Повсюду сумма личностей таких,
Когда вы средние возьмете числа,
Мерило верное общественного смысла.

8

О друг мой! Я жалею не о том,
Что ты не так, как создается гений,
Был сотворен; но что с твоим умом
Игрушкою ты был пустых стремлений
И праздного тщеславия рабом.

Но полно!.. Бросим то, что невозможно
Нам изменить. Теперь не всё ль равно?
Он был обыкновенный смертный; но,
Замучен жизнью мелочной, тревожной,
Бесплодной, скучной, он в земле зарыт
И спит таким же сном, каким и гений спит.

9

Я начал мой рассказ и замечаю,
Что, грустию невольной увлечен,
Я вовсе не с начала начинаю:
Со смерти. Но поэмы мрачный тон
Навряд ли изменился б. Я не знаю —
Светлей была какая из эпох
У моего героя? Смерть, рожденье
И жизнь — равно достойны сожаленья.
Итак, простите мне плачевный слог,
Печальному предмету строф покорный,
С начала до конца мне нужен тон минорный.

10

Тому, как я сказал вам, тридцать лет,
Под небом Малороссии ленивой
Приятель мой рожден на этот свет.
Старинный дом, громадой горделивой
Вознесшийся над зеленью садов,
Младенца принял в торжестве великом
Под свой просторный и радушный кров.
Больной ребенок на веселый зов
Ответствовал страданья первым криком...
Едва начав дышать, он умирал —
Как будто уж тогда он цену жизни знал.

11

И в тот же день к нему врачей призвали.
Один из них, качая головой,
Таинственно сказал, что опоздали
Прибегнуть к медицине; а другой
Решил, что мальчик будет жив едва ли.

«Помочь дитяти, кажется, легко! —
Воскликнул третий (этот был умнее). —
Юпитера вскормила Амальтея,
И он сосет пусть козье молоко.
А во-вторых, его держать должно бы
На чистом воздухе. Послушайтесь —
для пробы!»

12

И вот ребенок в сад перенесен.
Там пологом узорчатым сплетались
Над ним могучий дуб и нежный клен;
И листья гармонически шептались,
На вежды тихий навевая сон.
Невидимо, у самой колыбели,
Легко порхали птички меж ветвей;
И, возлюбя его, то соловей,
То иволга поочередно пели;
И от цветов нарядных аромат
Струями свежими поил роскошный сад.

13

Чрез месяц мальчик начал улыбаться;
Глядели веселей его глаза;
И с жизнию раздумал он расстаться.
Его спасли — природа и коза.
Вернее, что последняя, признаться.
Валунин был кормилицей своей
Мифологической весьма доволен.
Он повторял: «Я при смерти был болен
И оживлен козой. Без шуток, ей
Я жизнью одолжен на этом свете!»
И чучело козы держал он в кабинете.

14

Итак, он ожил — всё равно, по той
Или другой причине; но ребенок
Вид сохранил и слабый, и больной,
Освободясь от тесных уз пеленок.

Никто не говорил: «Какой живой!» —
Напротив, все твердили: «Не по летам
Он так задумчив. Видно по всему,
Что на роду написано ему
Иль дипломатом быть, или поэтом».
Увидим мы из следующих глав,
Насколько отзыв их ошибочен иль прав.

15

Нет у меня желанья и терпенья
Описывать младенчество. Зачем?
У всех одно встречается явленье:
Сперва дитя — и слеп, и глух, и нем;
Живет убогой жизнию растенья;
Потом играет словом, и тогда,
В нем вызванная силою чудесной,
Мерцает мысль, как в вышине небесной
Далекая за облаком звезда...
И в детстве каждый — с разницею малой —
Равно со всеми глуп, или умен, пожалуй.

16

Мы к возрасту такому перейдем,
Когда растут наклонности и страсти;
Кипят борьбою в сердце молодом
Добра и зла враждующие власти,
И юноша неопытным умом
Пытает жизни темные задачи.
То за туманом безутешных слез,
То в праздничном сияньи пышных грез
Он видит мир; и с каждым днем иначе
Всё видится ему — и жизнь, и свет;
И чувству ни границ, ни повторенья нет.

17

Покинем же страну его рожденья
И мысленно себя перенесем
Вослед за ним в орловское именье
Его отца. Мы там росли вдвоем;

Делили смех и слезы огорченья,
И взапуски учились наизусть.
Нас подружили возраст и соседство.
Валунина с воспоминаньем детства
Порой томила сладостная грусть...
И сад, и лес, и дом — теперь уж древний,
И *Чертовидский-Верх* — название деревни —

18

Ему всё нравилось; и те года,
Хоть детские, но полные значенья,
Над ним не пролетели без следа.
Минувших дней живые впечатленья
В нем не могли исчезнуть никогда.
Любил великорусскую природу
Он так же после, как и в старину,
За скромность, за простор, за тишину,
За то, что, созерцанью дав свободу,
Она ничем нам не стесняет дух...
Привольно бродит взор, спокойно внемлет слух.

19

Великолепны мрачные картины
Страны гористой! Но невольный страх
Рождают эти бездны и вершины,
Любящие скрываться в облаках...
Пленительны пустынные равнины
Красой благоухающей своей,
Высоких трав широким колыханьем
И ласковым, задумчивым молчаньем;
Но эта нега девственных степей
Так часто грусть наводит и тревожит —
И с ней бороться дух не хочет и не может.

20

Когда, бежав от светской суеты,
Возвышенных ты жаждешь наслаждений;
Когда к тебе, с незримой высоты,

Предвестники грядущих песнопений,
Слетаются и звуки, и мечты;
Когда душа, с страстями в вечном споре,
Изнемогла среди упорных битв
И просит обновленья и молитв, —
Смотри на море, вслушивайся в море!
Но рой игривых, легкокрылых дум
Отгонит грозных волн величественный шум.

21

А он своею прелестью спокойной
Всегда влечет к себе, мой край родной!
Под липою кудрявою и стройной
Сидишь и всё глядишь перед собой,
Любуясь свежей тенью в полдень знойный;
На дне оврага шепчущим ручьем;
Виющейся по нивам золотистым
Дорогой черною; ковром цветистым
Лужаек и холмов, а там — селом
Раскинутым, и далью темно-синей,
И строгой простотой волнующихся линий.

22

Забудешься и слушаешь порой
Жужжанье пчел, и трели птичьих песен,
И скрип колес тележных под горой.
Круг впечатлений светел и нетесен...
Сидишь и всё глядишь перед собой!
Настроен дух с природой дружно, ладно.
Так действует на сердце и на ум
Изящным сочетаньем чувств и дум,
Негромкой, но торжественной и складной
Поэмы тихошественная речь,
И увлекает вас, не думая увлечь...

23

Вот лишнее, быть может, изложенье
Любовных чувств к природе. Впрочем, их
Делил со мной Валунин без сомненья.

Мне одному принадлежит лишь стих.
Хотя рассказу эти отступленья
Дают капризный и небрежный ход,
Но я себе предоставляю право
Бродить везде: налево и направо;
Стоять, идти назад, бежать вперед...
Системе той я следую в поэме,
Чтоб вовсе никакой не следовать системе.

24

Затем нескромной этой похвальбой
Мне завершить свое вступленье должно.
Уж вам знаком настолько мой герой,
Что, кажется, не без участья можно
Следить вам будет за его судьбой.
Он был идеалист, — я прибавляю,
Идеалист всегда, везде, во всем.
И качества, и недостатки в нем
Я этим настроеньем объясняю.
Теперь и кончить можно б. Я готов;
Но, в заключение, прибавлю пару слов.

25

Читатель, до свиданья! Ставлю: punctum. [1]
Всю жизнь Валунина, все тридцать лет
Вам рассказать в порядке и по пунктам
Я дал себе торжественный обет.
В главе второй я вам представлю — детство.
Но скоро ли? Бог знает!.. Признаюсь,
Со мной враждует, чуть не с малолетства,
Порок, с которым сладить нету средства...
Владычеством его я тягощусь,
Но, кажется, едва ль себя исправлю...
О *лень*, оставь меня!.. Тебя я не оставлю!..

1855

---

[1] Точка (лат.). — *Ред.*

СНЫ

(Поэма)

1

Бессилие

Мне снились — вьюга, снег глубокий,
Пустыня, нá небе ни зги;
В пустыне путник одинокий
Влачил усталые шаги.
И думал он: «Мой путь без цели...
Ужель не встретить мне людей?
Зачем я здесь? Чего хотели
Порывы смелости моей?..
Где жизнь? И этот край — ужели
Одна пустая гладь степей,
Где, воя, носятся метели?..
Беда, великая беда
Тому, кто одинокий бродит
В пустыне снежной — и следа
Нигде людского не находит!..
Зачем же мой свободный дух
Исполнен правдою святою,
Когда враждует всё вокруг
Несправедливою враждою?..
Иль нужны жертвы для судьбы?
И лишь творя — природа любит,
А после — бросит и погубит
В мученьях жизненной борьбы?..
Борьба!.. Порой пред волей смелой,
Перед светильником ума
Редеет нравственная тьма

И расступаются пределы, —
Но света нет за этой мглой,
Грозящей мерзлою могилой;
Ничтожен дух пред этой силой
И бессознательной, и злой!..»

Крутит еще сильнее вьюга,
Всё безнадежней облака, —
И пробежал в нем зноб испуга,
Пришла предсмертная тоска...
Всей силой утомленной груди
Он кличет: «Помогите, люди!
К вам велика моя любовь;
Я заключил бы мир в объятья!..
До капли пролил бы я кровь
За счастье братьев!.. Где ж вы, братья?
Хотя один бы мне помог,
Когда, гоня и разрушая,
Меня давно уж буря злая
Бьет по лицу и валит с ног!..
Покорен я, изнемогая...
Я жалок!.. О, когда б я мог
Навстречу холоду и снегу
Предаться бешеному бегу,
Чтобы с сознаньем силы пасть,
Презрев стихийное гоненье
И неосмысленную власть!..»

Напрасно гордое стремленье...
Нет силы далее брести.
Мертво и пусто... нет исхода...
И необузданно расти
Всё продолжает непогода...
Тогда средь этой бурной мглы,
В тумане ледяном мороза
Раздался страшный крик хулы,
И возмущенья, и угрозы...
Но кто же гнев его поймет?
И что душа бездушным значит?..
Пусть проклинает он иль плачет —
Метель по-прежнему метет...
И, истомясь, сложила крылья

Вольнолюбивая душа...
И на снегу, едва дыша,
Он впал в спокойствие бессилья.

Ночь мраком степь заволокла,
Его застигнув полусонным.
Он встал. Гудят колокола
Как будто звоном похоронным;
Но жизнь он чует над собой...
То демонов сбиралась стая,
Крылами шумными летая...
Он слышит говор, хохот, вой...
Вдруг общий крик — ревут и лают...
И, трепеща, подумал он:
Перекричать они желают
К ним от земли дошедший стон...
Потом — какой-то праздник дикий;
Несется буря торжества,
Ликуют зла и тьмы владыки,
И славят буйные их клики
Хаоса силу и права...
И вот — в безмолвии печальном
На миг пустыня замерла;
Но всё гудят колокола
Всё тем же звоном погребальным...

Тогда, очнувшись, понял он,
Что средь глуши, зловещ и мрачен,
Тому лишь слышен этот звон,
Кто к близкой смерти предназначен.
И тайны демонов пред тем
Свершаться могут без покрова,
Кто отнят от всего живого
И кто на все вопросы нем...
И больно сердцу стало снова,
И снова страхом он объят...
Свобода, правда, доблесть, сила —
Всё то, что сердце так любило,
Всё то, чем ум был так богат, —
Его поднять уже не может.
Готов теперь он всё забыть,
И лишь одна гнетет и гложет

Мысль неотвязная: не быть!
Уж не дышать на этом свете!
Вседневной жизни скромных благ
Не знать!.. И он заплакал так,
Как плачут женщины и дети...

Не ждет он больше ничего.
Давно он выплакал все слезы;
И — дух смущавшие его —
Ушли болезненные грезы.
Без дум, без воли и без слез
Он лег... И снег его заносит...
И он молчит, и уж не просит,
Чтобы скорей его занес.

Но стала грозной вьюги сила
Ослабевать. Уже не злясь,
Метель протяжно и уныло
Сперва над степью голосила —
И на сугробах улеглась.
Порывов бурных он не слышит.
Над ним без гнева, без угроз,
В спокойной злобе молча дышит
Мертвящим холодом мороз...

Перед концом открыл он очи:
Среди глубокой тишины
Со всех сторон, сквозь сумрак ночи,
В него глаза устремлены.
Сидело демонов собранье
У головы его и ног,
Все полны жадного вниманья,
Чтоб уловить предсмертный вздох —
Вопль отходящего сознанья.
И, отвернувшись, к небесам
Он поднял взоры, — утешенья
За все прожитые мученья
Прося и ожидая там.
И видит — медленно, угрюмо
На этот мир неправд и зла
Завеса падать начала,
И опускается без шума...

2

Зараза

Мне снился полдень знойным летом.
В открытом поле воздух жгуч,
Всё залито блестящим светом,
И небо жаркое без туч.
И мне представилось сначала,
Что, весела и убрана,
Земля под солнцем ликовала,
Красой и силою полна.
Но тяжесть думы безутешной
Мне скоро на душу легла,
Сменив тоской восторг поспешный...
Природа чахла и лгала.
Под этой ясностию лживой
Ни жизни нет, ни силы нет;
И золотой полудня свет
Над тощей издевался нивой.
Иль смерть, или тупого сна —
Куда ни взглянешь — гнет тяжелый!
Земли растресканной и голой,
Как печь, кора раскалена.
Кой-где, как вьющиеся стружки,
Трава сверкает, побелев;
С пустыми гнездами, дерев
Темнеют мертвые макушки.
Столбом без ветра пыль взвилась.
Всё неподвижно и безмолвно,
Лишь лист больной слетает, словно
В бреду горячечном кружась.
Исчезли отдых и прохлада;
Ни одного не бьет ключа;
По лугу выжженному стадо
Бредет голодное, мыча.
Не слышно птиц в лесу и в поле,
Не виден в небе их полет;
Нет жизни радостной на воле, —
Никто хвалы ей не поет...
И эти мрачные картины
Еще больней томили взор,
Когда порой из вязкой тины,

Из-под камней, из темных нор,
Из рвов глубоких злые гады,
Шурша травой, скользя в пыли,
Одни свободе полной рады,
Гурьбой бежали и ползли...
Всё спалено и всё убито!
Я сам, как будто бы мертвец,
Людьми давно уж позабытый,
Один скитался... Наконец
Кого-то встретил на дороге.
С глазами, влажными от слез,
И полон грусти и тревоги,
«Как люди мрут!» — он произнес...
Казалось, груз душевной муки
Желал сложить он предо мной,
И повторял, ломая руки:
«Как люди мрут, о, боже мой!..»
И он пошел со мною рядом;
Но вдруг раздался хриплый стон —
И пал он мертв, незримым ядом,
Как молньей быстрой, поражен...
Меня бросало в жар и в холод,
И ныло сердце от тоски;
Мне мозг давило и, как молот,
Стучала кровь моя в виски.
И на безжизненном просторе
Я вновь один... Но город вскоре
С горы громадою сплошной
Стал открываться подо мной.
И он был солнцем разукрашен!
Как жар горели купола;
Сквозила прорезь стройных башен
Узором света и тепла...
Но говорил мне голос тайный,
Что к месту бед, скорбей и зол
Тропой пустынной я пришел...
Был слышен гул необычайный;
И голосов несметный хор
Волнами снизу подымался,
Как будто там шумящий бор
Стонал под бурей и метался.
И, подойдя, взглянул я вниз,

На город, где всё так блестело...
Свершалось темное в нем дело,
И вопли страшные неслись.
Дышала смертию повальной
Зараза черная над ним...
К кладбищам поезд погребальный
Один тянулся за другим.
Тела несли, везли возами...
Грозила всем одна судьба;
Живые, несшие гроба,
Под ними умирали сами.
Толпы бродили бледных лиц;
Просили помощи больные,
Стучась в ворота запертые
У переполненных больниц.
Иные падали, вставали —
И в корчах падали опять;
И с мостовой не успевали
Тела умерших убирать.
Объят весь город был смятеньем;
Везде страданья, плач и страх;
Народ с коленопреклоненьем
Молился вслух на площадях.
Дух истребления носился
Над всем здоровым и живым...
И я мучениям людским
Невольно в землю поклонился.
Как в безрассветной гроба мгле
Мне тяжело и страшно было...
И между тем как на земле
Кончалась жизненная сила
И уж потухшие умы,
Нещадной смертию гонимы,
В пустые бездны вечной тьмы
В немой тоске летели мимо, —
Кругом — торжественный покой
Царил над зрелищем ужасным,
И это солнце в небе ясном
С своею наглой красотой!
Зачинщик злобного обмана,
Оно, горевшее светло,
Как бы зияющая рана

Болезни смрадные лило...
И, страстным чувством увлеченный,
Мгновенно страх преодолев,
Сошел я в город зачумленный,
Неся в душе и скорбь, и гнев.
В то время шли толпой усталой
На площадь люди. Позади
Пошел и я. На площади́
Живых уж оставалось мало.
Народ в унынии молчал.
Близ нас лежала трупов груда.
И, пламенея, я вскричал:
«Уйдемте, братья, прочь отсюда!
В бесславной смерти пользы нет.
Страдать и мучиться — довольно!
Уйдем туда, где жить привольно, —
Велик и красен этот свет!..
Уйдем скорей от слез и воя,
Пока час смертный не пробил.
Здесь мертвым стало всё живое
И нет уж места для могил...
Что можем сделать мы? Взгляните:
На всем — проклятия печать!
Иль воскресенья мертвых ждать
Мы станем здесь?.. Чего ж хотите?
Людскою жизнью не живя,
Дрожать пред верною кончиной?
Или, припав над мертвечиной,
Жить подлой жизнию червя?
Здесь гибнет божие творенье,
Здесь человека нет следа...
Покинем все и навсегда
Мы эту мерзость запустенья!..»

3

Вещая ночь

Мне снилось — царство тишины...
Я шел пространными полями;
Небес далеких глубины,
Мерцая бледными звездами,

В свой мир таинственный меня
Путем переносили Млечным,
Всё завлекая и маня
К исчезновенью в бесконечном...
Казалось грезой бытие —
Так всё в природе тихо было;
И время шествие свое
В раздумье будто прекратило.
Одна плыла со всех сторон
С земли до неба ночь немая;
И чуял я, как жизнь, сквозь сон
Избытком силы выступая
Из лона дремлющей земли,
Не торопилась, не боролась;
Невольно наливался колос
И травы нехотя росли.
Но на пути моем порою
Мир, выходя из забытья,
Как бы беседовал со мною.
Ракит — печальная семья,
Посеребренная луною;
Межи прямая полоса;
Спокойных нив простор огромный
Вплоть до черты, где небеса
Склонили к ним свой купол темный;
И всё, что жило, в тишине
Тая свое существованье,
Казалось, говорило мне:
«Ты в наше вслушайся молчанье!»
И был однажды тот призыв
Так внятен мне... Я сел на землю
И, дум волненье укротив,
Вокруг себя гляжу и внемлю...
Широкий мне теперь простор
Еще громаднее казался.
Блуждал по всей равнине взор,
Ища пределов, — и терялся...
При свете лунном, в узах сна,
Необозримая, — лежала
Как символ вечности она —
И без конца, и без начала...
И чуткой слышал я душой,

Как на поверхности земной
Струился ток живого духа,
Незрим телесности слепой
И нем для чувственного слуха...
В даль беспредельную смотря,
Преданье вспомнил я родное
О долгом, мертвенном покое
Времен былых богатыря...
И он воскрес передо мною,
В земле безмолвной воплотясь...
Текущих дней живая связь
С давно минувшей стариною!..
Всё та же тяжкая дрема;
И мощь без меры и предела,
Казалось, выйти не хотела
Из-под гнетущего ярма...
Надолго ль ты, земля, заснула?
Ужель на жизнь надежды нет?..
И слышу, словно мне в ответ,
Вся — с края в край — она вздохнула...
Глубокий вздох!.. Что значит он?
Твои, земля, то были ль пени
На свой позор? на долгий сон
В оковах праздности и лени?..
Была ль то жалоба судьбе?
Освобожденья ли просила
Похороненная в тебе
Живая, творческая сила?..
Или, тоской истомлена,
Давно на подвиги готова, —
Покуда зреют времена
К свершенью дела мирового, —
Ты облеклась и в мрак, и в тишь
От вражьей зависти и злобы,
Но плод трепещущий таишь
Во глубинах своей утробы?..

Средь нив, задернута легко
Завесой зыбкою тумана,
Виднелась мне недалеко
Большая, чистая поляна.
Являться начали на ней

Всё прибывающие тени —
Как бы собрание людей,
В молитве павших на колени.
К востоку обратясь лицом
И к небесам воздевши руки,
Они молчали; но потом
Все поднялись — и гимна звуки,
Полны святого торжества,
Внезапно хлынули, как волны,
И ясно скорбные слова
Средь ночи слышались безмолвной:

«Многотруден наш путь, нас усталость томит.
Где прошли мы в труде и в неволе —
Реки слез там текут, море крови стоит...
Сжалься, боже, над нашею долей!

Где же мукам предел? И куда мы идем
Через тьму этой ночи глубокой?
Боже! Скоро ли день? Скоро ль свет обретем,
Призываемый нами с востока?

Хотя много уж сил жизнь у нас отняла, —
Наших сил и теперь не измерим;
Хоть изведали мы много горя и зла, —
Всё надеемся, любим и верим!

Боже, нас не оставь и нам помощь пошли!
Когда злая нас гонит невзгода,
Дай нам знать, что тебе слышны стоны земли,
Что ты видишь страданье народа!»

Поднялся ветер, загудев
Ответной песнию тоскливой
В траве полей, в ветвях дерев;
Шумя, заколыхались нивы —
И стихло всё... Видений след
Исчез в разорванном тумане.
Не слышно гимна; на поляне
Людей молящихся уж нет...
Но я, молитве и надежде
Предавшись весь, на небосклон

Смотрел и ждал... Со всех сторон
Немая ночь плыла, как прежде;
Всё то же царство тишины
Над беспредельными полями;
Всё так же бледными звездами
Мерцали неба глубины...
Святая тайна совершалась
Недавно здесь, и слышал я,
Как перед богом сокрушалась
И говорила с ним земля, —
И вот опять покой бесстрастный!
Ужели я вотще смотрю
В пустую тьму? Зову напрасно
И пробужденье, и зарю?
Благого, светлого начала
Душа ожившая моя
С такою верой ожидала,
Так горячо!.. И снова я
Весь в созерцанье погрузился;
Гляжу и напрягаю слух...
Свершает жизнь свой мерный круг, —
Обряд идет... Но где-то дух
Животворящий притаился...

4

Эпилог

Наяву

На свободную мысль и на правду святую
Ополчается темное зло, —
И порой я грущу, безнадежно тоскую;
На душе тяжело...

Осквернились умы словом лживым и праздным,
И, падению нашему рад,
Растлевает нам дух своим старым соблазном
Закоснелый разврат.

Гаснут света лучи... Ожидаю тревожно
Поглощения страшною тьмой,
И пугает меня призрак жизни подложной
Больше смерти самой.

И я веру зову! С нею в мире яснее;
На земном, многотрудном пути,
Среди бурь, под грозой нам отраднее с нею
Бремя жизни нести;

Веру в правду, в добро, в помощь силы любящей,
В неизбежность разумных побед;
Веру в жизненный дух, непрестанно творящий,
И в немеркнущий свет...

Разум, движущий мир! Дух всесильный и вечный!
В общей жизни участье нам дай,
И, народы ведя к тайнам цели конечной, —
Разрушай! Созидай!

1867

ПРОРОК И Я

1

Пророк

Я край родной в те дни оставил,
Когда, всемощен и высок,
Его умами грозно правил
В Москве явившийся пророк.
Он был не старец и не нищий;
Не в кельях жил монастыря;
Он не спасался, постной пищей
Плоть многогрешную моря;
Он не скитался полуголый;
Он в торжестве духовных сил
Вериги жесткой и тяжелой
На теле тощем не носил;
Не знал он черного народа,
И знать народ его не мог!
То был пророк иного рода —
Дворянский, собственно, пророк.

Мне живо памятно то время,
Как он, в предвиденьи беды,
Забот народных принял бремя
И нас взнуздавшие бразды.
Из стен священных кабинета,
Где наши ведал он дела,
Где у рабочего стола
Он мыслил ночи до рассвета,

Его вседневная газета
Во все концы России шла.
И Русь признала, что любовью,
Наверно, к ней пылает он,
Когда к дворянскому сословью
Усердно так расположен.
Он повторял: «Вперед хотите ль —
Взгляните с верою назад.
Гражданским духом кто богат?
Кто смысла земского хранитель?
Один дворянский предводитель —
Всей русской жизни результат!..»
В годину смут в шляхетной Польше
Он разрушал коварный ков
Народов запада, но больше
Громил он внутренних врагов.
Его заботил непрестанно
Патриотический вопрос:
Как цели нам достичь желанной,
Чтоб в нашей родине пространной
Единомыслие ввелось?
Чтоб дряни вечно недовольной
Не слышен ропот был у нас
И юность, мыслящая вольно,
Чтоб на Руси перевелась?

Он клал с настойчивостью строгой
На нашу жизнь свою печать,
И уж умов строптивых много,
Грозя прозваньем демагога,
Принудил сдаться и молчать.
С какой внимали мы тревогой
Передовым его статьям!
Всё грезится, бывало, нам
Мятеж, измена и коварство;
Всё ждем, что рухнет государство
И слышим треск его по швам!

А вслед за ним еще витии
В нас новый возбуждали страх,
Мешая в пламенных речах
Врагов пророка и России.

«Он наш оракул! Нам он щит
От притеснений и нападок!
Рукой надежной он хранит
Весь существующий порядок!
Кто не его — изменник тот,
Нечистый в помыслах! И верьте:
Желать обязан патриот
Тому иль каторги, иль смерти!»
И точно: в грозные те дни
Кому бы казнь изрек оракул —
Того повесили б они
И даже посадили б на́ кол...
Так наши сдерживать умы
Любил пророк, волнуя страсти;
Так, подчинясь полезной власти,
За ним, как тень, следили мы.
Со всей России телеграммы,
Полны восторгов и похвал,
К нему летели. Наши дамы
В нем обрели свой идеал.
У всех до крайнего предела
Мгновенно гордость возросла...
О, как торжественно и смело
От патриотов нам гремела
В честь наших доблестей хвала!..
Противоречьем ни единым
Не оскорблялся чуткий слух;
И даже там — по тем гостиным,
Где наш блистает высший круг, —
Как дома веял русский дух!..
С своею долей свыкся каждый.
Духовным голодом и жаждой
Страдать никто уже не мог.
На нужды дня то сам пророк,
То клубных праздников оратор
Нам отпускал здоровый корм...
И стал спокоен консерватор
Насчет свершившихся реформ...
Глазам не веря и пророка
Благодаря в душе глубоко,
Мы озирались... Всюду гладь!..
Да тишь, да божья благодать!..

Зато величия земного
Таких достигнул он вершин,
Каких достигнуть даром слова
Не мог писатель ни один! . .
Над братьей пишущей главенство
И, пред лицом России всей,
Благословенье духовенства
И покровительство властей.
Итак, я родину оставил,
Когда московский наш пророк
Ее умами грозно правил
И был всемощен и высок. . .
Но наступили дни расплаты. . .
Недаром были им подъяты
Неимоверные труды!
Рука, напрягшая бразды,
Теперь устала и ослабла.
Людской молвы усталый слух
Не различает. Взгляд потух.
Остыла страстность. Слово — дрябло.
Еще он навык сохранил
Нам объявлять свои веленья, —
Но нет уж власти, нет уж сил;
И в нас уж нет повиновенья.
Перо угроз, перо обид
И обвинений раскололось,
И трепет наводивший голос
Теперь надорван и разбит. . .
И вот он поступью усталой,
Уже развенчан, сходит к нам
С вершин, где некогда блистала
Его звезда и где, бывало,
Ему курился фимиам. . .

2

Я

Я также, чужд иным заботам,
Пророка вещие слова
Твердил на память; но под гнетом
Такой премудрости едва
Не изнемог. . . Дошел я скоро

Уж до того, что разговора
Не вел иного, как о нем,
С кем ни случился бы вдвоем.
Почетно быть пророка эхом.
Ему противиться с успехом
Еще почетней, может быть.
Счастлив, кто мог себе добыть
Победный лавр пером и смехом;
А я... желал его забыть.
Но тщетны поздние старанья!
Хотя листы его изданья
Я непрочитанные рвал, —
Но помнил все его деянья
И самого не забывал.
Потребно стало мне леченье!
И наконец я бросил всех,
Эпитимьей уединенья
Чтоб искупить все увлеченья
И празднословья тяжкий грех.
Но опыт вышел неудачный...
Хоть взорам чувственным незрим,
Пророк, то радостный, то мрачный,
Вседневным гостем был моим.
Он прерывал мои занятья,
Угрозы в ухо мне шептал,
Иль нежно простирал объятья,
Которых я не принимал.
Безмолвье было мне тяжеле
Людских собраний и молвы.
Скитаться начал я без цели
Один по улицам Москвы.

И помню: брел я за шарманкой,
Визжавшей мне: «La ci darem...» [1]
Вдруг вижу: Сретенка; меж тем
Как шел я прямо всё Лубянкой...
Да где ж конец одной сперва?
И где ж затем другой начало?
Проклятый случай!.. Голова
Ему подобный вспоминала;

---

[1] «Вручу тебе...» (итал.) — *Ред.*

Так и пророк признался нам,
Что положительно не знает:
Где Русь любить он кончил сам
И где товарищ начинает.[1]
Хоть это глупо и смешно,
Но чувством полон я досадным...
Ужель в забвении отрадном
Мне отдохнуть не суждено?
Я продолжать хотел прогулку,
Но слышу крики: «Догоняй!
Он ушмыгнул по переулку!
Ишь сволочь! жулик! негодяй!»
Слова знакомы. Их значенье
Знакомо также. Этот слог,
Крепостникам кадя, пророк
С успехом ввел в употребленье.
И патриот иной бы мог,
Пожалуй, впасть в недоуменье:
За кем гнался городовой?
Кто ж убегал так торопливо?
Ужель посредник мировой
Первоначального призыва? ..
Потом я вижу каланчу,
И наверху пожарный ходит...
Опять! Хоть думать не хочу,
Но этот вид на мысль наводит,
Что высоко и *он* стоит,
И *он* опасность предваряет;
Пожарный знает, где горит,
А наш пророк — кто поджигает.
Нет, излечить меня — увы! —
Среда московская не может...
Одно есть средство: мне поможет,
Напротив, бегство из Москвы.
Всё, что ни вижу я, без шутки
Напоминает мне о нем:
Пустырь, заборы, барский дом,
Казармы, клубы, школы, будки,

---

[1] По поводу патриотической деятельности г. Катков однажды выразился, что не знает, где кончается он сам и где начинается г. Леонтьев.

Собора древняя глава,
Разбитый колокол Ивана...
И всё, что видела Татьяна,
Когда предстала ей Москва.
Я бросил этот город древний
И думал: воздухом деревни
Я освежусь, предавшись там
Успокоительным мечтам.
Но помогла деревня мало;
Надежды не сбылись мои!
Не всё же пели соловьи,
Чтоб услаждать меня. Бывало,
Сижу под липою — и вдруг
Ко мне подходит та же дума...
Так к мухе близится без шума
Поспешной поступью паук.
Я со скамьи с досадой встану
И вон из саду — на простор!
Хочу рассеять ум и взор,
Глядя с любовью на поляну...
Какой спокойный, скромный вид!
Вот ветерок траву колышит;
От тучек тень по ней бежит...
Вся тварь как бы блаженством дышит;
Степенно хрюкает свинья,
Блеет баран, трещит сорока...
И тут некстати вспомнил я
Двух-трех поклонников пророка...

1868

НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Проходит время торопливо,
И вот давно уж я живу
В местах мне чуждых,[1] особливо
Столь не похожих на Москву;
Но как настойчиво и живо —
Порою слякотью покрыт,
Порой объят и тьмой, и стужей —
Передо мною всё стоит,
Москва, твой образ неуклюжий!
Москва бы ничего... Увы!
В те дни свела меня судьбина
С татарским типом гражданина,
Царившим грозно средь Москвы...
Вот этот тип из головы
Не скоро, кажется, я выну.
Он всё сидит во мне с тех пор,
Как прохвативший сердцевину,
Забытый в дереве топор.

Что ж нового в Москве?.. Конечно,
Факт утешительный для нас,
Что там теперь пылает газ
Наместо прежней тьмы кромешной.
А свет другой — духовный свет —
Еще всё в том же положеньи?
Всё на уме лежит запрет,
Чтоб не мешал он просвещенью?
Свободной мысли строя ков

---

[1] В Германии.

И подпуская ей булавки,
Кричат ли воины в отставке
О пользе древних языков? . .
Я помню, как в Москве, бывало,
Душа рвалась и тосковала,
И я спасения искал
От новых нравственных начал.

Так было скверно там и жутко!
Не знал, себя как уберечь;
Могла постичь плохая шутка
В зловещей тьме от разных встреч. . .
Тут оберут монет излишек,
А там — излишний груз идей;
Равно боишься и воришек,
И уважаемых людей.
Ужели дух Москвы почтенной
Не обновляется ничем?
И патриот наш современный
Не надоел себе и всем?
Ужель тоска его не гложет?
Не просит ум иных забот?
О, сколько ж лет еще он может
Твердить одно: «Я патриот!»?
Ведь так хлопочем с давних пор мы
Всё лишь о целости земли,
Что содержаньем нашей формы
Уже совсем пренебрегли.
Какой на степени вопроса
В Москве предмет теперь стоит?
На что она взирает косо,
И что ей сердце веселит? . .
Вот хоть бы право крепостное —
Сей ждавший воскресенья труп. . .
Наверно, что-нибудь такое
Предвидит Английский там клуб.
На этот счет он, без сомненья,
Сейчас бы просветил меня;
Ведь там главнейшая стряпня
Идет общественного мненья.
Житье в Москве — не наслажденье;
О нет! . . А право, иногда

Без клубных слухов я тоскую
(Вот как сегодня)... И тогда
В Москву хотел бы, на Тверскую!
Чуть только явится хандра
И эта надобность приспичит —
Меня как власть оттуда кличет:
«Пора в Москву! В Москву пора!»

Покончу я с моей тоскою!
Направлю тотчас же шаги
В Москву, чтоб свидеться с Тверскою...
Воображенье, помоги!

О, боже! *Не белы́ снеги́*
Скрипят под легкою ногою...
Ручьи, бугры, ухабы, грязь!
Иду я бережно, боясь,
Что буду выпачкан и ранен...
О, ты недаром, москвитянин,
Выходишь из дому крестясь!
Зима с Москвой простилась рано, [1]
Преданьям старым неверна;
Теперь равно для басурмана,
Как и для русского — весна.
Странна изменчивость такая...
Но во сто крат, по мне, странней
Переворот в душе моей:
Я размягчаюсь, словно тая,
Как эта глыба снеговая!
Как эти мутные ручьи,
Во мне все чувства взволновались,
Разрушив строгий мой анализ
И мысли злобные мои.
Не стал мой ум добрей и шире;
Но он разбух и разрыхлел,
Как будто б выпил и поел
Я в Ново-Троицком трактире.
И я шепчу: «Москва! ты в мире
Всему начало и предел!
Ну что нам Запад? Что он знает?

[1] Писано в феврале 1869 г.

Где ж европейцу-дураку!..
Ведь Русь лишь тем и созревает,
Что преет в собственном соку!..»
Чуть только грустных дум тревогу
В себе успеешь ты смирить
И, как медведь свою берлогу,
Россию примешься любить,
Познав, сколь этот труд ни тяжек,
Душой блажен ты станешь вдруг!..
Так тело нежится без брюк,
Без сапогов и без подтяжек.
И вот иду я, облечен
В духовный шлафрок «патриота»,
Иду как будто бы сквозь сон
И — натыкаюсь на кого-то...
Сперва мне видится одно
Большое под бекешью чрево.
Я — вправо, тут же и оно.
Я — влево, и оно налево...
И уж потом мои глаза,
Расставшись с чревом и с бекешью,
Встречают жирный лик *туза*
С собольей шапкою над плешью.
Он нашей пляске ждал конца;
Дышал с трудом; губа отвисла...
Я разглядел черты лица,
Но не успел понять их смысла.
Еще раз пять посторонясь,
Мы расстаемся; но... как странно!
Весь мой лиризм исчез нежданно.
Я снова вижу, отрезвясь,
Одну лишь уличную грязь.
Теплом весенним солнце греет;
Но ни балкона, ни окна
Еще никто открыть не смеет;
И из москвичек — вон, одна
Жеманно ходит вдоль балкона —
С вихрами мокрыми ворона...
А грязи, грязи-то!.. Едва
Не захлебнулась в ней Москва...
Вот человек избитый, пьяный,
На вид подобный мертвецу;

И только кровь, сочась из раны,
Свои размазала румяны
По зачумленному лицу.
Он молча мутным взором водит,
К стене, как кукла, прислонен. . .
Толпа зевак со всех сторон
На это зрелище подходит.
Один качает головой,
Другой трунит над пьяной рожей;
Но власть имеющий прохожий
Воскликнул: «Где ж городовой? . .»
Расслыша голос роковой,
Взывавший грозно к правосудью,
Бедняк очнулся. . . Наклонясь,
Хотел шагнуть — и грохнул в грязь
Чрез тумбу головой и грудью. . .
Нет в мире худа без добра.
Когда б не эта грязь — конечно,
Убился б до́ смерти, сердечный! . .
Однако к клубу мне пора.
Плывет по грязи вереница
Саней, колясок и карет. . .
Какие важные всё лица!
Подобных за границей нет.
Сидят, нахмурив строго брови
И величаво развалясь. . .
Смотрю: что ни москвич, то князь
Чистейшей рюриковской крови. . .
А между тем какая грязь!
Она в лицо мне брызжет даже
От этих глупых экипажей. . .

Вот клуб!! Хоть а́нглийский — а Русь!
Здесь наконец я наберусь
Суждений, слухов, толков, сплётен —
И, снова на год беззаботен,
В свой тихий угол возвращусь. . .
О чем тут речь? Какие споры?
Садятся, может быть, за стол?
В какое время я пришел?
Уж сумрак сходит. . . Час который?
А день? Четверг!! Как! Значит, нет

Здесь ни собраний, ни бесед?..
По середам да по субботам
Тут пищи много патриотам...
Зачем же прибыл я в Москву?
Клуб!.. Я не член, чтоб в этом месте
Иметь покуда rendez-vous; [1]
А может быть, до этой чести
Я никогда не доживу...
Своей мне ветрености стыдно
Перед степенностью Москвы!
Знакомых, впрочем, тут не видно;
Одни с ворот лишь смотрят львы
И улыбаются ехидно...
Ну что ж!.. Так и пойду домой,
Не подкрепясь московской пищей,
Как на ночлег с пустой сумой
Подчас бредет голодный нищий.

Пора, пора! Уже темно.
Меж фонарей в мерцаньи слабом
Ныряют сани по ухабам...
Мне стало грустно, скучно! Но —
Есть утешение одно:
Я знаю — будут колебанья
И, расшатавшись, рухнет зданье
Начал московских!..

А потом?
Растратив силы, отдохнем?
Иль вновь начнется кочеванье
Средь наших умственных степей
Без вех, без целей, без границы;
И при безмолвии властей
Недоумение нулей —
К какой примкнуть им единице?..

1869

---

[1] Свидание (франц.). — *Ред.*

В ЧЕМ ВСЯ СУТЬ?

Заграничная сцена из русской жизни

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сараев, лет под 60.
Кузьмин, лет 25-ти.

Действие в Киссингене, в августе 1871 года. Тенистая аллея в парке в некотором отдалении от источника и курзала. На сцене одна скамейка, на которой сидит Сараев. Он с проседью, без бороды, тучен, красен и дышит с затруднением. Одет в легкий летний сюртучок и держит на руке пальто. Шляпа маленькая, соломенная. Туалет его изящен. Он курит сигару. Вдали оркестр играет попурри из патриотических немецких песен, среди которых особенно торжественно выдается: «Die Wacht am Rhein».[1] В продолжение действия изредка проходят через сцену прогуливающиеся дамы и мужчины, то в одиночку, то попарно и группами. Около семи часов вечера.

Сараев

Ужель в стране чужой никак сойтись нельзя
Двум представителям России православной,
Чтоб не объесться так исправно,
Как вот теперь объелся я?
Добро б здесь был Париж!.. Ведь даже стыдно, право!
Здесь люди лечатся. Возьмите немца... Тот
Блаженствует, когда за гульден в table d'hôte[2]
Ест мяса лоскутки с помойною приправой.

---

[1] Стража на Рейне (нем.). — *Ред.*
[2] Общий стол (франц.). — *Ред.*

А я... тюрбо — фазан — коза — ростбиф —
Пулярка — трюфели — компоты — крем — печенье —
Ликера — вина... уф! Какое ж тут леченье!
Вопрос поставлен так: я завтра буду ль жив?

(Вынимает из кармана карту обеда и просматривает ее.)

Еще шуфлер, салат, да сыр, да фрукты... шутка!
Здесь хватит смерть как раз того, кто этак ест.
Нельзя в сообществе российского желудка,
Скитаясь по́ свету, искать целебных мест.
С ним только путь найдешь кратчайший на кладбище.
Да, мы едим!.. Купцы, дворяне... Вот народ —
Простой, рабочий люд — весьма умерен в пище;
Зато уж как же пьет!..

Излишек благ земных утробе нужен русской
За воздержание, которое в умах.
Ведь пробавлялись мы по части прочих благ
Всегда лишь легкою закуской.
В ином питаньи нам и надобности нет;
А то мы тысячу не прожили бы лет.

Что ж! Наш режим хорош! Он единицам вреден;
Но в смысле общем он здоров.
Один едой богат, тот водкою не беден...
Ну! кротость духа есть, и трезвость есть умов.
На Западе везде, — во Франции тем боле, —
В чем заключаются причины кутерьмы?
Желудки просят прав, а вовсе не умы.
Ни род, ни капитал не думают о воле.
Всё нищие! Пришлось на полку зубы класть,
Вот и мозги работать стали.
Что́ с псами делают, чтоб лаять перестали?
Куском им затыкают пасть.

Недавно и у нас неладно было что-то...
И даже дворянин, при свойствах патриота,
Вдруг начал примечать то здесь, то там изъян
С освобождением крестьян.

И вот реформы нам посыпались без счету,
Хоть, впрочем, я не всё могу принять за льготу, —
Публичный гласный суд, свободная печать...
Ведь так, пожалуй, мы дойдем и до... Как знать!..
Нет! русский дворянин в прогрессе знает меру.
Он — государства столб. Отцов блюдет он веру.
Народа — разум он, по званью своему,
И... словом, может власть довериться ему.
Но вот кто — голыши без племени, без рода...
Они уже и так не связаны ничем:
Ни обязательств нет, ни нет связей; меж тем
Нужна, вот видите ль, им прежде нас свобода.
Порядок их гнетет. Их тяготит сам бог.
И вот наш демократ без бога, без сапог,
Без правил, без родства — живет себе как птичка.
При нем лишь имя есть. И то не имя — кличка.
Ничтожность гордая! Огромный, дерзкий нуль!..
Да; не хочу скрывать: я сволочь ненавижу;
Но я не слеп. Везде вещей я сущность вижу,
Сужу ли о себе, других в пример беру ль.
Отечество любить — по совести — кто может?
Кто верный сын его? Конечно, уж не тот,
Кто корки черствые с родных полей жует
И кто родимых стад одни лишь кости гложет.
От пищи этакой навряд ли выйдет прок.
Уж если даже нас мутит дороговизна,
Как ждать, чтобы бедняк быть патриотом мог?
Коль кушать хочется — какая ж тут отчизна?
Чтобы страну любить — необходим досуг;
И стимул доблестей гражданских есть достаток.
Граждане — не блины. Не испечешь их вдруг.
Рожденье на людей кладет уж отпечаток.

Дороговизна... да! А средств упадок быстр.
Я кризис изучил на собственном кармане,
И мной предупрежден об этом был заране
Наш управляющий финансами министр.
Еще я набросал один трактат, в котором
Все меры новые учтиво на́звал вздором.
Ведь способ управлять так прост: кто сыт и пьян —
Не политический тот в обществе буян.
О, развлекайте нас!.. Старайтесь, ради бога!

Вопросов и задач так накопилось много,
В Европе слышится подчас такая речь
И о таких вещах... Старайтесь нас развлечь!
Пусть старый мир свою нам продолжает сказку,
Всё ту же самую, пространней, не спеша.
Вся сущность дела в том, чтоб отдалить развязку...
Нехороша она! Ах, как нехороша!..
Сомненья нет: нас ждет черт знает что такое!..
Так дайте ж нам пожить приятно и в покое,
И развлекайте нас!..

Благословен будь тот,
Кто сочинил войны кровавый эпизод!
Конечно, много жертв... В войне нельзя иначе...
Но если хоть одной отложен срок задачи, —
Спасибо и за то! Все бедствия войны
Благодеянием таким искуплены.
Патриотизм в ходу! Не важно разве это?..
Хоть цифра и растет военного бюджета,
Производительных нельзя жалеть затрат;
Духовно станем мы богаче во сто крат.
Помимо прочих благ, уж и того довольно,
Что нас военный дух настроит богомольно.
Понятно, что, ума надменность отстранив,
Воитель самый злой в душе благочестив.

Строй мыслей нынешних, на прежний строй похожий,
Надежды подает. Тут перст мне виден божий.
Начала, коими держались искони
Судьбы людей и царств, воскресли в наши дни.
Начала верные — и тем верней, чем старей...
Вот вы увидите! Всё примет прежний вид,
И старая опять работа закипит,
С дипломатических начавшись канцелярий.
О ты, политика, наверно, нас спасешь,
Восстановив свое значение на свете!
Пускай умы твою разгадывают ложь,
Пускай они твои распутывают сети...
Ни меч и ни перо не страшны нам твои.
Хоть вдоль, хоть поперек Европу ты крои —

Прекрасно, коль меж тем ну два хоть поколенья
Ты от сумбурного отклонишь направленья!..

События должны нас мудрости учить.
А мудрость в чем теперь?.. О люди, люди!.. Верьте:
Мир ветхий рушится; нам не избегнуть смерти...
Что ж делать нам?.. Продлим, сколь можно, жизни нить
И поживем же всласть, пока есть силы жить!..

Итак, трактат мой... да!.. Так вот его основы:
Воинственный в нас дух пусть будет дух суровый;
Но чуть из строя вон — ищи иных начал.
Не надо, чтоб народ задумчиво скучал,
Пусть вдоволь все любви вкушают наслажденья,
Чрезмерно не плодя народонаселенья.
Пусть пьет простолюдин; то вовсе не порок,
Доколе вносятся и подать, и оброк.
К тому ж во всех странах давать казне доходы
Должны путем прямым и косвенным народы.
Комплотов не терпя, правитель-патриот
Не должен допускать и трезвости комплот.
А если уж блюсти народа нужно нравы, —
На то довольно мер отеческой расправы.
Притом же судим мы о нравах так и так.
Карайте нигилизм, его гражданский брак;
Но есть хоть и разврат, однако без системы,
Такой, что даже с ним безвредней стали б все мы.
Политик-психолóг не должен быть пурист.
Что лучше? Выбирай: блудник иль нигилист?
Нет, я ничуть не враг ни песен гривуазных,
Ни танцев этаких, ни этих зрелищ разных...
Нагие женщины — ручаться я готов —
Нас отвлекут как раз от голых бедняков;
А уж известно нам, что плач над меньшим братом
В союзе состоит с опаснейшим развратом.
Образование умно пойдет у нас,
Лишь пользовался б им один наш высший класс;
Он призван управлять отечества делами.
Затем вся мелюзга займется ремеслами.
Есть мненье мудрое, и высказал его
Один приятель мой: не надо никого

К науке привлекать; особенно же вредно
К ней привлекать людей, рожденных в доле бедной.
Весьма неграмотен у нас народ простой,
Но — как уж доказал другой приятель мой —
Мы, просвещая чернь, плохие педагоги.
На что ей грамотность? Чтоб совершать подлоги?
Да; связь бы двух систем устроить мы должны:
Французской с прусскою; французской — до войны...
Усвоим эту связь, я думаю, как раз мы.
Народный гений...

(Схватывается за желудок.)

Ох!.. Вот начались уж спазмы.
Министром быть бы мог, а не могу постичь,
Что не в диковинку ж мне рыба, что ль, иль дичь...
Как нищий жру!.. Беда! Желудку отдых нужен.
Сегодня закажу я самый легкий ужин.

(Читает карту обеда.)

Тюрбо, фазан, коза...

Входит Кузьмин, читая газету. Он останавливается на некоторое время и, окончив чтение, весьма взволнованный, прячет газету в карман и, не обращая внимания на Сараева, бросается, как бы в изнеможении, на другой конец скамейки.

Кузьмин

Ах, боже мой!..

Сараев

(смотрит с неудовольствием на Кузьмина, сильно покачнувшего скамейку; потом мало-помалу успокаивается и обращается к нему с любезным выражением в лице)

Вы — русский?

Кузьмин

Да.

Сараев

Вас выдал вздох родной.

Кузьмин

Как это?

Сараев

Вы сейчас «Ах, боже мой!» сказали
И на скамью как сноп упали.

Кузьмин

А!.. может быть.

Сараев
(шутливо)

Такой религиозный вздох!..
Никак бы этого я ждать от вас не мог.

Кузьмин

А что?

Сараев

Вы — юноша.

Кузьмин

В душе так было скверно...

Сараев

В душе?!. Решительно: вы — юноша примерный.

Кузьмин
(как бы очнувшись и с любопытством посмотрев на Сараева)

Мне кажется, я вам мешаю. Я уйду.

Сараев

О нет!.. Зачем?

Кузьмин

Вздохнул я громко на беду...

Сараев

Так что ж?

Кузьмин

Вы притчами пустились изъясняться...
Трунить как будто бы...

(Встает.)

Сараев
(берет его за руку)

Вы, право, ошибаться
Изволите. Прошу мне сделать честь
Хоть на́ десять минут со мною здесь присесть.

Кузьмин

На что ж я нужен вам?

Сараев
(встает с трудом)

Я вас прошу.

Кузьмин
(садится)

Пожалуй.

Сараев
(также садится. После некоторого молчания)

Я не́молод уже, хоть и не стар пока...
А ежели и стар, то всё же добрый малый,
И осудили вы поспешно старика.

Молчание.

У молодежи мы — за что, не знаю, право, —
Плохою пользуемся славой.
Ведь так? Особенно, мне кажется, студент
Совсем нас своего лишил благоволенья...

Кузьмин

Потеря эта вас приводит в огорченье?

Сараев

Чтут только женщины за правду — комплимент.
Чтоб я такую мог оплакивать потерю —
Вы не поверите... Не правда ль?

Кузьмин

Не поверю.

Сараев

Вот то-то же. Вопрос лишь сводится на то:
Меж нами есть вражда, — мы знаем ли: за что?

Стена, стоящая меж крайних поколений,
Быть может, сложена из недоразумений.
И что ж? На фикции основана тогда
Непримиримая вражда.

(Заметив, что Кузьмин улыбается.)

Имею я давно и мысли, и проекты...
К движению стремясь вперед, а не назад,
Как в жизни я мудрец совсем не строгой секты,
Так и в политике ничуть не ретроград.

Молчание.

Итак, вот видите. Мне кажется, теперь я
Успел вас убедить кой в чем на этот счет.

Молчание.

Иль нет?

Молчание.

Я вам еще внушаю недоверье?
Ну что ж! Я крепостник? Иль старый идиот?

Молчание.

Вы извините... но — ведь это неучтиво
Молчаньем отвечать на этакий вопрос.
Я в правилах других воспитан и возрос:
Со всеми вежлив я, с иными ж особливо.

Кузьмин

Позвольте, оскорблять я и не думал вас.
Навряд ли может быть молчание обидно.

Сараев

Красноречивей слов молчание подчас.

Кузьмин

Но согласитесь же, пока ведь мне не видно,
Чтоб вы... чтобы ваш взгляд... он, словом, до сих пор
Неясен...

Сараев
(решительно)

Переменим разговор.

(Принимая тон важный и беспечный.)

Вы, молодой *члавек,* приехали недавно?

Кузьмин

С неделю.

Сараев

Помогла вам здешняя вода?

Кузьмин

Не пробовал. Себя я чувствую исправно.
Я с матерью.

Сараев

Она здесь пользуется?

Кузьмин

Да.

Сараев

А вы что ж? Так себе?

Кузьмин

Я с ней по той причине,
Что женщина больна, присмотр ей нужен... ну!
Притом же кое-что я смыслю в медицине,
Так не хотелось мне пускать ее одну.

Сараев

Ведь вот опять, нельзя ж мне не заметить:
Вы добрый сын; вам жаль, что матушка больна;
Печетесь вы о ней; а в наши времена
Любовь сыновнюю какую ж можно встретить?
Я даже слышал так... быть может, люди врут...

(Смотрит, замолчав, на Кузьмина.)

Кузьмин

Что?

Сараев

Будто юноши, увлекшись рассужденьем,
Что все мы случаю обязаны рожденьем,
Своих родителей — «случайностью» зовут.

Кузьмин

Как?

Сараев

Так и говорят: «моя случайность».

Кузьмин

(громко хохочет)

Кто же
Вам это рассказал? Однако вы — шутник!
Умора!

(Продолжает хохотать.)

Сараев

Хоть смешно, — на истину похоже.
У вас, у молодых, — особенный язык.

Кузьмин

«Случайность»! Я своей «случайностью» доволен.
Вы угадали. Да, люблю старуху мать.
Так страх берет, когда начнет она хворать,
Что думается мне: уж лучше б я был болен.

Сараев

А ваш отец?

Кузьмин

Он помер.

Сараев

Где ж он жил?

Кузьмин

В Санкт-Петербурге.

Сараев

Там служил?

Кузьмин

Служил.

Сараев

И помер?

Кузьмин

Помер.

Сараев

Там же?

Кузьмин

Там.

Сараев

Давно ли?

Кузьмин

Да ровно год тому назад.

Сараев

На службе был счастлив?

Кузьмин

Так. Не играл он роли.

Сараев

А в чине был каком?

Кузьмин

По-здешнему: штатсрат.

Сараев

Гм!..

Молчание.

Здесь народу тьма. Еще разгар сезона.
Квартирой вы своей довольны?

Кузьмин

Ничего.

Две комнаты. Чисте́нько.

Сараев

Без салона?

Кузьмин

Как?

Сараев

Без салона?

Кузьмин

Да. Две комнаты всего.
Вот не привыкнет мать к трактирной здешней пище.

Сараев

Всё дорого теперь.

Кузьмин

Не дешево. Обед,
Квартира, врач... Хоть я, пожалуй, и не нищий,
А лишних капиталов нет.

Сараев

Конечно.

(Помолчав.)

Очень рад знакомству. Именуюсь
Сараев, Александр Ильич.

Кузьмин

Рекомендуюсь:
Кузьмин.

Сараев

Весьма я рад. Вы, господин Кузьмин,
Мне очень нравитесь. Почтительный вы сын
И дельный молодой *члавек*. При первой встрече
Уж заключить о том я мог по вашей речи.

(Помолчав.)

Что ж, давеча вздохнул о матери небось?

Кузьмин

Кто это?

Сараев

Вы.

Кузьмин

О нет.

(Вынимает из кармана газету и указывает Сараеву то, что читал.)

От этого вот чтенья.

Сараев
(берет газету)

Позвольте. Вот сейчас в моем к вам обращеньи
Местоименье «ты» чуть-чуть не сорвалось.
Скажите наперед: вам неприятно будет,
Когда порой у старика
Вдруг «ты» сорвется с языка?

Кузьмин

Ну, что ж! От этого меня ведь не убудет.
Коли сорвется, пусть! Привычка, знать, сильна.

Сараев

Оставь нам хоть ее в такие времена,
Где всеми юноши правами завладели!

(Надевает pince-nez[1] *и смотрит в газету.)*

А! .. политический процесс! .. Вот в этом деле
Лишь исключение встречается одно:
Порядок нарушать им права не дано.

Кузьмин

Тут возраст ни при чем. Занятье этим делом
Не дозволяется ни в молодом, ни в зрелом.

Сараев

Положим, что и так; но в людях зрелых лет
Порядка колебать намерения нет.
Ты мимо выстрелил, мой друг, своим ответом.

Кузьмин

Я в вольнодумстве вас и не виню.

Сараев

Постой!
Ты выслушай. Совсем я не об этом. . .

Кузьмин

Для многих выгодны рутина и застой. . .

[1] Пенсне (франц.). — *Ред.*

Сараев

Не о застое речь, и дело не в рутине,
А в страсти разрушать!..

Кузьмин

Да по какой причине?

Сараев

А бог их знает!.. Страсть!..

Кузьмин

Да страсть-то почему?

Сараев

Так!.. Дай, мол, на Руси подымем кутерьму!..
Я также прогрессист...

Кузьмин

Слыхал.

Сараев

Послушай снова.
А всё должна же быть под обществом основа...
Насчет основы-то, мой друг, как для кого —
А я стою за status quo.[1]
И доводы мои так правильны и вески,
Что их легко понять логичной голове.
Основа есть канва; прогресс же — арабески.
Пожалуй, вышивай, — но только по канве.
А если ты, хотя и золотою ниткой,
Начнешь по воздуху свой ковырять узор,
Ты только насмешишь, мой друг, своей попыткой,
И твой прогресс — есть пуф и вздор!..

Кузьмин

Да, веско!

Сараев

То-то.

---

[1] Положение, существующее в данный момент (лат.). — *Ред.*

Кузьмин

Да. Как хороша погода!
Пойти бы погулять.

Сараев

Окончим разговор.

Кузьмин

Ну что! Суждения ведь все такого рода,
Что пользы нам от них немного до сих пор.

Сараев

Но мы ведь не дошли еще до заключенья.

Кузьмин

Но вряд ли и дойти нам этаким путем.

Сараев

Побольше прямоты, спокойствия, терпенья —
Тогда, быть может, и дойдем.
Будь искренен. Скажи — как верный сын отчизны, —
Ужель не проклянешь ты этаких людей?..
Ужели ж и дела, и мысли их твоей
Не заслужили даже укоризны?..

Кузьмин молчит.

Ну что ж молчишь, мой друг? Иль это — ничего?
Иль, может статься, сам, те ж замыслы лелея,
Ты видеть на Руси желал их торжество?
Скажи. Я не agent provocateur. [1] Смелее!..

Кузьмин

Да что мне вам сказать?

Сараев

Как — что?.. Ты любишь Русь?

Кузьмин

Друг друга понимать так трудно зачастую...

Сараев

Да Русь ты любишь?

---

[1] Тайный агент-провокатор (франц.). — *Ред.*

Кузьмин

Я вот и теперь боюсь...

Сараев

(всё с бóльшим нетерпением)

Ты любишь Русь?

Кузьмин

Русь?

Сараев

Да!

Кузьмин

«Святую», что ль?

Сараев

Святую!
Я сын святой Руси! Любовью к ней горжусь!
И это всем скажу!.. А ты как?

Кузьмин

Я скажу ли?
Нет!.. Разве наперед взобравшись на ходули.
Я пафоса в делах подобных не терплю.
Во-первых, что за Русь? Россию я люблю.
Вот к ней любовь сильна. Но не к «святой», конечно;
А к той, какая есть на деле, — к многогрешной.
Притом к немой, к слепой, к глухой... Вот, вместо фраз,
К ней подходящие эпитеты как раз.
Действительность любить действительной любовью —
Не то, что вяло млеть пред призраком пустым.
Я родину люблю и нервами, и кровью,
И мозгом... всем, что есть, всем существом моим.
Делю я горе с ней и радость — коль случится.
Когда — ей поклонюсь; когда — ее ругну.
Как равный равную люблю свою страну.
А вы нас учите: святой Руси молиться.
Мы лишь поклоны класть да ей кадить должны...
Какая ж тут любовь!.. Роль вашего кумира
С восторгом сменит Русь на роль живой страны
Среди живого мира!

Сараев

Прекрасно! Ты правдив, не любишь фраз,
Ты любишь родину гораздо лучше нас, —
Тем любопытнее мне знать, какого рода
Ты наконец мне дашь ответ.
Я спрашивал тебя: сочувствуешь ты?..

Кузьмин

(резко и нетерпеливо)

Нет.

Сараев

Гм!.. Ты не думаешь, что польза для народа
От них могла бы?..

Кузьмин

Нет.

Сараев

Так эти господа
Под категорию преступных?..

Кузьмин

Да.

Сараев

(помолчав)

Еще один вопрос: со мною откровенно
Ты говоришь об этом?

Кузьмин

Совершенно.

Сараев

Ну, верю. Почему ж, почтеннейший Кузьмин,
Так долго мялся ты? Какая же причина...

Кузьмин

Я объясню вам. Есть здесь русский господин,
Таких же лет, как вы; того ж, быть может, чина;
Но нет сомнения, что общества того ж.
Уж очень он на вас манерами похож.

За общим он столом, как следует соседу,
Притом соотчичу, повел со мной беседу;
Но так как есть всему и мера, и предел,
Я, кончив мой обед, прервать ее хотел.
«Куда вы?» — говорит. «Сегодня очень жарко;
Пойдемте погулять в тени прохладной парка».
Пошли. Вдруг видит он: ползет большой червяк.
«Ишь, пресмыкается, — он говорит, — бедняк
У самых наших ног, бессилен, безоружен.
Пускай живет! Почем я знаю, говорит,
Быть может, он еще в системе мира нужен.
Природа мудрая без цели не творит.
Я, говорит, всегда червя или козявку
С дорожки подыму и отнесу на травку».
Смотрю: действительно, он так и поступил —
Червя, подняв с земли, на травку положил.
Вот, думаю, душа любовная какая!
Ведь сущий ангел во плоти!..
И так болтаем мы, всё рядышком шагая;
Но вздумал от червей он к людям перейти.
И лишь коснулась речь вот этого процесса,
Соотчич-ангел вдруг преобразился в беса.
И голоса его ласкающий напев,
И мягкость тучных форм, и взоры с поволокой —
Исчезло это всё в одно мгновенье ока.
Он словно похудел, трясясь и побледнев.
Наместо барственной, развалистой походки,
Как лошадь с норовом, прыжками он пошел.
То, шляпу сдернувши, взъерошит свой хохол,
То тростью загрозит; а между тем из глотки
Импровизация ругни так и лилась.
Смотрю, уж публика сбирается вкруг нас;
А он, под тению общественного сада,
Орет: «Казнить их всех! Их перевешать надо!..»
Неловко стало мне и стыдно за него.
Я начал укрощать... Куда! Взамен того,
Чтоб отнестись к моим внушеньям благодарно,
«Вся молодежь, — кричит, — вся с ними солидарна!»
Так вот что! Эта злость тупая мне мерзит.
О массе юных сил погибших я жалею.
Они преступны, да! Но мне — я думать смею —
Преступников жалеть никто не воспретит.

Их пожалеть могло б и ваше поколенье.
Ответственность должны за многое вы несть.
Уж вам ли не понять, судя их преступленье,
Что обстоятельства смягчающие — есть!
Не правда ль? Вы ж, отцы, под страхом бедствий
мнимых,
Так начали пещись о детях горячо,
Что уж считаете их всех за подсудимых;
Для вас — преступник тот, кто не созрел еще.
Хотелось вам узнать: зачем я долго мялся,
Зачем не отвечал? Вот я уж вам признался.
Напрасно, может быть; а всё ж, при виде вас,
Червяколюбец тот мне вспомнился тотчас.

Сараев

(несколько сконфуженный)

Напрасно!.. Ежели и грешен я в чем-либо
Перед твоим судом за старостию лет,
То к юношам во мне уж вовсе злобы нет.

Кузьмин

Ну, добрый человек. За это вам спасибо.

Сараев

Однако восстаю я против кой-чего;
Не всё мне нравится.

Кузьмин

Вы вправе. Ну так что же!
Из пожилых людей я знаю одного
Довольно близко. Он хоть вас и помоложе,
Эпохи все-таки годов сороковых, —
И он ведь в юношах худого много видит;
Порою их корит, порой скорбит о них;
Но вы не скажете, что он их ненавидит.
Он знает молодежь и с выгодных сторон;
Стремленью к дельности желает он успеха,
И больше всё за то нас упрекает он,
Что сами мы себе помеха.
В душе идеалист и не ровесник нам,
За новой жизнью вслед он двигается сам...
Вот новый дух для вас, мне мнится, не приманка.

Сараев

Дух демократии.

Кузьмин

А вы — аристократ?
Что делать! Крайности друг с дружкой идут в ряд.
Где есть лицо, там есть изнанка.

Сараев

Я, признаюсь, — лицо.

Кузьмин

Ну, очень рад.

Сараев

Как член сословия.

Кузьмин

Зовитесь как угодно.

Сараев

Но мы, о стороне радея лицевой,
Блюдем и интерес изнанки. Нам он свой,
Хоть не зовем себя мы партией народной.

Кузьмин

Не выйдет ничего, себя как ни зови,
Коль ни понятья нет, ни сердца. Скорби, нужды,
Страданья — лишь тому, скажу я вам, не чужды,
Кто сам бедняк; иль, весь исполненный любви
И правды, посвятил свой ум и силу воли
На облегчение людской тяжелой доли.

Сараев

Да... но у нас мужик имеет свой надел;
Меж тем ведь и о нем скорбят иные очень.

Кузьмин

Желают, чтобы он еще сытнее ел.

Сараев

А за него желать им кто ж уполномочен?
Что ж, разве он просил вступиться за него?

Кузьмин

Так если человек при нас, положим, тонет —
Его спасать не надо оттого,
Что он о помощи не просит, — только стонет
Да выбивается из сил в своей борьбе?..

Сараев

Имеет свой надел, я говорю тебе.
Всю землю, что ль, отдать? Благодарю покорно!

Кузьмин

К подобной щедрости не приглашаю я.

Сараев

Об этом кончено. Еще предмет есть спорный.

Кузьмин

Какой?

Сараев

Ваш реализм. Коробит он меня.
Сидит он в женщине, не только что в мужчине.
Как словно сговорясь, все начали вы вдруг
Значенье восхвалять естественных наук.
Ведь ты не лекарь?

Кузьмин

Нет.

Сараев

А смыслишь в медицине!
Зачем?

Кузьмин

Сперва я был юрист,
Но бросил эту часть и стал...

Сараев

Стал нигилист!..
Мой друг, мне жаль тебя; верь моему участью!
Наук естественных как яду берегись!

Кузьмин

Вот как! Я ими-то и занимаюсь с страстью.
А чем их заменить?

Сараев

Ну что глядеть всё вниз!
В мир сверхъестественный ты духом возносись.

Кузьмин

Куда мне! Грешный ум чуждается святыни;
Всё бродит по земле, всё занят злобой дня.

Сараев

Без дисциплины ум — как странник средь пустыни,
Идущий наугад иль ночью без огня.
Вам концентрации досель недоставало!
Латынь — вот школа вам!

Кузьмин
(иронически)

Работать я привык.

Сараев

Так что же?

Кузьмин

Для ума латыни вашей мало.

Сараев

А мало, так прибавь к ней греческий язык.

Кузьмин

Я жить хочу!

Сараев

Живи! О смерти нет и речи.

Кузьмин

Да не по силам груз кладете вы на плечи.
Устройте так, чтоб жизнь возможна нам была.

Сараев

Что!.. Жизни нынешней вам ноша тяжела?
Существование для вас теперь есть бремя?
В эпоху всех реформ?

Кузьмин

Я знаю: «В наше время,
Когда...» и прочая. И слышал, и читал
Довольно времени я нашему похвал.

Сараев

И не напрасно их читаем мы и слышим.
Когда сравнишь ты жизнь в былые времена
С теперешней — поймешь, как двинулась она.
Теперь и судим мы, и без цензуры пишем...
Но льготы и права оставь на этот раз.
Скажи мне: в чем наш долг? Что требуют от нас —
Не власть, но общество, но дух наш современный?
Вот и увижу я: под тяжестью согбенный,
Какой же это груз ты хочешь сбросить с плеч?
По мненью моему, быть надо очень хилым,
Чтобы о нем сказать, что нам он не по силам.
Ну, вот хоть например: когда ведется речь
О древних языках, то мыслию какою
Все руководятся? Каких последствий ждут?
Что уподобишься ты древнему герою?
Что будешь доблестей цивических сосуд?
Ничуть! Принадлежим мы к русскому народу —
Во-первых; а потом — не к древним временам;
Так, значит, незачем насиловать природу,
Античный героизм навязывая нам.
Да и никто, мой друг, об этом не хлопочет.
Своя у нас есть цель, и к ней — свои пути.
Что нужно нам теперь? Чего Россия хочет?
Вздохнуть маленько. Ну, ее ты не мути.
Пускай покоится. Ведь это не от лени.
Что может ей вредить? — Шатание умов.
Ну, надмевающих остерегайся слов
И субверсивных направлений.
Что нужно ей от нас? — Любовь к ней. Ну, люби!
Как? — Будь врагом интриг, подпольных козней, таин;

На обрусение окраин
Патриотизм употреби.
А если до войны дойдет, положим, дело, —
Тогда что? — Расширяй отечества пределы.
Вот всё! Я более не знаю ничего;
Но, может быть, тебе еще кой-что известно?

Кузьмин

Мне? Нет.

Сараев

Так ропщешь ты на тягость отчего?..
Ведь это — извини — нечестно!
Теперь-то и легко тому, кто патриот.
Вот прежде веял дух средь нас небезопасный;
Но этот миновал тяжелый перио́д;
И мы гражданский долг уразумели ясно.
Печать на честный путь вступила чуть не вся.
О, пусть же этот страж хранит нас неотлучно,
Нам утро каждое свой рапорт поднося:
«Всё обстоит благополучно!»

Кузьмин

Из спорных есть еще какой-нибудь предмет?

Сараев

Есть. Нравственность. У вас...

Кузьмин

Приличий внешних нет?

Сараев

Уж нигилисты так приличья все попрали,
Что в них ни внешней нет, ни внутренней морали;
Что свято нам, им — вздор иль, как сказал ты, — груз:
Семья, и долг, и честь, и святость брачных уз.
Уж коль не нравственность, так опасенье срама
Могло б...

Проходит через сцену очень красивая, статная и полная дама, одетая особенно нарядно и изысканно. Сараев обращает на нее всё свое внимание и замолкает с открытым ртом. Кузьмин, который в это время чертил, нагнувшись, тросточкой по песку, вдруг обращается к Сараеву, удивленный его молчанием.

Кузьмин

Что ж вы?

Сараев

(следя глазами за дамой, отвечает с притворным равнодушием)

Как бы узнать, кто эта дама?
Какой античный бюст! Узнаю ж наконец!..

Кузьмин

Она — француженка.

Сараев

(всё более и более изменяя своему равнодушию)

А!

Кузьмин

Русский тут купец
Знаком с ней.

Сараев

А!

Кузьмин

Она перед осадой
Покинула Париж. Сказали, видно, ей,
Что барынь этаких покамест там не надо.
Она перебралась к врагам земли своей,
Да и не думает обратно путь направить.
Живет, где дело есть. А здесь затем она,
Чтоб мяса лишнего леченьем поубавить.
Эфирней хочет быть; находит, что жирна.
Вот вам история прекрасной этой дамы;
Мне рассказал ее вчера купец тот самый.

Сараев

(с волнением)

Но это варварство!.. Нельзя ли как-нибудь
Сказать ей, что ее намеренье безбожно!..
Что ей пока худеть не следует!.. Как можно
На эту посягать классическую грудь!..

Будь девочка она иль небольшого роста —
Ну, нежность томная была бы ей к лицу.
Что ж твой купец молчит? Я вижу, глуп он
просто...
Что, впрочем, и простительно купцу...
Дозволить ей худеть без всякого резона!..
Такою мощью форм роскошною владеть!..
Таким сокровищем!.. И — хочет похудеть!..
Помилуй! Ведь она — вакханка, не мадонна!..

Кузьмин

Да и купец, как вы, об этом же скорбит;
Но формулирует иначе мысли ваши.
По мнению его: не портит масло каши,
А тучность — бабе не вредит.

Сараев

Не тучность — красота! Такие формы редки!..
А знаешь ты, куда она поедет?

Кузьмин

Да.
За несомненною получкой у рулетки
В Висбаден.

Сараев

Боже мой! Да ведь и я туда.

Кузьмин
(помолчав)

Позвольте наконец и мне обеспокоить
Вас любопытством: вы вдовец иль холостой?

Сараев

Гм!.. Любопытствуешь ты, друг мой, с мыслью той,
Что я француженке сбираюсь куры строить.
Что делать! Признаюсь: женат я; не вдовец.
Кутеж с француженкой, пожалуй, не у места.

Кузьмин

Есть дети?

Сараев утвердительно кивает головой.

Взрослые?

Сараев

Да. Сын уж молодец.
Кавалергард.

Кузьмин

Есть дочь?

Сараев

И дочь уже невеста.

Молчание.

Ну, что ж молчишь? Брани! Теперь чреда твоя.

Кузьмин

Что вас бранить? А вот узнать желал бы я:
За что обруганы так вами нигилисты?
Не все слывущие за новых, правда, чисты.
Иные, как товар с подложным ярлыком,
Неподходящую себе присвоив кличку,
На ниве, вспаханной с любовью и трудом,
Разводят вашу же клубничку;
Всё так, но ведь они не хуже прочих всех.
Дурить на новых ли, на старых ли основах —
Не всё ль равно? Меж тем есть нравственный успех,
Есть много честности, есть правда в мыслях новых.
Ведь черная пока работа всё идет, —
Так как же без возни, без пыли и без сора?
Постойте! Будущность весь мусор подметет —
И зданье чистое откроется для взора.

Сараев
(отрицательно качая головой)

Нет, нет!

Кузьмин

Ну, всё равно. Положим, что подчас
Мы, юноши, грешим и, с вашей точки зренья,
Свершаем даже преступленья, —
Но в этом деле чем безнравственней мы вас?
Мишенью ваших стрел ведь служим с давних пор мы.
За что ж такая злость?

Сараев

За необычность формы.
Заметны слишком вы. Поверь, что оттого...
И в этом случае сужденье наше верно.
Ты скажешь, например: гражданский брак... ну,
скверно!
Без брака просто — ничего.
Я грешен сам... да что! Зовут нас легионом.
Неверность жен мужьям, мужей неверность женам —
У нас всё это есть; всё явно... Дело в том,
Что святость брачных уз мы, друг мой, признаем.
В принципе весь вопрос; не в том, чтоб быть аскетом.
Уж начал говорить, так всё тебе скажу:
Хотя в ущерб семье, хоть нет нужды по летам —
Ведь я любовницу держу.
Да, друг мой! И о том все в Петербурге знают...

Слышно, как оркестр играет известный русский романс «Скажите ей».

Ты слышишь? Вон — романс: «Скажите ей!» играют...

По выражению его лица видно, что музыка его умиляет и разнеживает. Когда, послушав некоторое время в молчании, он начинает говорить, оркестр еще продолжает играть.

Мы все невольники страстей...
В нас кровь кипит, в нас сердце млеет, —
И все поем, как кто умеет:
«Скажите ей! Скажите ей!»

(После некоторого молчания.)

Ах, друг мой!.. С юных лет я был слугой мамоне...
Служу ей и теперь! Ей жертвую на склоне
Земного бытия остатком бренных сил...
Сегодня же я так мамону угобзил!
И снедью, и питьем!.. Мне даже скверно, тесно,
И трудно говорить, хотя и говорю...
Обед отличный был! Но богу лишь известно,
Как я его переварю...

Кузьмин

А богомольны вы? Узнать позвольте.

Сараев

Тайный
Советник я. Отец твой только был штатсрат,
А веровал ведь?

Кузьмин

Да.

Сараев

Лишь редко и случайно
Сановник выдастся безбожный, как ваш брат.
Наш круг совсем иной; мы, друг мой, не студенты;
Компрометировать мой сан не стану я;
Имею ордена — не крестики, а ленты, —
Так упражняться мне в безверии нельзя.
Притом теперь в ходу — конечно, в высшей сфере,
Не в вашей, нет! — вопрос о церкви и о вере.
Я в обсуждении его не отстаю.
Напротив! На предмет взглянув ясней и шире,
Я даже написал солидную статью...

Кузьмин

Как называется?

Сараев

«О православном клире».

Кузьмин

Я вижу вас с одной служебной стороны...

Сараев

А прочие для всех закрыты быть должны.
Опять тебе скажу: болтаете вы много
О том, чего и знать не надо никому.
Про вас кричат, что вы не веруете в бога;
А обо мне кричать не станут. Почему?
Хожу во храм, и там молюсь ему.
Да! внутренний наш мир храним мы без огласки.
Нас опыт научил, что искренность есть вздор,
Коли не пагуба; и мы надели маски.
Ты скажешь: ложь! Ну да! Мы лжем, и с давних пор...

А что есть истина? Ее встречал ты в жизни?..
Пусть ложь! Она и нам полезна, и отчизне.
Устроить сносно жизнь лишь может компромисс.
В нас внешний человек и человек интимный
Под видом двоицы в одном лице слились —
И покупают мир уступкою взаимной.

Кузьмин

Идей две серии подметил я у вас:
Вот, кодекс доблестей гражданских — это раз.
Его-то понял я.

Сараев

А понял — честь и слава!

Кузьмин

Да ведь рецепт простой: не мудрствуя лукаво,
Будь патриот, да словари
Латинский с греческим зубри.
Тут нет неясностей; вся суть видна отлично.
Другая ж серия — о нравственности личной —
Темнее. Вот об ней растолковать нельзя ль
Хоть вкратце: в чем тут суть? В чем времени мораль?

Сараев

За эту суть должна быть юность благодарна.
Я с точки зрения смотрю утилитарной.
Быть нравственным, как мы, — удобно. Наконец,
Безвредно и грешить на наш же образец.
В обоих случаях вам правила готовы
И путь уж проложе́н. К чему ж вам нужен новый?
Вот всё! Но я еще прибавлю пару слов:
Вы мыслью задались, от чтения Дарви́на,
Что человек, среди скотов,
Есть сам не более как высшая скотина.
Нам смуту эта гиль готовит впереди.
Нет! человека не своди
С его священного подножья!..
По плоти немощной, как мы, животным будь,
Но чти в себе подобье божье.
Вот времени мораль, и вот тебе вся суть.

Ну! высказал я всё, всю душу! И не скрою,
Что не был я ни с кем, любезнейший Кузьмин,
Так откровенен, как с тобою.
Ты мне понравился. Почтительный ты сын...

Кузьмин

Какая б ни была доверия причина,
Благодарю я вас.

(Взглянув в сторону, встает.)

А вот и мать моя;
Знать, ищет своего почтительного сына.

Сараев

А! так задерживать тебя не смею я.

(Берет руку Кузьмина и дружелюбно держит ее в своей.)

Ну, до свидания. Желаю, мой любезный,
Чтоб были для тебя хоть несколько полезны
Мои советы.

Кузьмин

Что ж! Советы хороши.
Прощайте. Ухожу.

Сараев

Иди и не греши.

Кузьмин
(уходя)

Какой оригинал!.. Он нагрузился ль плотно,
Иль уж действительно так искренен и мил?

(Уходит.)

Сараев
(один)

Я, может быть, пересолил,
Разоблачась пред ним со стороны животной...

(Помолчав.)

Что, если было мне сегодня суждено
Спасти заблудшего?.. Едва ль!.. Надежды мало!..

Я думаю — мое зерно
На почву тощую упало! ..
Без древних языков нельзя...

Француженка, возвращаясь, проходит через сцену.

Назад идет! ..
Какая поступь! .. Грудь! .. И похудеть желает! ..
Взглянула... Господи! Как этот взгляд зовет!
И как он много обещает! ..

(Встает со скамьи и, напевая мотив романса «Скажите ей», уходит вслед за француженкой.)

1872

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни А. М. Жемчужникова его стихотворения выходили отдельными изданиями несколько раз. Первое итоговое собрание — «Стихотворения А. М. Жемчужникова в двух томах» — вышло в Петербурге в 1892 г. В первом томе помещены стихотворения, во втором — комедии в стихах, сцены и поэмы. Для этого издания автор пересмотрел, по его собственным словам, «все написанное в стихах». За пределами собрания остались юношеские сочинения, а также стихотворения, которые поэт нашел слабыми или опубликование которых счел несвоевременным по разным причинам, в том числе и цензурного порядка. «В изданных мною двух томиках, — писал Жемчужников А. Ф. Кони 25 августа 1892 г., — я высказался довольно полно, но не весь».[1] Второе издание, без существенных изменений, вышло в 1898 г., третье — в 1901, четвертое — в 1910 г. Последнее, четвертое издание, вышедшее после смерти автора, дополнено одним стихотворением («Современному гражданину»).

В сборник «Песни старости. Стихотворения А. М. Жемчужникова» (СПб., 1900) вошли произведения, опубликованные в подавляющем большинстве своем в журналах в 1892—1898 гг. «Этим дополнительным изданием, — писал Жемчужников в предисловии к «Песням старости», — завершится, по всей вероятности, полное — по возможности — собрание моих стихотворений, начиная с одноактной комедии в стихах «Странная ночь», которая появилась сперва на сцене Александринского театра, а потом в печати («Современник») в 1850 году. т. е. — пятьдесят лет тому назад».[2] В том же 1900 г. «Песни старости» без изменений вышли вторым изданием. После этого поэт продолжал в течение восьми лет писать и печатать стихотворения, которые затем и были собраны в посмертном издании «Прощальные песни Алексея Михайловича Жемчужникова (1900—1907)», СПб., 1908. Сборник подготовлен к печати родственниками поэта по наметкам и планам, сохранившимся в его бумагах («Стихотворения, которые выйдут в отдельном сборнике под названием «Прощальные песни»[3]). Следует упомянуть

[1] Собрание А. Ф. Кони. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР.

[2] «Песни старости», СПб., 1900, стр. VIII.

[3] ЦГАЛИ, арх. А. М. Жемчужникова.

«Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова» (1884), где впервые были собраны стихотворения, написанные поэтом в соавторстве с А. К. Толстым и братьями Владимиром и Александром Жемчужниковыми. «Не я один, — писал Жемчужников в автобиографическом очерке, — нахожусь за них в ответственности». Сборник готовил к печати В. М. Жемчужников при участии поэта. «Отдельное издание К. Пруткова, — писал В. М. Жемчужников, — делается собственным моим трудом, с просмотром брата моего Алексея».[1] Успех сборника был небывалый, срочно потребовалось новое издание. Владимир и Алексей Жемчужниковы намеревались дополнить его, переработать. Однако по ряду причин это не было осуществлено, как задумано. Все же вышедшее в 1885 г. вторым изданием «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова» из прижизненных является наиболее точным.

После революции стихотворения А. М. Жемчужникова отдельными сборниками не выходили вплоть до 1959 г., когда в Тамбове появилась небольшая книжка избранных стихотворений.[2]

В настоящее издание включается немногим более половины стихотворных произведений поэта, наиболее ценных в идейном и художественном отношении. Заметим, кстати, что в бумагах поэта сохранился список его произведений с оценочными отметками А. К. Толстого. В настоящий сборник включены почти все стихотворения, которые А. К. Толстой и сочувственно прислушивавшийся к его мнению автор отнесли к разряду «очень хороших» и «хороших».[3]

Композиция сборника определена в основном авторской группировкой материала. Никакой особой циклизации произведений Жемчужников не придерживался. В прижизненных изданиях осуществляется строго хронологическое расположение стихотворений. В составленных самим автором списках с указанием, как надо печатать его произведения, также выдержан хронологический принцип.[4]

В настоящем издании произведения поэта сгруппированы в двух разделах. В первом разделе помещены стихотворения. Во втором — поэмы и сатирические сцены в стихах. Произведения расположены в хронологической последовательности. Лишь в первом разделе выделены стихотворения «прутковского» цикла, а также впервые публикуемые стихи на случай и шутки.

Готовя к печати первое собрание стихотворений, поэт, по его словам, кое-что исправил, «кое-что сократил или переработал». Так же он поступал и в других случаях, позднее, помещая напечатанное в сборниках. Наиболее существенные варианты приводятся в примечаниях. Произведения, впервые публикуемые или опубликованные посмертно, печатаются по автографам, при отсутствии рукописных

---

[1] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 4. СПб., 1912, стр. 325.

[2] А. М. Жемчужников. Избранное. Вступ. статья и подготовка текста Б. Илешина. Тамбовское книжное издательство, 1959.

[3] ЦГАЛИ, арх. А. М. Жемчужникова.

[4] См. «Порядок печатания моих стихотворений» с датой «13 января 1894» (ЦГАЛИ, арх. А. М. Жемчужникова).

источников — по авторитетным печатным текстам. Даты стихотворений в большинстве случаев указаны самим автором и полностью воспроизводятся в настоящем издании. В произведениях позднейшего периода указаны также и места, где они были созданы. «Так как местопребывание, — объяснял поэт, — могло иметь влияние на душевное настроение, то я нашел не излишним обозначить в конце каждого стихотворения, где оно было написано».[1] Сведения о месте написания стихотворений ранних периодов, не указанные автором в прижизненных сборниках, приводятся в примечаниях.

В примечаниях дается библиографическая справка о первой публикации каждого произведения; из последующих изданий указываются лишь те, в которых текст подвергался изменениям. Стихотворения публикуются по тексту последней печатной авторской редакции. В том случае, когда стихотворение печатается по первой публикации, источник текста особо не называется. Указываются автографы с обозначением места их нахождения. Приводятся краткие сведения по истории текста, необходимые биографические, историко-литературные пояснения. Первопубликации некоторых — немногих — произведений не установлены (в этих случаях указывается лишь источник, по которому печатается текст). Примечания к стихотворениям «прутковского» цикла составлены А. А. Жук. В подготовке текстов настоящего издания принимали участие А. А. Жук и Н. Е. Нэдик-Покусаева.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

БдЧ — «Библиотека для чтения».
ВЕ — «Вестник Европы».
ГПБ — Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ГБЛ — Рукописное отделение Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
Изд. 1892 — Стихотворения А. М. Жемчужникова в двух томах. СПб., 1892.
КН — «Книжки «Недели».
ЛН — «Литературное наследство».
МВ — «Московские ведомости».
ОЗ — «Отечественные записки».
ПД — Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
ПП — «Прощальные песни Алексея Михайловича Жемчужникова (1900—1907)». СПб., 1908.
ПС — Песни старости. Стихотворения А. М. Жемчужникова. 1892—1898. СПб., 1900.
ПСС 1 — Полное собрание сочинений К. Пруткова. СПб., 1884.
ПСС 2 — Полное собрание сочинений К. Пруткова, изд. 2. СПб., 1885.
РВ — «Русский вестник».

---

[1] «Песни старости», стр. VII.

РМ — «Русская мысль».
С — «Современник».
СВ — «Северный вестник».
СПВ — «Санкт-Петербургские ведомости».
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

Автобиографический очерк. Впервые — Изд. 1892, т. 1, стр. I—XII.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Притча о сеятеле и семенах. Впервые — С, 1851, № 11, стр. 89. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 1—2. Автограф — в ГПБ. На рукописи пометка В. Ф. Одоевского: «Цензура не позволяет». В стихотворении перелагается сюжет библейской притчи о семенах (Новый Завет. Евангелие от Марка, гл. IV).

Верста на старой дороге. Впервые — С, 1854, № 1, стр. 138, под заглавием «Старая дорога». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 3. Черновой автограф — в ГБЛ.

«Уже давно иду я, утомленный...». Впервые — ОЗ, 1855, № 5, стр. 106, под заглавием «В степи», с еще двумя строфами в конце:

Но чувствую — судьба меня обманет
И радости не знать душе моей...
Что, если ночь меня в степи застанет?
Зачем искать убежища ветвей?

Куда идти так далеко? Короче:
Остаться здесь, прилечь куда-нибудь...
И почему ж под кровом темной ночи
И на песке остывшем не заснуть?..

Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 5. Стихотворение положено на музыку М. А. Балакиревым.

Другу. Впервые — ОЗ, 1855, № 6, стр. 275, под заглавием «К другу». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 7. Автограф — в ГБЛ. В заметке «Порядок печатания моих стихотворений» 13 января 1894 г. поэт писал: «Это стихотворение посвящено Николиньке. Если он согласен, можно будет озаглавить его в Собрании так: Н. М. Жемчужникову» (ЦГАЛИ). Жемчужников Николай Михайлович — брат поэта.

«Я музыку страстно люблю, но порою...». Впервые — ОЗ, 1855, № 6, стр. 275. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 8—9, куда вошло с небольшой стилистической правкой.

Примирение. Впервые — ОЗ, 1855, № 4, стр. 269—270, где перед заключительной строфой было:

Меж тем, как в лес бежав, отчаяньем гоним,
Я жаждал тьмы, и лес, беззвучен, недвижим,
Преследовал меня безмолвием могилы, —
Ты от падения спасало дух унылый.

Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 10—14. Автограф — в ГБЛ.

Дорожная встреча. Впервые — С, 1856, № 2, стр. 221—222, где между 4-й и 5-й строфами было:

Только одно в этой песне колено.
Жалко! напев ее слишком короток:
Пять всего-навсе звучат неизменно
Неуловимых, причудливых ноток.

Однообразно она раздается;
Но не понять ее, что она значит?
То будто дразнит кого и смеется,
То будто просит, тоскует и плачет.

Между 5-й и 6-й строфами:

Им незнакомы бессонные ночи...
Темно ли небо иль светит луною;
Если не свечи им светят, их очи
В полночь смыкаются сами собою.

Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 15—16. Автограф — в ГПБ.

«По-русски говорите, ради бога!..». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 17—18.

Септуор Бетховена. Впервые — С, 1856, № 7, стр. 129—130, под заглавием «Septuor Бетховена». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 21, где исключена строфа, которой начиналось стихотворение:

Боясь душевного томленья и страстей,
Я долго, долго жил без мыслей и без чувства,
Без слез участия к страданиям людей,
Без вдохновения созданьями искусства.

Между 9-й и 10-й строфами была еще одна:

И вспомнилися мне мечты незрелых лет,
Молитвы жаркие, высокие стремленья,
И голос, тайно мне звучащий: «Ты поэт!»,
И смелость помыслов, и бодрость вдохновенья...

Септуор — сочинение для камерного ансамбля из семи исполнителей с особой партией для каждого. Имеется в виду септет Бетховена, соч. 20, 1800, имевший огромный успех и особенно широко известный в фортепьянных переложениях.

«Странно! мы почти что незнакомы...». Впервые — БдЧ, 1857, № 1, стр. 13. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 24, где опущена заключительная строфа:

Грустно мне! Пойми мою печаль,
Не напрасно мне тебя так жаль...
Не зажить твоим сердечным ранам,
Воротиться к правде нелегко...
Верю: ты страдаешь глубоко,
Но лениво борешься с обманом...

Автограф — в ПД.

Ночное свидание. Впервые — БдЧ, 1857, № 1, стр. 13—14. В сборники не включалось. Автограф — в ПД.

Мыслителю. Впервые — БдЧ, 1857, № 1, стр. 12—13. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 25—26, где радикально изменены 5-я и 6-я строфы, которые в первоначальном тексте читались так:

Чтоб братьев, пресмыкающихся долу,
Свет истины освободил от тьмы,
Ты станешь звать к себе, и если мы
Внимать не будем вящему глаголу, —

Из облаков ты громко нам кричи...
Окованных невежественным страхом,
Ты голосом и крыльев смелым взмахом
И нас летать заставь и научи!..

Автограф — в ПД. Редакционная помета на рукописи: «Доставлено 28 ноября 1856 г.»

Причина разногласия. Впервые — «Искра», 1859, № 2, стр. 13, под заглавием «Разногласие», дата — «ноября 20 1858». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 19, куда вошло с исправлениями, особенно значительными в 3-й строфе журнального текста:

Вдруг третье лицо невзначай,
Стало оно говорить без умолку
То, о чем даже не снилось им, чай,
И окончательно сбило их с толку...

В сборнике стихотворение датировано 1856 г. Возможно, по цензурным соображениям оно не было опубликовано раньше.

Воспоминание в деревне о Петербурге. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 29. Черновой автограф — в ГБЛ.

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ

1. Первый снег. Впервые — С, 1857, № 1, стр. 166. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 30.

2. Еще воспоминание о Петербурге. Впервые — С, 1857, № 1, стр. 167, под заглавием «Метель», без строфы 5. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 31.

3. Зимняя прогулка в деревне. Впервые — С, 1857, № 1, стр. 168, под заглавием «Деревня в ноябре», с эпиграфом: «O, beata solitudo! O, sola beatitudo!» и пометой под стихотворением: «с. Холм». В журнале заключало цикл «Зимних картинок». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 32—33.

4. Зимний вечер в деревне. Впервые — С, 1857, № 1, стр. 167, под заглавием «Вечер в деревне». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 33.

Последняя пристань. Впервые — БдЧ, 1857, № 1, стр. 11—12, под заглавием «Дума». После 3-й строфы следует:

Нет тоски предсмертной в глубине души,
За стеной сугроба
Так легко мне, будто одному в глуши
Дожидаться гроба...

Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 34.

«Я музыкальным чувством обладаю...». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 35.

O, beata solitudo! O, sola beatitudo! Впервые — БдЧ, 1857, № 6, стр. 230, под заглавием «Желание». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 36, где после стиха 10 исключено следующее четверостишие:

Святое ты мне ниспошли вдохновенье,
Свет истины дай мне и силу мышленья
И дух простоты, чтоб в созданьях моих
Я прелести высшей и правды достиг.

Освобожденный скворец. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 37—38.

Соглядатай. Впервые — РВ, 1857, февраль, кн. 1, стр. 643, под заглавием «Надзор». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 39—40.

Почему? Впервые — РВ, 1857, январь, кн. 2, стр. 437—438. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 41—42, где исключены две последние строфы журнального текста:

Сплошною тучею нас облегает мрак,
И, вея холодом могилы,

К нам молча крáдется стопою тихой враг.
В его покое — много силы,
Его неясные изменчивы черты;
Как легион он — неисчи́слим...
О слово мудрое, благословенно ты
За то, что мы, страдая, мыслим!..

Нищая. Впервые — РВ, 1857, январь, кн. 2, стр. 438—439. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 43. Из вариантов РВ примечателен явно цензурного происхождения следующий: вместо «Ярмо крепостное, работа без прока» (строфа 1, стих 5) — «Быть может, боренье с соблазном порока».

«Когда очнусь душою праздной...». Впервые — РВ, 1857, апрель, кн. 2, стр. 582. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 44.

«Мы долго лежали повергнуты в прах...». Впервые — РВ, 1857, апрель, кн. 2, стр. 581, с эпиграфом: «Творяй истину грядет к свету. Иоанн, III, 21». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 45. Стихотворение является откликом на публичные заявления правительства о подготовке крестьянской реформы. *Мы долго лежали повергнуты в прах.* Комментарием к этому и последующим стихам может служить резкая характеристика «тупоумия» и «подлости» царствования Николая I, данная поэтом в опубликованных через год публицистических статьях «Переходное время». 1. «Физиономии и силы» (РВ, 1858, февраль, кн. 2, стр. 757—777) и 2. «Современный просветитель народа» (РВ, 1858, май, кн. 2, стр. 125—153). *В нас сердце забилось, дух жизни воскрес.* В художественных и публицистических произведениях на страницах РВ были часты случаи по-либеральному преувеличенных восхвалений реформистского политического курса правительства Александра II («просторнее стало русскому слову», «поднялось над русской землей солнце правды и добра» и т. д. — РВ, 1857, № 7, стр. 54—55).

«Восторгом святым пламенея...». Впервые — РВ, 1857, декабрь, кн. 1, стр. 492. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 48. Черновой автограф — в ГБЛ.

Сказка о живых мертвецах. Впервые — РВ, 1858, октябрь, кн. 2, стр. 705—706. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 46—47.

Раскаяние. Впервые — РВ, 1859, ноябрь, кн. 2, стр. 499, открывало цикл «Три признания». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 49, куда вошло со значительной стилистической правкой. Стихотворение навеяно отставкой поэта в 1858 г.

Тяжелое признание. Впервые — РВ, 1859, ноябрь, кн. 2, стр. 500—501, в цикле «Три признания». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 51—52, куда вошло с небольшой стилистической правкой.

Возрождение. Впервые — РВ, 1859, ноябрь, кн. 2, стр. 501—502, заключало цикл «Три признания». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 53—54. Черновой автограф — в ГБЛ.

«Когда, еще живя средь новых поколений...». Впервые — РВ, 1859, ноябрь, кн. 1, стр. 148. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 55, куда вошло в переработанном виде.

Заколдованный месяц. Впервые — ОЗ, 1869, № 1, стр. 262, без 5-й строфы. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 56—57. Написанное еще в 1859 г. и выражающее протест против натиска крепостнической реакции, стремившейся остановить крестьянскую реформу, стихотворение не увидело света из-за цензурных препятствий. 19 января 1868 г. поэт послал «Заколдованный месяц» Н. А. Некрасову для опубликования в ОЗ. Последний отвечал: «...Маленькое стихотворение мне очень понравилось, но я пустить его покуда боюсь» (Полн. собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, стр. 100). «Заколдованный месяц» не утратил злободневности и остроты обличительного содержания и в конце 60-х годов, на этот раз бичуя правительственную и общественную реакцию, необычайно активизировавшуюся после выстрела Каракозова. Некрасов опасался новых цензурных запретов, которые могли обрушиться на журнал; только через год стихотворение было напечатано. Автограф — в ПД. Очевидно по цензурным соображениям, автор исключил из журнального текста четверостишие между 2-й и 3-й строфами:

Случай страшен и забавен!
Словно дружен с темнотой,
Им для шутки новый Навин
Прокричал команду: стой!

И последнюю:

Слышны в мраке злобы скрежет,
Наглый хохот, плач, испуг...
О, как всё усталый слух
Диссонансом диким режет.

3-я строфа первопечатного текста имеет примечательный рукописный вариант, не увидевший света по цензурным соображениям:

Над картиною унылой
Время будто замерло,
Распахнув, как над могилой,
Неподвижное крыло...

«Светло, как в полдень, — лампы, свечи...». Впервые — РВ, 1859, февраль, кн. 2, стр. 738. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 58, где журнальный текст подвергся коренной переработке. Приводим журнальную редакцию стихотворения полностью:

Светло; тепло; пылал камин,
У дам открыты были плечи;
Изящен был наряд мужчин,
И все вели пустые речи.

Но как смотрела ночь в окно?
И не готовилась ли буря?
Для них, конечно, всё равно...
Они смеялись, балагуря.

Один лишь чуткий баромѐтр —
Хоть на него они не взглянут —
Уж указал на дождь и ветр,
Теплом и блеском не обманут...

Сословные речи. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 59. Автограф — в ПД, без заглавия. Авторская помета: «Январь, 1865. Москва». Приводим важнейшие варианты рукописного текста, оставшиеся за пределами печатной редакции стихотворения по причинам явно цензурного порядка. После стиха «Или гражданские начала» в рукописи — четверостишие, не вошедшее в основной текст:

О сколько узости дворянской
И спеси в мыслях и крови!
Как мало света и любви!
Как мало доблести гражданской.

То же самое после стиха «Против подъема русских сил»:

И сгинет смешанное с прахом,
Что, как бы ряд острожных стен,
В тиши возводится под страхом
Предполагаемых измен!..

Нет! Гражданин сословных (в рукописном варианте: дворянских) *прав Ярмом на земство не наложит.* Идеологи крепостников, от В. К. Ржевского — орловского помещика и видного чиновника министерства внутренних дел, сотрудничавшего в реакционной прессе, до главы последней — М. Н. Каткова, профессора-монархиста Б. Н. Чичерина, активно пропагандировали «сословную» теорию о праве дворянства на политическое преобладание в государстве. По этому поводу М. Е. Салтыков-Щедрин резко полемизировал с представителями помещичьей партии. «Покуда наши наивные публицисты, — писал он в статье «Где истинные интересы дворянства?», — приглашают дворян воспользоваться каким-то единственным в истории случаем, чтоб утвердить свое политическое *преобладание* над прочими сословиями, благоразумнейшие из дворян помышляют совсем не о преобладании, и даже не о том, чтоб удержаться, так сказать, на поверхности возникающего земства, а о том, чтобы просто-напросто сделаться членами этого земства, и членами не случайными, признающими за собой только права, а не обязанности, но членами действительными и деятельными, связанными с земством всею совокупностью условий, налагаемых этим званием» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 115). К числу «сословных витий» поэт относил товарища по Училищу правоведения, библиографа и историка литературы М. Н. Лонгинова, после 1861 г.

открыто примкнувшего к лагерю реакции. Поэт резко обвинял Лонгинова в узколобых сословно-аристократических пристрастиях. Последний упрямо твердил в ответ, что если не надеяться на дворянство, то «все пропало» (ЛН, № 22—24, М., 1935, стр. 752). В начале 60-х годов многие из передовых литературных деятелей возлагали определенные надежды на земскую реформу, полагая, что она демократизирует общественный строй России. На самом деле самодержавие, учреждая земство, отманивало, по словам Ленина, русское общество от конституции, делая уступку «растущему демократизму», чтобы сохранить за собой главные позиции (Соч., изд. 4, т. 5, стр. 59).

«Забудь их шумное волненье...». Печ. впервые по автографу ПД. Стихотворение является откликом на процесс каракозовцев в 1866 г. (см. вступит. статью, стр. 31—32). *Для всех в святилища науки Открой широкие врата.* Среди привлеченных к судебному дознанию находился И. А. Худяков — известный этнограф и фольклорист. МВ травили молодого ученого как главную пружину заговора. «Действительно, — писал М. Н. Катков, — главным двигателем дела был именно тот самый Худяков, который в обвинительном акте и поставлен на первое место» (МВ, 1866, 28 сентября). За научные заслуги Худяков был награжден Географическим обществом медалью, прогрессивная печать сочувственно отзывалась о Худякове (см. М. Клевенский. И. А. Худяков — революционер и ученый. М., 1950; В. Базанов. И. А. Худяков и покушение Каракозова. «Русская литература», 1962, № 4).

К портрету Михаила Никифоровича Каткова. Впервые — «Жизнь искусства», 1924, № 1, стр. 14. Печ. по автографу ПД. *Сочинено в день его тезоименитства.* Именины Каткова приходились на 9 ноября. *За государство поднял шум.* Катков сам называл себя «государственным сторожевым псом, охраняющим достояние хозяина и чующим, если в доме что-нибудь неладно» (РВ, 1888, № 1). Здесь имеется в виду шумная кампания МВ 1863—1866 гг. против стремления Польши к независимости, революционно-демократического движения в самой России и одновременно — против попыток европейских государств вмешаться в русско-польские отношения. *Ликург* — легендарный законодатель древней Спарты. *Согласен: враг он Петербургу.* В борьбе против петербургской либеральной интеллигенции и печати Катков утверждал (намекая также на недостаточную «решительность» некоторых государственных учреждений и их деятелей), что «истинный корень мятежа не в Париже, Варшаве или Вильне, а в Петербурге». *Зато он любит Мекленбург.* Указание на выступление Каткова в эти годы в качестве решительного сторонника союза с Германской империей. Два Мекленбургских герцогства были наиболее отсталой в экономическом и политическом отношении, средневеково-феодальной по государственному устройству областью Германии. *Высокопреосвященный Филарет* (1783—1867) — московский митрополит. Упоминание его имени позволяет датировать стихотворение не позднее 1867 г.

К стр. 97

«О, скоро ль минет это время...». Впервые — ОЗ, 1870, № 3, стр. 1, в цикле «Современные песни». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 60. В письме И. С. Аксакову 5 июня 1870 г. поэт сообщил интересные подробности из творческой истории «Современных песен». На упреки Аксакова в том, что за время долгого пребывания за границей поэт «мог облениться и распуститься духовно», Жемчужников отвечал: «Живя за границей, я написал более, чем живя в Москве... Стихи, написанные за границей, не только не хуже, но — говоря беспристрастно и по совести — лучше тех, которые написаны мною прежде и, однако, удостоивались одобрения... Я убежден, что мотивы всех стихотворений, написанных мною за границей, и в основном тех, которые помещены в мартовской книжке От. Записок, указывают на бодрое состояние духа, не лишенного еще возвышенных стремлений и способного сильно и искренно негодовать на то, что заслуживает негодования нравственных людей и честных граждан. ...Я должен тебе еще пояснить, что мои стихи написаны год и два года тому назад и тогда же отосланы были в От. Записки, но по соображениям редакции в то время не напечатаны. Они, может быть, имели бы больше значения, если бы появились в печати ранее; но позднее их появление не моя вина» (ПД, арх. Аксаковых). О реакционной политической атмосфере, царившей в России в пору, когда публиковались стихотворения Жемчужникова, хорошо сказано в письме к нему Н. А. Некрасова. «Скука у нас жестокая, — писал он 26 февраля 1870 г. — Если на Вас нападает иногда хандра в Висбадене, то утешайтесь мыслью, что здесь было бы то же — вероятно, в большей степени, с примесью, конечно, злости по поводу тех неотразимых общественных обид, под игом которых нам, то есть нашему поколению, вероятно, суждено и в могилу сойти. Более тридцати лет я все ждал чего-то хорошего, а с некоторых пор уже ничего не жду, оттого и руки совсем опустились и писать не хочется. А когда не пишешь, то не знаешь, зачем и живешь. Благо Вам, что Вы, по-видимому, до этого еще не дошли. Ваши последние вещи (как в «Петерб<ургских> ведомостях», так и нам присланные), отчасти мне известные, хороши; в новой своей форме они много выиграли. Говорю это Вам для того, чтоб Вы не складывали рук» (Полн. собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, стр. 165). Жемчужников отвечал Некрасову 6 апреля того же года: «Теперь обращусь к своим стихам. Очень рад, что они наконец напечатаны, и спасибо Вам, что без пропусков...» (ЛН, № 51-52. М., 1949, стр. 284). Судя по замечаниям Жемчужникова, задержка с опубликованием «Современных песен» вызывалась цензурными опасениями редакции ОЗ.

«Эпохи зна́мение в том...». Впервые — ОЗ, 1870, № 3, стр. 1—2, в цикле «Современные песни». В ОЗ после строки «К голодной черни — черни сытой» следовали стихи:

Хоть раздавались голоса
С пренебреженьем к пользе личной,

Благословлявшие публично
Реформы, трон и небеса, —
Но близь смиренных — хоть не вместе —
Стоят герои. Их вражда

Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 61.

Кентавр. Впервые — ОЗ, 1870, № 3, стр. 2—3, в цикле «Современные песни». Стихотворение входило в состав поэмы «Перед возвращением на родину», предназначавшейся поэтом для ОЗ. Поэма была направлена против М. Н. Каткова и В. Д. Скарятина — публициста и редактора газеты «Весть», органа крепостнической реакции. Редакция журнала отклонила поэму из-за ее, как писал Некрасов автору 4 мая 1869 г., «полемического характера» (Полн. собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, стр. 129). «Катков и Скарятин, против которых направлена Ваша поэма, — в свою очередь писал автору М. Е. Салтыков-Щедрин, — не могут представлять достаточного предмета для негодования. Катков был когда-то чем-то; теперь — это просто маниак, который всякий вопрос сводит на дела Северо-Западного края. Что касается Скарятина, то это такая гнида, о которой не только говорить, но и мыслить неудобно» (Полн. собр. соч., т. 18. М., 1937, стр. 215). Жемчужников существенно переработал поэму, отрывки из которой в новой редакции затем были напечатаны в газетах и журналах. Выделенный в самостоятельное стихотворение, «Кентавр» утратил узко полемический характер и приобрел смысл сатирического обобщения послереформенной реакционной смуты, мракобесия и бесчинств. *Кентавр* (Центавр) (греч. миф.) — получеловек-полуконь, по преданию, обитавший в горах Фессалии. *Своею мыслию тревожим.* В пору работы над упомянутой поэмой Жемчужников (8 мая 1869 г.) обратился к Некрасову за советом: «В главе о центавре не лучше ли сказать: Как гордо он вздымает хвост, *всё задней мыслию тревожим.* Мое намерение будет яснее. Но не будет ли это цинично? Скажите ваше мнение» (ЛН, № 51-52, М., 1949, стр. 283). Некрасов отвечал: *«Всё задней мыслию тревожим* — по-моему, лучше; в стихе иногда невозможно без грубого слова, надо только, чтоб оно оправдывалось необходимостью, да чтоб не было это часто» (Полн. собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, стр. 138). Однако Жемчужников отказался по неизвестным причинам от предложенной им самим редакции этого стиха (журнальный вариант: «Всё той же мыслию тревожим»). *Иных мыслителей в Москве теперь, по-видимому, бесит.* Имеются в виду резкие выступления против Каткова некоторых консервативных публицистов, в том числе и И. С. Аксакова. В упоминавшемся письме к последнему от 5 июня 1870 г. поэт возмущенно писал: «Меня так и подмывает потолковать еще с тобою о заклейменной казенностью московской журналистике; об оскудении у нас духа свободы и нравственной широты; о щелкающем зубами государственном патриотизме, о догматах московской непогрешимости; о московских анафемах и проч., но все это не может поместиться в письме» (ПД).

Современному гражданину. Впервые — ОЗ, 1870, № 3, стр. 3—6, в цикле «Современные песни». Эпиграф — из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. VI). Публиковалось частично (с ошибочным подзаголовком «Из посмертного стихотворения») в ВЕ, 1908, № 12, стр. 716—717. Печ. по четвертому, дополненному изд. «Стихотворения А. М. Жемчужникова в двух томах», т. 1, СПб., 1910, стр. 65—68. Восстановлен (очевидно, по рукописи) исключенный редакцией ОЗ по цензурным соображениям стих *Не трогай тех, кто в рудниках* (в журнальном тексте заменен строчкою точек). В это время были в ссылке и на каторге известные общественные деятели 60-х годов Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, каракозовцы и многие другие. *За тот один страдали грех, Что не покрыты сединами.* Речь идет о травле «охранительной» прессой и чиновниками Муравьева-Вешателя молодежи, «нигилистов». Особенно отвратительные полицейско-доносные формы эта травля приняла после выстрела Каракозова. Генерал-адъютант Огарев, нижегородский помпадур, издал даже циркуляр, запрещающий девушкам «носить нигилистический костюм», т. е. «круглую шляпу, скрывающую стриженые волосы, синие очки и плоские юбки без кринолина» (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина. «Русский архив», 1894, № 1, стр. 431).

Старик. Впервые — ОЗ, 1870, № 3, стр. 6, в цикле «Современные песни». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 69. Стихотворение напечатано в составе «Современных песен» по указанию редактора. Оно не предназначалось для этого цикла. «Я должен Вам сказать, — писал поэт Некрасову 25 марта 1870 г., — что «Старик» написан мною, так сказать, в невинности душевной. Какую Вы нашли в нем *современную* жилку?» (ЛН, № 51-52, М., 1949, стр. 285).

Литераторы-гасильники. Впервые — СПВ, 1870, № 146, 29 мая, в цикле «О времени недавно прошедшем и частью о настоящем (опыт фельетона в стихах)». Автограф — в ЦГАЛИ. Обращает на себя внимание рукописный вариант стихов 45—47, отличающийся остротой политического обличения:

Чтобы какой-нибудь служивый
Из литераторских казарм,
Ко благу родины ретивый,
Но русский вешатель-жандарм,
Значенье правды не ослабил,
Меня изменником назвав.

В редакционном примечании СПВ указывалось: «Первые стихотворения того же автора, под тем же заглавием, были помещены в № 30 нашей газеты, 30 января текущего года. Представляемое продолжение их появляется в печати несколько поздно по случайным причинам, не зависящим от автора». Прежде опубликованные стихотворения — I. Пророк и я, II. Idee fixe. Они представляют собою переработанные главы сатирической поэмы «Перед возвращением

на родину» (в Изд. 1892, т. 2, стр. 116—124). «Литераторов-гасильников», как и следующее за ними в нашем издании стихотворение «В альбом современных портретов», поэт предполагал напечатать в ОЗ; первое стихотворение входило в цикл «Современные песни» (в рукописи, находившейся в редакции журнала, стихотворение озаглавлено «Свободная печать». В левом верхнем углу помета красным карандашом: «Это не набирать». — ЦГАЛИ). Некрасов писал поэту 26 февраля 1870 г.: «Ваши стихотворения (кроме пьесы «Свободное слово») напечатаны на первых страницах 3-го № «Отеч. записок». Пишите, что делать с оставшеюся пьесою и серией пьесок «В альбом современных портретов», которую мы тоже не решились напечатать» (Полн. собр. соч. и писем, т. 11. М., 1952, стр. 166). Непомещенные по цензурным опасениям в ОЗ стихотворения автору удалось опубликовать в газете в виде не предполагавшегося на самом деле «продолжения» фельетона в стихах. Эта версия была придумана с целью оградить их от цензурных придирок. *Корят стеснительные меры.* «Временными правилами» 1865 г. периодические издания освобождались от предварительной цензуры. Но они все же подлежали ответственности в судебном порядке и, кроме того, в административном (в виде «предостережений», временной приостановки и даже прекращения). В 1868 г. министру внутренних дел было предоставлено право запрещать розничную продажу газет. Приятель поэта С. М. Сухотин в дневниковой записи 24 октября 1868 г. возмущался, между прочим, действиями высокопоставленных чиновников, «гасильников всякого живого дела», которые закрыли газету «Москва» за резкие выступления против органа крепостников «Вести» («Русский архив», 1894, № 4, стр. 604—605). *Как было то во время óно.* Намек на николаевскую эпоху. *Газетный Аракчеев.* Имеется в виду Катков. *Тому едва ли больше году.* Речь идет о разгуле реакции после покушения на Александра II, о бесстыдно-демагогических выступлениях МВ, «Вести» и других газет тогдашних черносотенцев с обвинениями революционной демократии и даже либеральных кругов в «изменах», в антипатриотизме и т. п. *Для намекающей морали* — литературный донос. *Одна рукописная поэма* — «Опасный сосед» В. Л. Пушкина.

В альбом современных портретов. Впервые — СПВ, 1870, № 146, 29 мая, в цикле «О времени недавно прошедшем и частью о настоящем (опыт фельетона в стихах)». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 75—78, куда вошло с незначительной стилистической правкой. Автограф — в ГБЛ. *На свой вопрос: «бить, иль не бить?»* Комически переосмысленный вопрос героя шекспировской трагедии «Гамлет» — «Быть или не быть?». И. С. Тургенев сообщал Жемчужникову 17 июня 1870 г., что читал его эпиграммы в газете, — «все метки и ловки» (РМ, 1914, № 1, стр. 136).

Эпитафии. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 79—80. *О том, что «Вести» нет, воздержимся тужить.* В 1870 г. было напечатано заявление редактора-издателя «Вести» В. Д. Скарятина, что «вследствие совершенного истощения денежных средств он не может про-

должать издание газеты». Демократическая пресса не без удовольствия сообщила, что публика отказала в поддержке органу помещиков-крепостников, одному из самых реакционных изданий в России (ОЗ, 1870, № 5, стр. 196). *Тебя уж нет.* В 1865 г. было отменено предварительное цензурование журналов и газет (см. выше примеч. к стих. «Литераторы-гасильники»). *Нашему институту мировых посредников.* Основная функция этих должностных лиц — решение спорных вопросов о разделах между крестьянами и помещиками после отмены крепостного права. Первоначально в мировые посредники шли либерально настроенные дворянские деятели. Но затем положение изменилось. «Мировые посредники первого призыва, — писал Ленин, — были распущены и заменены людьми, не способными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли» (Соч., изд. 4, т. 4, стр. 395).

Думы оптимиста. Впервые — ОЗ, 1871, № 9, стр. 208—210. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 81—83. В ОЗ была еще одна строфа между 5-й и 6-й:

Есть всему закон;
Правила положены,
И со всех сторон
Люди огорожены.

Черновой автограф — в ГБЛ. *Но, иных не трогая.* Намек на такие в то время крамольные понятия, как революция, демократия, конституция, социализм, материализм и т. д.

В Европе. Впервые — ОЗ, 1871, № 10, стр. 441—442. Черновые автографы — в ГБЛ и ЦГАЛИ. Отметим примечательный рукописный вариант (ЦГАЛИ). После 3-й строфы следовало четверостишие:

Коль в моде отличья военного знак,
В прогресс не приходится верить...
Как жаль, что не можно всех ярых рубак
Крестом их любимым похерить!

Посмотришь, все немцы в лавровых венках, Во Франции — мир и порядок. Речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 гг., победу в которой одержали немцы. Жемчужников резко выступил против пруссачества, милитаризма в статье «Письма из немецкого города». Германия разоряет чужие земли, «она, — заявлял он, — беспощадно добивает Францию». Сложившуюся в Европе обстановку поэт характеризовал словами: «Торжество грубой силы», «Эпоха войн, захватов и насилий». Война «топчет, — писал он, — своими походными сапогами и лошадьми те самые свободы и цивилизации, от которых мы ждали богатой жатвы» (СПВ, 1871, № 12, 12 января).

Осенние журавли. Впервые — ОЗ, 1871, № 11, стр. 206, под заглавием «Журавли». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 86. Автограф — в ЦГАЛИ.

«Ты на земле — я вижу, друг...». Впервые — ОЗ, 1872, № 2, стр. 483—484. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 87—89.

Парадные песни

1. Эхаброст, прусско-русская доблесть. Печ. впервые по автографу ПД (архив П. В. Анненкова). В письмах к Анненкову от 24 и 29 мая 1873 г. Жемчужников сообщал, что под названием «Парадные песни» он объединил несколько комических стихотворений. В одном из них, иронически писал поэт, выражены «патриотические чувства» по случаю визита в Петербург императора Вильгельма. Визит происходил в апреле 1873 г. Вильгельму была оказана пышная встреча. В немецких газетах, сообщал Жемчужников, было напечатано, что император получил крест и шпагу с надписью: «Sa Echabrost (für Tapferkeit)». Поэт высмеивал комическое написание по-немецки русских слов «За храбрость». Передовые круги России отрицательно отнеслись к так называемому союзу «трех императоров» (России, Германии и Австрии), направленному против революционного движения в Европе после подавления Парижской коммуны.

2. Наср-Эддин-шах. Печ. впервые по автографу ПД (арх. П. В. Анненкова). «Довольны ли моим приветом персидскому шаху?» — писал Жемчужников 29 мая 1873 г., посылая П. В. Анненкову новую «парадную песню». Сатира написана в связи с визитом в Россию персидского шаха в мае 1873 г. М. М. Стасюлевич сообщал поэту в письме от 23 июня 1873 г. о том, что власти запретили газетам печатать о шахе, о его пребывании в Петербурге какие-либо другие сведения, кроме тех, какие публикует «Правительственный вестник» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 4. СПб., 1912, стр. 334). 26 июня того же года поэт писал находившемуся за границей Н. А. Некрасову, что посылает ему «песни не для печати». «Надо, — заметил он между прочим, — посвятить еще несколько куплетов персидскому шаху в Европе» (ЛН, № 51-52, М., 1949, стр. 286). В машинописной копии ГБЛ авторская помета: «В газетах было написано, что шах везет государю в подарок коня с чепраком и алмазною уздою ценою свыше 80 000 руб.».

3. Представители духа времени на Венской выставке. Печ. впервые по авторизованной машинописи ГБЛ. *Собранье царственных особ* — в июне 1873 г. в Вене состоялась встреча Александра II с австрийским императором Францем-Иосифом. Между монархами был заключен договор «о совместной линии поведения» в случае угрозы нападения со стороны третьей державы. К договору двух императоров Вильгельм I примкнул позже, в октябре 1873 г.

4. Эмс. Печ. впервые по авторизованной машинописи ГБЛ. Курортный городок Эмс, вблизи Рейна, был излюбленным местом встреч и отдыха знати, коронованных особ. В июне 1870 г. в Эмсе происходило предшествующее франко-прусской войне свидание Александра II с Вильгельмом I.

«Кончено. Нет ее. Время тревожное...». Впервые — ОЗ, 1876, № 4, стр. 690—691, подпись: «А. Ж.» Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 90—91. Автограф — в ЦГАЛИ. Это стихотворение открывает цикл лирических произведений, посвященный жене поэта — Елизавете Алексеевне Жемчужниковой (урожд. Дьяковой). Поэт тяжело переживал ее смерть. И. С. Тургенев писал поэту 7 февраля 1877 г. из Парижа: «Вы можете сказать о ней с гораздо бо́льшим правом, чем Гете о своей жене:

Der ganze Gewinn meines Lebens
Ist ihren Verlust zu beweinen».

Стихи, где выражена скорбь поэта, Тургенев называет «поразительно правдивыми и искренними» (РМ, 1914, № 1, стр. 137). Приведенная Тургеневым цитата — из стихотворения Гете «16 июня 1816»:

Мне в жизни одно осталось
Скорбеть над ее могилой.

(Пер. М. Лозинского)

«Гляжу ль на детей и грущу...». Впервые — ОЗ, 1876, № 4, стр. 691, подпись: «А. Ж.». Автограф — в ЦГАЛИ.

«Если б ты видеть могла мое горе...». Впервые — ОЗ, 1876, № 4, стр. 691—692, подпись: «А. Ж.». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 93—94. Автограф — в ЦГАЛИ.

«За днями ненастными с темными тучами...». Впервые — ОЗ, 1877, № 5, стр. 48. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 95—96. Автограф — в ЦГАЛИ.

«Чувств и дум несметный рой...». Впервые — ОЗ, 1877, № 5, стр. 48—49. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 93. Автограф — в ЦГАЛИ. По-видимому, об этом и предшествующем стихотворении Тургенев писал поэту 19 апреля 1877 г.: «Лучше их Вы никогда ничего не написали. Но я полагаю, Вы бы дорого дали, чтоб не иметь случая их написать. Как бы то ни было, они прекрасны — и достойны той, которую Вы потеряли» (РМ, 1914, № 1, стр. 139).

Совет самому себе. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 99—102. Автограф — в ЦГАЛИ. Стихотворение предназначалось для ОЗ, но по цензурным соображениям не было напечатано. «При настоящем положении славянского вопроса, — писал Салтыков-Щедрин поэту 8 сентября 1876 г., — при отношении к нему русского общества и, главное, при настроении цензуры относительно «Отеч<ественных> Записок», невозможно решиться печатать присланные Вами стихотворения. Т. е. первые два можно (если Вы признаете, что можно печатать их без третьего), а последнее — «К самому себе» — совсем нельзя. Ваш взгляд на дело, по моему мнению, совершенно

правилен, но, накануне вмешательства и в виду той роли, которую приписывает себе в этом деле русское правительство, мы рискуем закрытием журнала, если б что-нибудь подобное было напечатано. Надеюсь, что Вы поймете это и извините» (Полн. собр. соч., т. 19. М., 1939, стр. 71). Тургенев писал поэту 7 февраля 1877 г.: «„Совет самому себе“ — дышит горьким и веским юмором» (РМ, 1914, № 1, стр. 137). *Славянг стяг войны Подняли за свободу.* Имеется в виду восстание Герцеговины против турецкого владычества в 1875 г. Восстание поддержала Сербия, вступившая в войну с Турцией. *Тебе к лицу ли роль Славянского Мессии.* Сербско-турецкая война 1876 г. усилила в России так называемое славянское движение. Передовые круги русского общества глубоко сочувствовали освободительной борьбе славян. Однако царское правительство и поддерживавшие его консервативные круги, воспользовавшись событиями на Балканах, искусственно создали в стране шумную демонстрацию «патриотических» и шовинистических настроений. Этим самым отвлекалось внимание общества от вопросов и проблем внутреннего положения страны и народа, закабаленного самодержавием и буржуазно-помещичьей эксплуатацией. Поэт высмеивает реакционеров — душителей свободы в России, возомнивших себя защитниками свободы братьев-славян. Трудно, говорит он, «лжи стоять за правду в мире». Публицисты ОЗ высказывались в том же духе. «Человек, бывший вчера обыкновеннейшим пьяницей и дантистом, — иронизировал Н. Михайловский, — сегодня исправляет должность спасителя угнетенных!». Прямо называя газету «Новое время» и ее беспринципного издателя А. С. Суворина, который известен скорее «своим пренебрежением, чем сочувствием к „славянской идее“», Н. Михайловский писал: «Эта газета и этот издатель становятся вдруг руководителями великодушной общественной симпатии» (ОЗ, 1877, № 1, стр. 122). *Райя* — так назывались турецкие подданные немагометане. *Как Лазарь встал смердящий.* Имеется в виду евангельская легенда о чудесном воскресении Лазаря на четвертый день после смерти.

Привет весны. Впервые — ОЗ, 1877, № 5, стр. 49—50. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 103—104. Автограф — в ЦГАЛИ.

Знакомая картина. Впервые — ОЗ, 1878, № 3, стр. 198—199. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 105—106. Автограф — в ЦГАЛИ.

Полевые цветы. Впервые — ОЗ, 1878, № 3, стр. 199, под заглавием «Полевые цветки». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 107. Автограф — в ЦГАЛИ.

«Что за прелесть сегодня погода!..». Впервые — ОЗ, 1878, № 3, стр. 200. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 108.

Л. М. Жемчужникову. Впервые — ОЗ, 1878, № 3, стр. 200—201, под заглавием «Л. М. Ж—ву», дата — «сентябрь». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 110. Автограф — в ЦГАЛИ. Обращено к брату поэта, известному художнику Льву Михайловичу *Жемчуж-*

никову (1828—1912). Стихотворение является откликом на смерть жены. *Арфа Эола* — струнный инструмент, звучащий от дуновения ветра; Эол (греч. миф.) — бог ветров.

На горе. Впервые — ОЗ, 1878, № 3, стр. 201—202. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 111—112. Автограф — в ЦГАЛИ. Стихотворение является откликом на смерть жены.

Осенью в швейцарской деревне. Впервые — ОЗ, 1878, № 12, стр. 318, с пометой: «Сентябрь. Мегген, близ Люцерна». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 113—114. Автограф — в ЦГАЛИ, под заглавием «Осенью в швейцарской долине».

Земля. Впервые — ОЗ, 1878. № 12, стр. 368—370, с пометой: «Октябрь. Мегген, близ Люцерна». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 115—117. Автограф — в ЦГАЛИ.

Снег. Впервые — ОЗ, 1879, № 2, стр. 461, с датой: «6 ноября. Мегген, близ Люцерна». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 118—119.

Зимнее чувство. Впервые — ОЗ, 1879, № 2, стр. 462. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 120—121. Автограф — в ЦГАЛИ.

«О, жизнь! Я вновь ее люблю...». Впервые — ОЗ, 1880, № 2, стр. 397—398. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 122—123. Автограф — в ЦГАЛИ.

«Грустно смотрю я на жизнь, как в окно на ненастную осень...». Впервые — ОЗ, 1880, № 2, стр. 350. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 124. Автограф — в ЦГАЛИ.

Памятник Пушкину. Впервые — «Голос», 1880, № 216, 6 августа. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 125—127. Автограф — в ЦГАЛИ. *Теперь узнал я всё, что там произошло.* В связи с открытием памятника Пушкину в Москве в июне 1880 г. обострилась борьба литературно-политических партий, в частности «западнической» и «славянофильской». На торжествах выступали Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и другие литераторы, в числе их М. Н. Катков, стремившийся использовать празднества в целях проповеди излюбленных монархическо-дворянских идей. Выступал также Ив. Аксаков, развивавший идеи о русском народе — носителе истинного христианства в современном мире. *И ты особенно, кем дышит клевета.* Подразумевается М. Н. Катков. Незадолго до пушкинских празднеств в МВ были опубликованы передовицы, полные клеветы на революционеров, называвшие русскую интеллигенцию слепым оружием «вражеской крамолы» и т. п. С. А. Юрьев, редактор РМ, писал: «Стража на Страстном бульваре договорилась до того, что стала петь дифирамбы «слову и делу», начала возводить в величайшее гражданское мужество политический донос» (РМ, 1880, № 5, стр. 35). *И будет старый грех отпущен и забыт.* Имеется в виду инцидент с «примирительными» призывами в речи М. Н. Кат-

кова. «Катков публично на обеде, — сообщал корреспондент газеты «Голос», — в присутствии всех, у всех же просил прощения, молил о забвении, протянул руку, но никто не пожал этой руки» («Голос», 1880, № 158, 8 июня). Как сообщала пресса, Тургенев, к которому обратился Катков с примирительными словами, не принял тоста. Откликаясь на этот эпизод, Н. К. Михайловский писал: «Были резоны и у г. Каткова для примирительной речи. «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — закончил г. Катков свою речь стихом Пушкина. О, да! да здравствует солнце, да скроется тьма! Я боюсь только, что при этом придется скрыться и г. Каткову. Мне кажется даже, что он и сам этого боится, а потому и сказал примирительную речь» (ОЗ, 1880, № 7, стр. 134).

«Весны развертывались силы...». Впервые — ВЕ, 1884, № 2, стр. 615, с датой: «апрель 1883». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 130. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «27 марта 1883. Берн».

Заметки. Впервые — ВЕ, 1884, № 2, стр. 615—617. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 131—133. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «14 апреля 1883. Берн».

«Ранней осени подарок...». Впервые — ВЕ, 1884, № 2, стр. 618, с датой: «сентябрь 1883». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 135. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «10 сентября 1883 Albisbrunn».

«Лишь вступит жизнь в такую пору...». Впервые — ВЕ, 1884, № 2, стр. 618—619, с датой: «октябрь 1883». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 136. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «10 октября 1883. Albisbrunn».

Отголосок пятнадцатой прелюдии Шопена. Впервые — ВЕ, 1884, № 2, стр. 620, с пометой: «Близ Цюриха. Октябрь 1883». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 141. *Ольга Алексеевна Жемчужникова* — дочь поэта.

В. М. Жемчужникову. Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 734, с посвящением: «В. М. Ж—ву», с датой: «декабрь 1883». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 142. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «12 декабря 1883. Цюрих». Стихотворение обращено к брату поэта Владимиру Михайловичу *Жемчужникову* (1830—1884). После отставки с поста директора департамента общих дел министерства путей сообщения он жил в Ментоне (Франция); вместе с Алексеем Михайловичем, как один из соавторов Козьмы Пруткова, готовил к изданию его сочинения (см. ВЕ, 1884, № 12, стр. 932—933).

На родине. Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 736—738. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 145—147. Наборная рукопись — в ПД (арх. В. А. Ляцкой-Пыпиной). Автограф — в ЦГАЛИ. В изд. 1901 г. авторское пояснение: *«Рунторт* (имение моей сестры А. М. Арцимович,

в Витебской губернии)». После длительного пребывания за границей поэт в 1884 г. вернулся в Россию (см. «Автобиографический очерк»). Стихотворение написано по этому поводу. *Они — «повапленные» гро́бы* — евангельское сравнение лжецов и лицемеров с красиво окрашенными, повапленными (вапь — краска) гробами, которые «внутри полны мертвых костей и всякой мерзости». Речь идет о катковствующих «патриотах», фарисейство которых поэт обличает во многих своих произведениях.

На железной дороге. Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 735, с датой: «1884». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 144. Наборная рукопись — в ПД (арх. В. А. Ляцкой-Пыпиной). Автограф — в ЦГАЛИ.

Ночью. Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 735. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 143. Беловой автограф — в ПД (арх. В. А. Ляцкой-Пыпиной) и ЦГАЛИ.

СЕЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И КАРТИНКИ

(Серия первая)

1. В вагоне за Москвою. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 599, с датой: «июль». Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «10 августа 1886. Апухтино». Печ. по Изд. 1901, т. 1, стр. 156, где стих «Думы, мои думы также поневоле», ввиду его буквального совпадения с известным стихом Т. Г. Шевченко, изменен на «Сумрачные думы также поневоле». Исправление внесено в приложенный к Изд. 1892 г., т. 2, перечень опечаток.

2. Ракиты на большой дороге. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 600—601, с датой: «август». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 151. Автограф — в ЦГАЛИ.

3. Прогулка по большой дороге. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 601, с датой: «август». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 152. Автограф — в ЦГАЛИ.

4. Отдых при дороге. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 602, с датой: «август». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 153. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «8 сентября 1886. Павловка».

5. Бешеная собака. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 602—603. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 154. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «19 августа 1886. Апухтино». *Мне вспомнился один наш публицист-писатель.* Имеется в виду М. Н. Катков и его крикливые, злобные передовые статьи в МВ.

6. Темень. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 603, с датой: «август». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 155. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «23 августа 1886. Апухтино».

7. Осенний дождь в деревне. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 603, с датой: «сентябрь». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 155—156. Автограф — в ЦГАЛИ.

8. По поводу дождя и снега. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 605, с датой: «сентябрь». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 157. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «28 сентября 1886. Павловка».

9. Зима идет. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 606—607, с датой: «октябрь». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 158. Автограф — в ЦГАЛИ.

10. Отъезд из деревни. Впервые — ВЕ, 1887, № 2, стр. 607, с датой: «октябрь». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 160. Автограф — в ЦГАЛИ. *А при самом въезде в город наш уездный.* Имеется в виду город Елец (Орловской губернии).

«Как будто всё всем надоело...». Впервые — ВЕ, 1887, № 5, стр. 330. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 166. Автограф — в ЦГАЛИ. Вместо стиха «Нас весть беды всколышет вдруг» в рукописи был вариант: «Крамола нас всколышет вдруг». Автор исключил его, по-видимому как слишком явно намекающий на террористические акты народовольцев.

Весенняя песнь. Впервые — СВ, 1888, № 11, стр. 90. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 168—169. Автограф — в ЦГАЛИ. *Сколько ввысь и вширь стремлений! Но задержек сколько вместе!* Речь идет об эпохе реформ 60-х годов. Стихи перекликаются с рассуждениями Салтыкова-Щедрина в очерке «Имярек», опубликованном в апрельской книжке ВЕ за 1887 г., т. е. в пору, когда писалась «Весенняя песнь»: «Эпоха возрождения была довольно продолжительна, но она шла так неровно, что трудно было формулировать сколько-нибудь определенно сущность ее. Возрождение — и рядом несомненные шаги в сторону и назад. Движение — и рядом застой. Надежды — и рядом отсутствие всяких перспектив».

Столковались. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 170—171. Автограф — в ЦГАЛИ, с заглавием «Сговорились».

Превращения. Впервые — ВЕ, 1888, № 3, стр. 49. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 173—174. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «17 октября 1887. Павловка».

«Сняла с меня судьба, в жестокий этот век...». Впервые — СВ, 1888, № 10, стр. 212. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 175—176. Автографы — в ЦГАЛИ и ПД. *Не столько старости недужные года, Как молодость теперь есть тягостное бремя.* В статье К. Арсеньева «Цветущая старость» было замечено, что поэт этими стихами развивал тему И. С. Аксакова. «Старинный аккорд, — пи-

сал критик, — одно время казавшийся навсегда отзвучавшим, повторяется здесь, без сомнения, не случайно. А. М. Жемчужников — ровесник Аксакова; он хорошо помнит то время, которое внушило последнему жалобу на «тягостное бремя молодости», и, помня его, не может не узнать в настоящем знакомые черты давно минувшей эпохи. Вместе с обстановкой появляется вновь и настроение, когда-то ею вызванное, — появляется, конечно, глубоко изменившимся в деталях, как изменились и внешние условия, но сходным в основной ноте, как сходны отличительные черты господствующих течений» (ВЕ, 1892, № 10, стр. 880). В письме к К. К. Арсеньеву от 15 октября 1892 г. поэт отвечал: «Я не помнил стихотворения И. С. Аксакова, когда писал, что «молодость теперь есть тягостное бремя». Какое любопытное сходство мысли и выражений» (ПД). Речь идет о стихотворении И. С. Аксакова «Усталых сил я долго не жалел...», которое заканчивалось следующими строками:

Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?..

Стихотворение И. С. Аксакова впервые было опубликовано в журнале «Русская беседа», 1856, кн. 1. О нем положительно отозвались на страницах С Некрасов и Чернышевский. *В самоубийстве бы обрел уже, быть может, Он преждевременный покой.* В печати 80-х годов часто писалось о самоубийствах среди молодежи (см. «Самоубийства в Западной Европе и Европейской России». ОЗ, 1882, № 9) как характерном признаке эпохи реакции, общественного уныния, отчаяния и бездорожья. В стихотворении А. Апухтина «Из бумаг прокурора» (ВЕ, 1889, № 4, стр. 699) читаем:

Не я один ищу спасения в покое,
В эпоху общего унынья мы живем.
Какое-то поветрие больное —
Зараза нравственной чумы —
Над миром носится.

Из мира, в цвете лет, быть выброшенным вон. Намек на судебные расправы над молодежью, активной участницей революционного движения.

Моей музе. Впервые — ВЕ, 1889, № 1, стр. 215—216. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 179—180. Автограф — в ЦГАЛИ.

«Духа не угашайте». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 222—224. Автограф — в ЦГАЛИ. Там же гранки стихотворения. Стихотворение предназначалось для ВЕ, но, как цензурно опасное, напечатано не было. «Я придумал, — писал поэту 21 декабря 1888 г. М. М. Стасюлевич, — следующее средство, чтобы сделать Вам наглядным то, что могло не представляться наглядным в рукописи: я распорядился набрать, чтобы, увидев свое поистине прелестное стихотворение в печати, Вы невольно воскликнули: «Нет, это невоз-

можно! Увы, такие вещи пишутся, но не набираются». «Духа нет, дух угасили!» Ведь это произведение «духа», как же Вы хотите, чтобы оно было напечатано там, где «спят, кощунствуя во сне»! В наборе сделана одна опечатка, но такая великолепная, что я только для потомства сбоку сделал комментарий. Посылаю Вам в облатке набор, теперь уже разобранный, прошу позволения сохранить на память Вашу рукопись, которую я положу в особый шкаф, где она будет возлежать вместе с бумагами ей подобными и вместе бесподобными» (ЦГАЛИ). *Я знаю: был объят за родину тревогой Ты, русский гражданин, в те смут крамольных дни.* Намек на убийство народовольцами Александра II и на другие террористические акты 1879—1881 гг.

Забытые слова. Впервые — ВЕ, 1889, № 6, стр. 849, с датой: «14 мая». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 187. Автограф — в ЦГАЛИ. «Забытые слова» — название начатого перед смертью произведения Щедрина. «Помещаемое нами ниже стихотворение А. М. Жемчужникова, — сообщалось в редакционной заметке, — довольно верно изобразило вероятную тему последнего литературного замысла покойного <Щедрина>. Раз — это было в ноябре или декабре прошлого года — он как будто точнее формулировал свой литературный замысел, и среди разговора о чем-то, наведшем его опять на мысль о «Забытых словах», он вдруг прервал себя и обратился с вопросом: прожив столько лет и столько испытав, может ли он и имеет ли право и обязанность написать свое «завещание»? Из его же слов было видно, что дело тут идет не о духовном завещании, а все о том же, новом его литературном замысле; но попытка поддержать с ним разговор в этом направлении, как это часто бывало и в других подобных случаях, прерывалась в самом начале жалобами его на болезнь и невозможность писать...» (ВЕ, 1889, № 6, стр. 846). Автор этих строк — по-видимому, редактор-издатель ВЕ М. М. Стасюлевич, который, как это можно заключить по письмам М. Е. Салтыкова-Щедрина (Полн. собр. соч., т. 20. М., 1937, стр. 378, 386 и др.), посещал его несколько раз в ноябре — декабре 1888 г. и позже. «Забытые слова» — синоним общественных идеалов сатирика. Он писал в очерке «Имярек»: «Лозунг его в то время выражался в словах: «Свобода, развитие и справедливость». Свобода — как стихия, в которой предстояло воспитываться человеку; развитие — как неизбежное условие, без которого никакое начинание не может представлять задатков жизненности; справедливость — как мерило в отношениях между людьми, такое мерило, за чертою которого должны умолкнуть все дальнейшие притязания» (Полн. собр. соч., т. 16. М., 1937, стр. 719). В раздумьях щедринских положительных героев Крамольникова и Имярека эти слова слиты с понятиями о благе народа, о процветании общества. Стихотворение было опубликовано на страницах журнала в траурной рамке. Царская цензура следующим образом отозвалась о литературной деятельности сатирика: «Известный писатель Салтыков (Щедрин), при несомненном своем таланте, принес громадный вред общим направлением своей деятельности, направленной к осмеянию

наравне с неприглядными сторонами нашей жизни и всего того, что наиболее заслуживает уважения. В 1884 году издание журнала его «Отечественные записки», как посвященное проповеди социалистических теорий, было прекращено постановлением Совещания четырех министров. Ныне после смерти Салтыкова «Вестник Европы» печатает целый ряд статей, в которых старается изобразить его одним из полезнейших деятелей и восстановляет в памяти читателей все, что было предосудительного в его сочинениях». Стихотворение Жемчужникова непосредственно примыкает к этой группе статей ВЕ, за которые журналу было объявлено предостережение (ЛН, № 13-14. М., 1934, стр. 169—170).

Песни об уединении. Впервые — ВЕ, 1890, № 1, стр. 225. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 189—191. Автограф — в ЦГАЛИ. *Их торжествующих здесь нет физиономий.* Речь идет о публицистах и литераторах реакционного толка. *Он... обратился вспять на старину гнилую.* Поэт пишет о распространенных в царствование Александра III попытках в розовом свете представить крепостническое прошлое, реабилитировать его. «В настоящее время раздаются голоса за то, — писала Ек. Леткова в статье «Крепостная интеллигенция», — что при крепостном праве народу жилось лучше, чем теперь, потому что собственный интерес помещика заставлял его бережно относиться к мужицкому хозяйству и делал из „господ" естественных покровителей крестьян» (ОЗ, 1883, № 11, стр. 197). Опубликованная в это же время «Пошехонская старина» Салтыкова-Щедрина бичевала не только прошлое, но и настоящее, но и реакцию 80-х годов, которая глубоко корнями уходила в крепостничество (см.: А. С. Бушмин. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.—Л., 1959, стр. 348—351).

СЕЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И КАРТИНКИ

(Серия вторая)

Летом

1. Вечерняя заря. Впервые — «Памяти В. М. Гаршина. Художественно-литературный сборник». СПб., 1889, стр. 273. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 192—193.

2. Как шумят мои липы. Впервые — ВЕ, 1889, № 1, стр. 216. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 193—194. Автограф — в ЦГАЛИ.

Осенью

1. «Так полночь темная тепла...». Впервые — СВ, 1890, № 1, стр. 98, под заглавием «В деревне». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 195—196. Автограф — в ЦГАЛИ.

2. «Душа то грустию томима...». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 196. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «3 октября 1889. Павловка».

3. Вечерняя прогулка в октябре. Впервые — ВЕ, 1890, № 12, стр. 737, под заглавием «Вечерняя прогулка», с пометой: «октябрь». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 197. Автограф — в ГБЛ.

Зимою

1. Первый снег. Впервые — ВЕ, 1889, № 1, стр. 217—218. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 198. Автограф — в ЦГАЛИ.

2. Красивая смерть. Впервые — ВЕ, 1889, № 4, стр. 774. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 199. Автограф — в ЦГАЛИ.

3. Обыкновенный случай. Впервые — ВЕ, 1891, № 2, стр. 783, под общим вместе со следующим стихотворением заглавием «Зимой в деревне». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 199—200.

4. Одиночество. Впервые — ВЕ, 1891, № 2, стр. 782, под общим вместе с предыдущим стихотворением заглавием «Зимой в деревне». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 200. Автограф — в ГБЛ.

Весною

1. «На той же я сижу скамейке...». Впервые — ВЕ, 1891, № 6, стр. 805, под заглавием «Весна». Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 201—202.

«Мне за «гражданскую» тоску...». Впервые — ВЕ, 1890, № 3, стр. 144—145. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 203—204.

Современные заметки. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 205—207.

Умные политики. Впервые — СВ, 1892, № 1, стр. 83—84. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 209—210. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометками корректора.

Прелюдия к прощальным песням. Впервые — ВЕ, 1891, № 10, стр. 735. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 211—212.

«Не спеша меняйтеся, картины...». Впервые — ВЕ, 1892, № 1, стр. 172. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 219.

Всем хлеба! Впервые — «Помощь голодающим. Научно-литературный сборник», СПб., 1892, стр. 144. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 221. Черновой автограф — в ГБЛ. *Рабочий люд едва не весь На нашей родине — без хлеба.* 1891 г. в России был неурожайным, голод охватил многие губернии, крестьяне ели лебеду.

Новая вариация на старую тему. Впервые — ВЕ, 1892, № 3, стр. 365—369. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 225—230, куда включено с небольшой стилистической правкой. Заглавие навеяно статьей А. И. Герцена «Новые вариации на старые темы» (1847) из цикла «Капризы и раздумье». *Твоя наставница — московская печать.* Речь идет о МВ М. Н. Каткова, где эпитеты *«разбойники пера», «мошенники печати»* употреблялись по адресу либеральных петербургских газет «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости». *«Не верь, не верь себе, мечтатель молодой!»* — первая строка стихотворения М. Ю. Лермонтова. *Аракчеев* А. А. (1769—1836) — всесильный временщик Павла I и Александра I, при последнем — военный министр (с 1808), начальник «военных поселений» — особой формы организации войск, введенной в 1817 г.: государственные крестьяне и солдаты, жившие на территории, отведенной для военных поселений, превращались в пожизненно военнообязанных и одновременно должны были нести сельскохозяйственные повинности: быт военнопоселенцев подвергался суровой регламентации.

«Погода сделала затворником меня...». Впервые — ВЕ, 1892, № 3, стр. 369. Печ. по Изд. 1892, т. 1, стр. 231.

ИЗ «ПЕСЕН СТАРОСТИ»

Весна. Впервые — ВЕ, 1892, № 10, стр. 769, в цикле «Деревня». Печ. по ПС, стр. 3.

Конь Калигулы. Впервые — «Почин. Сборник общества любителей российской словесности», М., 1896, стр. 229. Печ. по ПС, стр. 10—11. Автографы — в ПД и ЦГАЛИ. 3 ноября 1892 г. поэт писал Виктору Антоновичу Арцимовичу: «Прилагаю стихотворение, которое не появилось в «Вестнике Европы» по цензурным соображениям. После я послал его в «Неделю», редакция которой просила меня прислать ей стихотворение, но и «Неделя» не решилась его напечатать» (ЦГАЛИ). Зимой 1893 г. Жемчужников обещал прислать стихотворение в подготовляемый Обществом любителей российской словесности сборник, и, когда А. Н. Веселовский напомнил об этом обещании, поэт сделал попытку напечатать здесь столь настойчиво преследуемое цензурой произведение. «На всякий случай, — писал он 8 декабря 1894 г. А. Н. Веселовскому, — посылаю Вам стихотворение, написанное более двух лет тому назад. В то время «Вестник Европы» не решился его напечатать по цензурным соображениям. Мне кажется, что, право, можно было бы его напечатать теперь. Тем более, что в сборнике оно как будто бы не будет так на виду, как в журнале. Ужели нельзя отнестись иронически к древнему римскому сенату, потому только, что у нас есть также сенат? Очень буду рад, если Вы найдете возможность поместить мое стихотворение в сборнике...» (ПД). Эпиграф — из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможе». *Калигула,* Гай Цезарь (12—41) — римский император, отличавшийся непомерным честолюбием и деспо-

тизмом. Сохранился рассказ о том, что он намеревался сделать консулом своего коня и назначить его в сенат. Ироническим переосмыслением исторического анекдота поэт остроумно высмеял высшее государственное учреждение Российской империи. *Денник* — стойло в конюшне.

Отголосок девятой симфонии Бетховена. Впервые — ВЕ, 1893, № 4, стр. 805, под заглавием «Девятая симфония Бетховена». Печ. по ПС, стр. 17. Автограф — в ГБЛ. Последняя часть симфонии завершается хором на текст оды «К радости» Ф. Шиллера.

Памяти Шеншина-Фета. Впервые — ВЕ, 1893, стр. 220. Автограф — в ГБЛ. А. А. Фет умер 21 ноября 1892 г. *И пусть он в старческие лета Менял капризно имена.* «По высочайшему повелению» Фет, по его настойчивым просьбам, был причислен к роду Шеншиных и тем самым получил потомственное дворянство. *Проза Шеншина.* Имеются в виду проникнутые реакционной тенденцией статьи Фета «Письма русского помещика».

Себе. Впервые — ВЕ, 1908, № 10, стр. 758. В сборники не включалось. Автограф — в ГБЛ. В примечании от редакции ВЕ сообщалось: «Эти два <другое — «За шлагбаумом». — *Е. П.*> стихотворения Жемчужникова, по высказанному покойным поэтом желанию, должны быть напечатаны только после его смерти».

Голоса. Впервые — ВЕ, 1893, № 3, стр. 201—203. Печ. по ПС, стр. 22—25. Автограф — в ЦГАЛИ. В рукописном тексте после 5-й строфы вычеркнуто следующее четверостишие:

Там, в одиночестве, от всех сует вдали
И мелочных забот не подчиняясь игу, —
О вечности ты, бренный сын земли,
Раскрой и изучай таинственную книгу.

«Неизбалованный поэт...». Впервые — КН, 1893, № 5, стр. 54. В сборники не включалось. *«Словам забытым» зная цену.* См. примеч. к стихотворению «Забытые слова», стр. 363.

Радостные куплеты. Впервые — КН, 1893, № 12, стр. 154. Печ. по ПС, стр. 26—27. Автограф — в ГБЛ.

Пауза. Впервые — ВЕ, 1893, № 4, стр. 805.

С гор потоки. Печ. по ПС, стр. 33.

«Уж замолкают соловьи...». Впервые — ВЕ, 1893, № 11, стр. 296. Печ. по ПС, стр. 34.

Письмо к юноше о ничтожности. Впервые — ВЕ, 1894, № 1, стр. 42—44, под заглавием «Письмо к молодому другу о ничтожности». Печ. по ПС, стр. 38—41. *Прозелит* — сторонник, союзник.

Другу. Впервые — ВЕ, 1893, № 10, стр. 654—655. Написано через несколько месяцев после смерти близкого друга поэта. *Арцимович* Виктор Антонович (1820—1893) — видный участник либерального движения 60-х годов, впоследствии сенатор. *О старый друг! Еще когда мы были юны* и т. д. Поэт учился вместе с В. А. Арцимовичем в Училище правоведения.

Пятно. Впервые — ВЕ, 1893, № 12, стр. 559, под заглавием «Враги». Печ. по ПС, стр. 45, где исключены последние три строфы журнальной редакции стихотворения:

Недаром он в уме народном видеть хочет
Источник всяческой беды
И дерзостно земли избранников порочит
За самовольные труды,

Как будто вместе быть и земским человеком
И верноподданным нельзя;
Как будто в том вся суть, чтоб жить лишь старым веком,
Обличье рабское нося...

О господи! рассей обманы и соблазны
И нас от бед обереги!
Рассей врагов родных! Нам меньше их опасны
Иноплеменные враги.

Глухая ночь. Впервые — ВЕ, 1894, № 3, стр. 203. Печ. по ПС, стр. 48—49. Автограф — в ГБЛ.

Комедия ретроградных публицистов и толпа. Печ. по ПС, стр. 50—54.

Летний зной. Впервые — ВЕ, 1894, № 12, стр. 685. Автограф — в ГБЛ.

Заметки о некоторой публицистике. Впервые — КН, 1895, № 1, стр. 69. Автограф — в ГБЛ.

«Скерцо» на гражданские мотивы. Впервые — ВЕ, 1905, № 10, стр. 731—738. Автограф — в ЦГАЛИ, с пометой: «1895. Петербург. Исправлено: 1 сентября 1905 г.». Интересен рукописный вариант строфы 13:

С усердьем Лойолы,
Защитники бога,
Мы наши расколы
Преследуем строго.

В письме от 7 сентября 1905 г., отправленном в редакцию ВЕ, Жемчужников сообщал: «Ровно десять лет тому назад я написал стихотворение «Скерцо» на гражданские мотивы». Я его читал у вас в одну из ваших суббот, после обеда, между прочими слушателями был Владимир Сергеевич Соловьев. Оно было всеми одобрено и передано вам на хранение до благоприятного случая. Теперь я его просмотрел, много сократил и исправил. Прошу вас то уничтожить; я не желаю, чтобы оно было когда-нибудь напечатано. Дело, как видите, касается таких сторон нашей жизни, о которых прежде нельзя было говорить и осуждение которых теперь произнесено не только большинством общества, но и самим правительством. Мне кажется, что мое стихотворение, с подписанною под ним датою (1895), может представлять интерес; оно подверглось только той отделке, которая обыкновенно прилагается к тому, что предназначается для печати» (ВЕ, 1905, № 10, стр. 731). *Скерцо* — буквально шутка; музыкальная пьеса в живом, стремительном темпе. *Отсюда досада У нас на финляндца.* В Финляндии существовал орган сословного представительства — сейм, который образовывал правительство. Царские власти постоянно нарушали конституцию. Впервые сейм был созван только в 1863 г. В конце XIX столетия царизм повел активную русификаторскую политику. Царским манифестом 15 февраля 1899 г. устанавливалось, что русские власти без согласия сейма издают законы для Финляндии. Реакционная печать поддерживала политику великодержавного шовинизма. *Поляков и полек Нас бесит привычка.* Имеется в виду борьба против навязанного Польше русским царизмом режима, за национальную независимость польского народа. Православная церковь поддерживала политику «обрусения» окраин. *Мы наши расколы Преследуем строго.* Религиозные общества и группы, противостоящие официальной церкви, с давних времен преследовались в судебном порядке. *Ювенал* (ок. 56—132) — римский поэт-сатирик. *Бартенев положит в портфели «Архива».* Бартенев Петр Иванович (1829—1912) — редактор журнала «Русский архив».

«Когда душа, расправив крылья...». Впервые — ВЕ, 1895, № 5, стр. 356. Автограф — в ГБЛ.

Придорожная береза. Впервые — ВЕ, 1896, № 1, стр. 33. Автограф — в ГБЛ.

Дума. Впервые — ВЕ, 1896, № 2, стр. 495—496. Автограф — в ГБЛ. *Притчи Христа о лукавом рабе и зернах погибших.* Имеется в виду библейская притча о рабе, который полученные от господина деньги не рискнул пустить в оборот, за что был наказан. (Новый Завет. Евангелие от Луки, гл. XIX). Сюжет библейской притчи о погибших зернах был пересказан в раннем стихотворении Жемчужникова «Притча о сеятеле и семенах» (см. примеч. на стр. 342).

Семьдесят пять лет. Впервые — КН, 1896, № 3, стр. 131—134. Печ. по ПС, стр. 38—41. Автограф — в ГБЛ. *Один уж мной вос-*

пет. Подразумевается стихотворение «Семьдесят два года» (впервые — КН, 1893, № 3, стр. 149—151). *Где соль земли и цвет*. Так поэт иронически именует высшую бюрократию. *Вдруг спросят там наивно: За розгу ль я иль нет*. Хроникеры ВЕ сообщали даже в 1901 г., спустя сорок лет после реформы, что в «обществе» велись разговоры о том, «как нехорошо, что все еще узаконены телесные наказания для крестьян» (ВЕ, 1901, № 3, стр. 438).

«Странные порой...». Впервые — сб. «Привет», СПб., 1898, стр. 14. Автограф — в ГБЛ.

О жизни. Впервые — ВЕ, 1897, № 1, стр. 5. *Вечный жид* — персонаж религиозных легенд; осужден на вечное скитание по земле и вечное презрение со стороны людей за то, что оттолкнул ведомого на распятие Христа, когда тот просил позволения отдохнуть у его дома.

Животная проза и декадентская поэзия. Впервые — ВЕ, 1897, № 1, стр. 92. Печ. по ПС, стр. 44.

Лесок при усадьбе. Впервые — ВЕ, 1896, № 12, стр. 749—751.

«Сидючи дома, я в окна взгляну ли...». Впервые — ВЕ, 1897, № 3, стр. 187. *С дня Спиридона*. По народному календарю 12 декабря — день Спиридона-Солнцеворота.

Завещание. Впервые — КН, 1897, № 5, стр. 28—29. Предназначалось для ВЕ, но по цензурным соображениям напечатано не было. «Я имею все основания думать, — писал поэту 9 марта 1897 г. М. М. Стасюлевич, — наши «нотариусы» в Театральной улице никаким образом не утвердили бы Вашего «Завещания», а потому не смогу рискнуть на его публикацию. Так как Вы прислали мне, конечно, копию, то позвольте мне сохранить его в моем особом ящике на память» (ЦГАЛИ).

Поминки. Печ. по ПС, стр. 90—91. *Не мертвецу я шлю укор, а вожделеньям Его усопшее ученье воскресить*. Речь идет о М. Н. Каткове, десятую годовщину со дня смерти которого казенно-ретроградная пресса использовала для шумного восхваления его реакционных взглядов. МВ, РВ, «Русское обозрение» и др. журналы в июле — августе 1897 г. помещали на своих страницах панегирические статьи о Каткове.

Ученики. Печ. по ПС, стр. 92—93. Даже единомышленники М. Н. Каткова по борьбе с революционным движением вынуждены были признать, что его «ученики» далеко уступают «покойному главе московского охранительного направления», они уклонились в «аляповатую сторону» (см.: В. В. Розанов. Письмо в редакцию. — СВ, 1897, № 4, стр. 86—87).

Старая ракита. Впервые — ВЕ, 1898, № 4, стр. 719.

«Былые радости! Как ныне...». Впервые — «Памяти Белинского. Литературный сборник», М., 1899, стр. 160. Автограф — в ЦГАЛИ.

«Так прочен в сердце и в мозгу...». Печ. по ПС, стр. 103.

«О, когда б мне было можно...». Печ. по ПС, стр. 104.

За шлагбаумом. Впервые — ВЕ, 1908, № 10, стр. 758—759. По желанию поэта, это стихотворение должно было быть напечатано только после его смерти. «В одной петербургской газете, — писал поэт во вступительной заметке к стихотворению, — в конце 1898 г. был помещен фельетон: «Петербургские разговоры». Между прочим, автор фельетона поставил вопрос: «Кого, после смерти Полонского, можно назвать в настоящее время «поэтом»?» Затем перечислялись в таком порядке следующие поэты: Минский, Мережковский, Фофанов, гр. Голенищев-Кутузов, Случевский. В конце же говорится: «Те, которых имена не пришли сами собою в голову, пусть и остаются за шлагбаумом». А. Ж.».

ИЗ «ПРОЩАЛЬНЫХ ПЕСЕН»

Погибшая нива. Впервые — ВЕ, 1901, № 1, стр. 239.

Еще о старости. Впервые — ВЕ, 1901, № 3, стр. 38.

При свете вечернем. Впервые — ВЕ, 1903, № 1, стр. 198—199.

Родная природа. Впервые — ВЕ, 1901, № 10, стр. 574—575. Печ. по ПП, стр. 15. Стихотворение посвящено О. А. *Баратынской* — старшей дочери поэта. В имении ее мужа М. А. Баратынского — Ильиновке, Кирсановского уезда, Тамбовской губернии — поэт с 1896 г. постоянно проводил лето (см.: «От автора». ПС, стр. VII—VIII). Журнальная редакция стихов 5—8 следующая:

Где воспрещен голодный нищий,
Где карта есть духовной пищи
Для продовольствия ума;
О ты, веселое кладбище!
Благообразная тюрьма!

«Уж было так давно начало...». Впервые — ВЕ, 1901, № 11, стр. 57.

Послание к старикам о природе. Впервые — ВЕ, 1901, № 12, стр. 804—807. Печ. по ПП, стр. 18. В журнальной редакции не было двустишия:

Не изменяет соловей
Живой мелодии своей.

Ницше Фридрих (1844—1900) — реакционный немецкий философ, утверждал, что в жизни, истории все зависит от воли одиночек, стремящихся к власти, «сверхчеловеков», ненавидящих «толпу», народную массу, удел которой — покорность и послушание «классу господ». *Фиваида* — древнеегипетский город, воспетый Гомером; известен заупокойными храмами, гробницами фараонов и знати.

Звуки старины далекой. Впервые — ВЕ, 1903, № 5, стр. 134—136. *Клир* — собрание церковнослужителей.

Националисту. Впервые — ВЕ, 1903, № 6, стр. 140, под названием «Газетному „националисту"». В статье «Наши монархисты и их программы» в ВЕ, где в последние годы преимущественно печатался поэт, указывалось, что реакционные политики, «националисты-патриоты», взывают к борьбе с «изменниками» и крамолой во имя укрепления самодержавной власти («...все наши бедствия происходят от зловредных козней внутренних врагов, преимущественно иноверцев, стремящихся превратить святую православную Русь в космополитическую страну с западноевропейским парламентаризмом, с анархией автономных окраин и с господством чужих племен над русским населением». — ВЕ, 1907, № 5, стр. 256—257). *Антикварий* — человек, занимающийся собиранием и исследованием древностей.

Возвращение холодов. Впервые — ВЕ, 1904, № 5, стр. 500—561. *От этих ужасов войны.* Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг.

В наши дни. Печ. по ПП, стр. 52. Автограф — в ЦГАЛИ, под заглавием «В забастовочные дни». В стихотворении выражены настроения, характерные для круга сотрудников либерального ВЕ. М. М. Стасюлевич писал поэту из Петербурга 9 декабря 1905 г.: «В Москве всеобщая забастовка... моя типография закрыта! Завтра не выйдет ни одна газета. Куда мы идем?! Россия, можно подумать, хочет покончить свою историю самоубийством» (ЦГАЛИ).

Из-за чего? Печ. по ПП, стр. 55.

Льву Николаевичу Толстому. Впервые — ВЕ, 1908, № 9, стр. 5—6, с подзаголовком: «На 28 августа 1908 года». В редакционном примечании сообщалось: «Покойный Алексей Михайлович, можно подумать, как бы в предчувствии близкой смерти и как бы желая, чтобы и его голос раздался, во всяком случае, среди приветствий Льву Николаевичу в день достижения им восьмидесятилетия жизни (родился 28 августа 1828 г.), весьма заблаговременно написал свой привет юбиляру, но хотел, конечно, сначала представить ему настоящее стихотворение в рукописи и только уже после того поместить его в печати. Как мы знаем, семья покойного так и распорядилась».

Итоги. Впервые — ВЕ, 1908, № 6, стр. 513. В редакционном примечании сообщалось: «Найдено на письменном столе в бумагах покойного Алексея Михайловича; стихотворение, как есть основание предполагать, было написано в марте, за несколько дней до его смерти (25 марта), и осталось, очевидно, неоконченным». *Мафусаил* (библ.) — самый долговечный из людей.

ИЗ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Кондуктор и тарантул. Впервые — С, 1851, № 11, стр. 90, в фельетоне И. И. Панаева «Заметки Нового поэта о русской журналистике», без подзаголовка и без указания автора. Печ. по ПСС 2, стр. 15. Басня написана в соавторстве с Александром Жемчужниковым. «Летом 1851 или 1852 г., во время пребывания нашей семьи (без гр. Толстого) в Орловской губ. в деревне, — писал В. М. Жемчужников А. Н. Пыпину 6(18) февраля 1883 г., — брат мой Александр сочинил, между прочим, исключительно ради шутки, басню «Незабудки и запятки», — эта форма стихотворной шалости пришлась нам по вкусу, и тогда же были составлены басни тем же братом Александром при содействии бр. Алексея: «Цапля и беговые дрожки» и «Кондуктор и тарантул» и одним бр. Алексеем: «Стан и голос» и «Червяк и попадья». Кроме последней из этих басней, остальные были напечатаны в «Современнике» в том же году без обозначения имени автора, потому что в то время еще не родился образ К. Пруткова» (Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.—Л., 1933, стр. 457). Дата написания, указанная в письме, уточняется как лето 1851 г., так как осенью басня уже была опубликована. *Депансы* (фр. dépenses) — затраты, расходы. *Дилижанс* — до развития железных дорог экипаж для регулярных перевозок пассажиров и почты по определенным маршрутам.

Цапля и беговые дрожки. Впервые — С, 1851, № 11, стр. 90—91, без подзаголовка. С изменениями — «Новое время», 1881, № 2026, 18 октября, в статье Вл. Жемчужникова «Защита памяти Косьмы Петровича Пруткова», за подписью «Непременный член К. Пруткова». Печ. по ПСС 2, стр. 21. В С другой вариант первой строки:

На беговых философ ехал дрожках.

Стих 10 опущен, в связи с чем стихи 9 и 11 читаются:

Коль мещанином ты рожден — будь мещанин,
А если ты кузнец и захотел быть барин...

Конец смягчен:

Не только не добыть тебе те длинны ножки,
Но можешь потерять коротенькие дрожки.

Басня написана в соавторстве с Александром Жемчужниковым летом 1851 г. (см. предыдущее примеч.). История первой публика-

ции ее, как указано в «Новом времени», входит в «те редкие случаи, в которых Ив. Ив. Панаев дерзал, ссылаясь на условия цензуры, прикасаться к творениям Пруткова». Мысль басни могла быть навеяна басней В. А. Жуковского «Цапля».

Стан и голос. Впервые — С, 1853, № 1, стр. 104, в фельетоне И. И. Панаева «Канун Нового 1853 года. Кошемар, в стихах и прозе, Нового поэта», без подзаголовка и указания автора. С некоторыми изменениями — «Новое время», 1881, № 2026, 18 октября. Печ. по ПСС 2, стр. 43. Пропуск стиха 7 в публикации С объяснен в «Новом времени» как результат внутренней цензуры И. И. Панаева, но вместо стиха 7 ошибочно указан 5-й. По свидетельству Вл. Жемчужникова, басня написана Алексеем Жемчужниковым летом 1851 г. *Становой* — с 1837 г. полицейский чин, в ведении которого находилась часть уезда, состоящая из нескольких волостей (стан).

В альбом NN. Впервые — С, 1854, № 4, «Литературный ералаш», тетрадь 3, стр. 51, под заглавием «В альбом». Печ. по ПСС 2, стр. 63. В пародии имеются некоторые соответствия со стихотворениями Ап. Григорьева «Прости» (ОЗ, 1845, № 2):

...всё, что мучит и тревожит,
Что грудь сосет и сердце гложет,
Мы разделили пополам.

и «Всеведенье поэта» (БдЧ, 1846, № 9):

...Он взглядом будит в ней
И призывает к бытию
На дне сокрытую змею,
Змею страданий и страстей,
Змею различия и зла...

Дитя, дитя, ты так светла;
В груди твоей читаю я,
Как бездна, движется она,
Как бездна, тайн она полна,
В ней зарождается змея.

Червяк и попадья. Впервые — Полн. собр. соч. К. Пруткова, изд. 1, СПб., 1884, стр. 26. Печ. по ПСС 2, стр. 26. В. М. Жемчужников в письме А. Н. Пыпину от 6(18) февраля 1883 г. приписывает авторство этой басни одному Алексею Жемчужникову и датирует ее «летом 1851 или 1852 г.» (см. примеч. к стих. «Кондуктор и тарантул»), однако автограф в тетради Алексея Жемчужникова 1855 г. содержит помету: «с братом моим Александром» и дату «1853» (см.: Козьма Прутков. Полн. собр. соч., Л., 1949, стр. 354. Подробные сведения о рукописных источниках по Козьме Пруткову см. в комментариях Б. Я. Бухштаба к этому изданию).

Честолюбие. Впервые — С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», тетрадь 1, стр. 7, в цикле «Досуги Козьмы Пруткова. Часть первая». Печ. по ПСС 2, стр. 13—14. Написано в соавторстве с Вл. Жемчужниковым. Как сообщал В. А. Жемчужников в письме А. Н. Пыпину от 6(18) февраля 1883 г., опубликование в С первых басен, коллективно написанных братьями Жемчужниковыми, зародило «кое-какие мысли, развившиеся впоследствии в брате Алексее и во мне до личности Пруткова... Шутка... вскоре привела меня с братом Алексеем и гр. А. Толстым (брат Александр был в то время на службе в Оренбурге) к мысли писать от одного лица, способного во всех родах творчества. Эта мысль завлекла нас, и создался тип Косьмы Пруткова. К концу 1853 г. ... набралось уже очень достаточно таких произведений ... Осенью, по соглашению с А. Толстым и бр. моим Алексеем, я занялся окончательною редакциею всего подготовленного и передал это Ив. Ив. Панаеву для напечатания в «Современнике». Редакция «Современника» оценила это по достоинству и напечатала в отделе «Ералаш», дотоле не существовавшем, добавив стихотворный эпиграф — кажется, Некрасова» (К. Прутков. Полн. собр. соч., М. — Л., 1933, стр. 457—458). Пародирует ходульно-романтическую трактовку темы поэта в массовой литературной продукции 40-х годов. Нагромождением и нарочитой путаницей явлений греческой и римской культур высмеиваются «антологические» стихи Н. Ф. Щербины, А. Н. Майкова, А. А. Фета, Я. П. Полонского. *Самсон* — мифический герой библейской «Книги судеб», которому приписывалась сверхъестественная физическая мощь. *Сократ* (469?—399 до н. э.) — греческий философ, основоположник древней диалектики. *Клеон* (ум. 422 до н. э.) — политический деятель Древних Афин; по словам современника, «первый стал кричать и браниться с кафедры». *Форум* — площадь в Древнем Риме, на которой происходили народные собрания. *Цицерон* Марк Тулий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель. *Ювенал* (род. в 60-е годы — ум. после 127) — древнеримский поэт-сатирик. *Эзоп* (VI—V вв. до н. э.) — полулегендарный древнегреческий баснописец, которому позднейшие предания приписывали безобразную наружность. *Диоген* (ок. 404—323 до н. э.) — греческий философ-циник, проповедовавший аскетизм и опрощение, являвшиеся принципом его школы; по преданию, жил в бочке. *Ганнибал* (247—189 до н. э.) — выдающийся полководец, возглавивший борьбу Карфагена с Римом. *Психея* (греч. миф.) — человеческая душа, олицетворенная в образе прекрасной девушки, которой пленился бог любви Эрот. *Сапфо* (Сафо) (VII—VI вв. до н. э.) — греческая поэтесса. *Аспазия* (род. ок. 470 до н. э.) — жена вождя Афинской республики Перикла, отличавшаяся умом, всесторонней образованностью и красотой, сделавшая свой дом центром литературно-философской жизни Афин. *Сенека* Луций Анней (род. между 6 и 3 г. до н. э. — 65 н. э.) — римский философ-стоик, политический деятель и писатель. *Вергилий* Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт. *Ликург* — легендарный законодатель Древней Спарты. *Стогны* — улицы, площади.

Желание быть испанцем. Впервые — С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», тетрадь 1, стр. 15—16, без строф 10—12 и примечания к последней. Печ. по ПСС 2, стр. 70—72. Написано в соавторстве с А. К. Толстым. *Альгамбра* — крепость-дворец мавританских властителей около Гренады, построенная в XIII—XIV вв. *Эстремадура* — область на юге Испании. *Альгвазил* — в средневековой Испании начальник города или округа с гражданской и уголовной юрисдикцией. *Сьерра-Морена* — горы на юге Испании. *Эскуриал* — дворец-монастырь близ Мадрида, резиденция испанских королей.

Древней греческой старухе, если б она домогалась моей любви. Впервые — С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», тетрадь 1, стр. 15. Печ. по ПСС 2, стр. 73. По-видимому, толчком для создания пародии послужило стихотворение Ап. Майкова «Аспазия» (ОЗ, 1854, № 2):

...Как девочка, люблю, томлюсь и плачу я.
Всё позабыто: блеск, правленье, государство,
Дела, политики полезное коварство
И даже самые лета. Но впрочем, нет.
У женщин для любви не существует лет.
Хоть, говорят, глупа последней страсти вспышка,
Пускай я — женщина, а он еще мальчишка,
Но счастье ведь не в том, чтобы самой любить
И в неге пламенной сгорать и наслаждаться, —
Нет, счастием его дышать и любоваться
И в нем неопытность к блаженству приучить.
...О, как бы тут его прижать к горячей груди
И говорить: «Не плачь, не плачь, то злые люди!..»
В ланиты, яркие румянцем вешних роз,
И в очи целовать, блестящие от слез,
Сквозь этих слез уста заставить улыбаться,
И вместе плакать с ним, и вместе с ним смеяться.

Катулл Кай Валерий (ок. 84—54 до н. э.) — римский поэт. *Стикс* (греч. миф.) — река подземного царства, обиталища мертвых. *Фурия* (римск. миф.) — богиня-мстительница в религии древних римлян.

Осада Памбы. Впервые — С, 1854, № 3, «Литературный ералаш», тетрадь 2, стр. 36—37, в цикле «Досуги Козьмы Пруткова. Часть вторая». Печ. по ПСС 2, стр. 44—45. Написано в соавторстве с А. К. Толстым. Является пародией на стих. В. А. Жуковского «Сид. Отрывок (с Гердерова перевода)» (см.: К. Прутков. Полн. собр. соч., М.—Л., 1933, стр. 538) и «Романсы о Сиде» в переводе П. А. Катенина (см.: «Русская стихотворная пародия». «Библиотека поэта», Л., 1960, стр. 743—744). *Кастилия* — область Испании, в XI—XV вв. — одно из феодальных королевств на территории Пиренейского полуострова. *Sancto Jago Compostello* (Святой Иаков Компостельский). В 1170 г. в Испании для борьбы с маврами был учрежден рыцарский орден этого наименования (св. Яго — апостол Иа-

ков — считался патроном страны). *Каплан* (капеллан) — католический священник. *Подарить ему барана, Он изрядно подшутил* — реминисценция из «Романсов о Сиде» в переводе П. А. Катенина:

Четверик ему пшеницы
Дать, — сказал король, — а ты
Обойми его, Химена,
Он изрядно подшутил.

Доблестные студиозусы. Впервые — С, 1854, № 4, «Литературный ералаш», тетрадь 3, стр. 52, в цикле «Досуги Козьмы Пруткова. Часть третья», под заглавием «Из Гейне». Печ. по ПСС 2, стр. 47—48. Написано в соавторстве с А. К. Толстым.

Звезда и брюхо. Впервые — «Новое время», 1881, № 2026, 18 октября. Печ. по ПСС 2, стр. 65—67. Написано в соавторстве с А. К. Толстым. Датировано «1854». В газете сообщалось, что басня не была опубликована ранее по цензурным причинам: «Ив. Ив. Панаев ... даже вовсе не напечатал некоторых творений, переданных ему для печати. Он говорил, что в этом препятствовали цензурные условия»; в качестве примера приводится «Звезда и брюхо», которую «бедный Косьма Петрович так и не дождался видеть в печати при своей жизни». В корреспонденции «Биржевых ведомостей» (1908, № 10428, 30 марта), со слов Алексея Жемчужникова, сообщалось, что по цензурным условиям остался нереализованным замысел еще одной прутковской басни: «Помню, никто из нас не мог написать басни на тему: «Архиерей и крапива», если не считать одного удачного варианта, который, конечно, никогда не появится в печати».

Помещик и садовник. Впервые — С, 1860, № 3, «Свисток», № 4, стр. 44—45, в цикле «Пух и перья» (Daunen und Federn). К досугам К. Пруткова». Печ. по ПСС 2, стр. 39. В тетради Алексея Жемчужникова датировано: «1855 г.».

Помещик и трава. Впервые — С, 1860, № 3, «Свисток», № 4, стр. 45—46. Печ. по ПСС 2, стр. 51. В тетради Алексея Жемчужникова датировано: «1855 г.».

Чиновник и курица. Впервые — С, 1861, № 1, «Свисток», № 7, стр. 44—45, с подзаголовком «Новая басня К. Пруткова». Печ. по ПСС 2, стр. 58—59. В С стихи 7—8 были опущены, очевидно, по цензурным соображениям. В тетради Алексея Жемчужникова датировано «1855 г.» и озаглавлено «Служащий (басня)». *С короной Анна.* Орден св. Анны до 1874 г. «жаловался» с короною или без нее, причем орден с короной считался высшей степенью.

Блестки во тьме. Впервые — ПСС 1, стр. 77—78. Печ. по ПСС 2, стр. 77—78. Авторство Алексея Жемчужникова и дата устанавливаются на основе записи в дневнике поэта (см.: И. М. Сукиасова. Язык и стиль пародий К. Пруткова. Тбилиси, 1961, стр. 66).

Пародия на стихотворения А. А. Фета «Вечерние огни» и «Псовая охота» (см. комментарий Б. Я. Бухштаба в Полн. собр. соч. К. Пруткова, Л., 1949, стр. 367).

Перед морем житейским. Впервые — ПСС 1, стр. 79. Печ. по ПСС 2, стр. 79. Принадлежность Алексею Жемчужникову и датировка определяются по дневниковой записи (см. предыдущее примеч.).

Сродство мировых сил. Впервые — ПСС 1, стр. 243—253. Печ. по ПСС 2, стр. 243—253. На рукописи надпись рукою Вл. Жемчужникова: «Получено от Алешиньки в первых числах октября 1883 г.». Источником пародии послужила «Мистерия в 3-х периодах» И. Аксакова «Жизнь чиновника», опубликованная в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861), но получившая известность и распространявшаяся в списках с конца 40-х годов. Приводим список действующих лиц и начальные строки этой мистерии: «Чиновник будущий в 1-м периоде, настоящий во 2-м и старик в 3-м. Демон службы, Таинственный голос, Хор добрых гениев, Курьер, Канцелярия присутственного места».

Будущий чиновник

Служить? иль не служить? да, вот вопрос! ..
. . .Отраду ли пошлет в моей глуши
То поприще, что предо мной открылось?
Спокоит ли стремление души?
В груди моей всегда так много билось!

Среди долины ровныя — первый стих песни на слова А. Ф. Мерзлякова. *Трус* — землетрясение. *«В тот мир, откуда к нам никто Еще не возвращался»* — из монолога Гамлета «Быть или не быть. . .» (В. Шекспир, «Гамлет», действ. 3, явл. 1).

Посмертное произведение Козьмы Пруткова. Впервые — ВЕ, 1907, № 11, стр. 326—328, с пометой: «октябрь 1907. Тамбов». В примечании от редакции, написанном М. М. Стасюлевичем, сообщалось: «Наш маститый поэт некогда сам принадлежал к числу членов кружка, столь известного и доныне под фирмою «Козьмы Пруткова», изречения которого повторяются нами нередко. В своем письме ко мне Алексей Михайлович пишет теперь, между прочим: «Русская неразбериха дошла до того, что кому-то пришла мысль обратиться за советом даже к Пруткову, и я, 86-летний старец, нахожу, что, хотя, без сомнения, очень ограниченный, но вполне искренний член «черной сотни» былого времени должен отнестись (к актам нашего времени) именно так, как отнесся, вызванный спиритом, почтенный Козьма Прутков. Нельзя не отдать справедливости этой тени Пруткова, — она, как увидит читатель, с тою же откровенностью и бесстрастием, какими отличался и сам Прутков, обратилась ныне и к *управляемым* и к *правящим* переживаемых нами дней». Строфа 10 и следующая представляют собою вольное

переложение в стихах прутковских афоризмов из «Плодов раздумья»: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, иначе такое бросание будет пустою забавою»; «Не ходи по косогору — сапоги стопчешь»; «Если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фонтану»; «Бди»; «Никто не обнимет необъятного».

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ. ШУТКИ

Во время болезни моей в Таганроге. Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ. Просматривая рукопись в 1906 г., Жемчужников испестрил ее критическими заметками. Одна из них кончалась словами: «При недостатке религиозных чувств, больной осмеливается роптать на свое существование; но все-таки и при этом расположении духа не придет ему на ум шуточный 6-й стих...» Имеются в виду стихи: «О, если ждет меня за гробом ад...» и т. д.

Акростих. Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ. В рукописи помета Жемчужникова: «Декабря 13, 1844 года, 9 часов утра, проснувшись, Павловка, наверху в моей комнате».

Перед неведомым. Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ. Заглавие в автографе зачеркнуто, подпись — «С. Ростов». Стихотворение, очевидно предназначавшееся для прутковского цикла, пародирует «Гимны» А. А. Григорьева (см. «Стихотворения Аполлона Григорьева», СПб., 1846), к которому К. Прутков, как признавались впоследствии его авторы, «питал особенное уважение» (К. Прутков. Полн. собр. соч., Л., 1949, стр. 380). Приводим для сравнения несколько строф из 5-го и 1-го стихотворений цикла А. Григорьева:

Неразрывна цепь творенья;
Всё, что было, — будет снова;
Всё — одно лишь измененье;
Смерть — бессмысленное слово.

Каждый вечер дня светило
Перед нами исчезает,
А наутро снова светом
Миру юному сияет.

. . . .

И повсюду — возрожденье,
И ничто не умирает,
А иные только виды
С блеском новым принимает...

Жизнью нашей, краткой сроком,
Станем жить полней и вдвое,
Ибо нам одним потоком
Льется доброе и злое...

Ср. также:

В звездный край, к святой отчизне,
Где единый твой исток,
Где из вечной льется жизни
Человечества поток.

В последней строфе своего стихотворения Алексей Жемчужников задел, видимо, также И. Аксакова, с поэмой которого «Мария Египетская» (1845), тогда еще не напечатанной, он мог быть знаком. Приводим наиболее близкий к пародии текст И. Аксакова:

Понятен мне в то время каждый,
Кто, вызван Истины лучем,
Томился внутреннею жаждой,
Горел мучительным огнем,
Высокой тайной благостыни
Был осеняем — и опять,
Объятый ужасом святым,
Оставя мир, бежал в пустыни,
Один, молиться и страдать.

Молодой подруге. Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ. В автографе подпись: «капитан Василий Тугоуздов». Пародия на популярный бытовой романс, получивший распространение в конце 50-х годов. Первая строка романса использована в заглавии одного из рассказов, вошедших в сатирический цикл М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши».

Письмо к С. М. Сухотину в деревню по случаю скушанного им перед отъездом из Москвы персика с косточкою. Печ. впервые по автографу ПД. По основным мотивам близко к сатирическому стих. «К портрету Михаила Никифоровича Каткова». *Офросимов* Михаил Александрович (1797—1868) — московский военный генерал-губернатор (1864—1866).

«Теперь на наш народ простой...». Печ. впервые по автографу ЦГАЛИ. Приводится в письме Жемчужникова к Л. И. Бутовскому от 28 марта 1885 г.

Мой отзыв о почетном отзыве Академии, мне ею присужденном за мои стихотворения. Печ. впервые по автографу ПД. Переписанное на особом листе, стихотворение 26 октября 1893 г. было послано Я. П. Полонскому, который рекомендовал Академии наук удостоить Пушкинской премии двухтомник стихотворений Жемчужникова, изданный в 1892 г. Это предложение не было принято, в частности, как сообщалось в газете, и по той причине, что поэт «в своих произведениях возбуждает вражду к правительству» («Биржевые ведомости», 1908, № 10427, 29 марта).

ПОЭМЫ И СЦЕНЫ В СТИХАХ

Мой знакомый. Впервые — ОЗ, 1855, № 2, стр. 197—206, с подзаголовком: «Поэма. Глава первая. Вступление. Общая характеристика моего знакомого; его рождение и младенчество. — Великорусская природа. — Пятистопный ямб и прочее». Печ. по Изд. 1892, т. 2, стр. 3—16. После 24-й строфы в ОЗ были еще четыре следующие:

25

Есть в пятистопном ямбе, есть в нем тайна
Особой прелести! Я свой рассказ
Пишу размером этим не случайно.
Как хорошо для слуха и для глаз,
Когда по нумерованным куплетам
Бегут стихи звучащею толпой!
И право, надо быть антипоэтом,
Чтобы со мной не согласиться в этом.
Покорный под искусною рукой,
Ямб пятистопный величав и нежен,
А без цезуры так причудливо-небрежен.

26

Мы в веке прозаическом живем.
Тем драгоценней пламень вдохновенья
Тому, кто с вдохновением знаком,
Кто чувствовал порою наслажденье
Мысль украшать рифмованным стихом,
Кто правильным теченьем речи звучной,
Которому так сроден наш язык,
И поражать и нежить слух привык.
Подчас и мне от нашей прозы скучно...
Тогда я музу древнюю зову,
Чтоб снам поэзии предаться наяву.

27

Пишу затем, что я родное слово
Люблю, как друга любит верный друг,
И русская душа моя готова
Звучать в ответ на задушевный звук.
Пишу стихи, хоть вряд ли в наше время
Пленяются гармонией стихов,
И Пушкиным воспитанное племя
Втоптало в грязь им брошенное семя,
И наша речь — добыча русаков,
Карающих в нас элемент французский,
Но русским языком не пишущих по-русски.

28

Об этом говорить мне тяжело
И пользы нет. К тому же заключенье
Положенный предел уж перешло
И лучшее утратило значенье.
Хотелось мне спокойно без затей
О пятистопном помечтать размере,
Вступая вслед за «Сказкой для детей»
И «Домиком в Коломне». Поскорей,
Хоть до второй главы по крайней мере,
Сдержу я своеволие пера,
И первую главу окончить мне пора.

В стихе «страдал, надеялся, не верил, верил» (1-я строфа журнальной редакции) слова «не верил, верил» были заменены точками, как увидим далее, по цензурным соображениям. В архиве А. В. Никитенко (ПД) сохранились письма к нему поэта, раскрывающие нелегкую цензурную судьбу «Моего знакомого». 7 мая 1854 г. поэт, сообщая, что цензор обвинил его в безнравственности и атеизме, просит А. В. Никитенко вмешаться в это дело и разрешить напечатать поэму. Через три дня — 10 мая 1854 г. — снова письмо, обращенное к Никитенко: «Спешу уведомить, что цензором моей поэмы был г. Фрейганг. Я это объяснил в записке, поданной мною г. министру вместе с рукописью моей поэмы, корректурным листом, бывшим у цензора, и программою последующих глав моей поэмы». 22 мая 1854 г. поэт снова пишет Никитенко: «Имея Вас за себя ходатаем, я не только могу надеяться на успешный конец правого дела, но я обязан ждать этого конца терпеливо». Вопрос о снятии цензурного запрета, по-видимому, был положительно решен лишь осенью. О характере изменений, внесенных поэтом в текст «Моего знакомого» по требованию цензоров, может свидетельствовать следующее письмо Жемчужникова к Никитенко от 25 сентября 1854 г.: «После свидания моего с Вами я пытался делать разного рода исправления, вследствие переданных мне Вами замечаний, и остановился на следующих:

1) В строфе 1 стих 8 отмечено было слово «молился»; я заменил его словом: «смеялся», которое может быть здесь кстати, как выражающее понятие противоположное к следующему слову: «унывал»;

2) В строфе 3 стих 4 вместо подчеркнутого слова: «Богом», я поставил слово: «свыше»; 3) В строфе 19 я изменил 7-й, 8-й и 9-й стих следующим образом:

В глуши лесов дремучих, средь ограды
Угрюмых скал, вы, полные отрады,
Свершили добровольный подвиг свой.

Таким образом, исключив слова: «монастырь», «пещера» и «вера», на которые Вы обратили мое внимание, я избегнул явного намека на подвижников христианства и изобразил пустынников-философов, презирающих суету мирскую, но не лишенных, однако, религиозного

чувства, что, впрочем, оправдывается следующею 20-ю строфою, которая оставлена без изменения и которая весьма понравилась господину министру, при личном моем с ним объяснении; 4) стихи, отмеченные карандашом в строфе 24, оставлены мною без изменения, так как Вы не нашли в них ничего предосудительного; 5) В строфе 17 я не нашел возможности заменить недозволенные стихи другими, но покорнейше прошу оставить в ней 5 первых стихов, дабы они могли служить переходом к следующей строфе. Все сии поправки я прилагаю при сем на особом листе. Имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, снять с меня обвинение, вовсе не заслуженное, в безнравственности и антирелигиозности, не оставить Вашим покровительством мою поэму в исправленном ее виде и оказать благосклонное содействие к дозволению напечатать оную в следующем месяце». 16 октября 1854 г. поэт снова обратился к Никитенко с просьбой сообщить, может ли поэма быть напечатана в ноябрьской книжке ОЗ: «От пропуска в печати первой главы, — писал он, — зависит участь всей поэмы». Однако просьба поэта не была удовлетворена. В 1854 г. поэма не появилась. По-видимому, предложенные поэтом поправки цензуру не удовлетворили. Во всяком случае, в первопечатном журнальном тексте, за исключением 8-го стиха 1-й строфы, все намеченные автором варианты не нашли отражения и даже вовсе исчезли самые мотивы (например, в строфе 19 стихи о пустынниках-философах), ставшие объектом цензурных придирок. Продолжения поэмы в печати не последовало. Возможно, что опубликованный впервые в 1892 г. в двухтомном собрании стихотворений отрывок «Идеалисты и практики» (1855) относится к тому же замыслу. В бумагах поэта не осталось никаких следов дальнейшей работы его над «Моим знакомым». Грубый цензурный нажим сыграл не последнюю роль в судьбе произведения, так и оставшегося незаконченным. *«Я знал его, мы странствовали с ним...»* — из стихотворения Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского». *И в пример тогда Мне приводил Руссо или Мольера.* Имеется в виду относительно позднее начало их литературной деятельности и известности (после 30 лет). *Юпитера вскормила Амальтея.* Согласно античным мифам, дочь критского царя Амальтея кормила Юпитера козьим молоком.

Сны. Впервые — ОЗ, 1868, № 2, стр. 328—340. Печ. по Изд. 1892, т. 2, стр. 125—140. В ОЗ в 1-й части после стиха «Он слышит говор, хохот, вой» было еще четыре стиха:

Но речью темною звучали
Над ним вопрос, потом ответ...
В их плаче громком нет печали,
И смеха в хохоте их нет.

Поэт работал над поэмой в 1867 г.; в середине января 1868 г. он посылает ее Некрасову для опубликования в ОЗ (ЛН, № 51-52, М., 1949, стр. 274). Некрасов ответил поэту 18 января 1868 г.: «Поэму Вашу получил, прочел, перечел и опять перечел. Стихи хорошие, картины великолепные, содержание — оно настолько ясно, насколько

следует. Напечатаю ее во 2 № ОЗ» (Полн. собр. соч., т. 11. М., 1952, стр. 100). 24 февраля 1868 г. Жемчужников обратился к Некрасову с просьбой вычеркнуть из третьей части поэмы пять стихов: «И чуткой слышал я душой... И нем для чувственного слуха...» Как объяснял автор, сделать это было необходимо потому, что в конце той же части следовал стих «Гляжу и напрягаю слух», который мог быть воспринят как повторение (ЛН, № 51-52. М., 1949, стр. 276). Некрасов получил письмо с поправками слишком поздно, когда журнал вышел в свет, и внести изменения в текст поэмы не имел возможности, о чем и сообщил автору 26 февраля 1868 г. Но и сам Жемчужников, переиздавая поэму в 1892 г., намеченные к исключению стихи сохранил. В упомянутом письме Некрасов сообщал далее: «Ваша поэма многим нравится. Напечатана она совсем как у Вас, без малейших отступлений. Только исключены четыре стиха, следующие за стихом «С своею наглой красотой». Вы там как хотите думайте, а я уверен, что ни один журналист, кроме меня, этим бы не удовольствовался» (Полн. собр. соч., т. 11, стр. 105). Речь идет о следующем четверостишии, которое редакция журнала исключила по цензурным соображениям:

Зачинщик злобного обмана,
Оно, горевшее светло,
Как бы зияющая рана,
Болезни смрадные лило...

Жемчужников сожалел о вынужденном изъятии, о чем и писал Некрасову 29 марта 1868 г. (ЛН, № 51-52, стр. 277). В Изд. 1892 пропуск этот был восстановлен.

Пророк и я. Впервые — СПВ, 1870, № 30, 30 января, в цикле «О времени недавно прошедшем и частию о настоящем (опыт фельетона в стихах)». Печ. по Изд. 1892, т. 2, стр. 116—124. Автограф — в ПД и ЦГАЛИ. В основной текст поэмы впервые вводится четверостишие после строки «Не мог писатель ни один!». Эту купюру, явно цензурного происхождения, Жемчужникову не удалось восстановить в изд. 1892 г., но о вынужденном пропуске читателю сигнализировали четыре строки точек. В рукописном тексте — ряд интересных вариантов.

После стиха «И слышим треск его по швам!»:

Но речь потом звучит иная:
Он нас смиряет, убеждая, —
Сперва возвышенный порыв
С расчетом мудрым возбудив:
Россия есть! и все мы целы.
Опять счастливы мы, узнав,
Как стойки внешние пределы,
Как прочен внутренний состав!..
И с каждой каплею чернильной
С его волшебного пера

На нас течет струей обильной
Источник славы и добра.

За стихом «Как дома веял русский дух!..» следует:

Настал конец поре тревожной.
От трудных дум, от скучных дел
Все отдохнули. Было можно,
Стряхнувши прах, в иной предел
Перенестись устам усталым...
И ко всему, что высоко,
Вознеслись мы быстро и легко,
Наскучив низменным и шалым,
Но не совсем дела земли
Нам стали чужды; так, с пророком
О цензе, — впрочем все ж высоком, —
Бесед мы множество вели.

После стиха «Да тишь, да божья благодать!..»:

И как заботливые члены
Благонамеренной семьи,
За проявленьями измены
С ним ежедневно мы блюли...

В печатном тексте опущено заключительное четверостишие:

Смешно, читатель! Погоди.
Пишу о времени невзрачном,
Где спор идет смешного с мрачным.
О мрачном — слово впереди.

Дворянский, собственно, пророк — имеется в виду М. Н. Катков, против которого и направлена сатира. *Его вседневная газета* — МВ. *Всей русской жизни результат.* В письме к Н. А. Некрасову от 1 апреля 1868 г. Жемчужников прокомментировал некоторые строки своей поэмы, оставляя на усмотрение Некрасова — публиковать или нет эти «оправдательные объяснения». «„Московские Ведомости“ 1863 года, № 82. Рассуждая о земских учреждениях, редакция выражает надежду, что новый закон «возвысит предводительское звание через предоставление ему характера земского предводительства» и не будет «лишать будущности наш самый лучший представительный институт». Далее она говорит, что «у нас до сих пор была удовлетворительно поставлена одна земская должность, должность предводителя». Указывая на эту должность, она указывает «только на то, что представляется как несомненный результат исторического опыта». Далее она утверждает, что «наша общественная жизнь ни на что другое в деле организации земства не указывает, как на возвышение предводительской должности». «Это и только это, — повторяет редакция, — мы можем извлечь из своего домашнего опыта». № 138. Редакция говорит, что должность предводителя есть «элемент, представляющий собой земство с самой лучшей, с самой почтенной его стороны». Далее редакция называет предводителя «одним из важ-

ных результатов новейшей истории русского государства». (ЛН, № 51-52, М., 1949, стр. 278—279). *«La ci darem...»* — начало популярной арии из оперы Моцарта «Дон Жуан». *Так и пророк признался нам.* В письме Жемчужникова к Некрасову указано: «Кажется, на одном из обедов, на которых публично прославлялся его патриотизм». *Товарищ* — К. Н. Леонтьев (1831—1891), реакционный публицист и писатель, выступавший в 70—80-е годы в качестве яростного апологета крепостного права, единомышленник Каткова и сотрудник его изданий. *Крепостникам кадя, пророк...* Эти строки Жемчужников комментировал следующими извлечениями из МВ: «„Московские Ведомости", 1863 г., № 187. „Пусть вспомнит русская публика этих чиновников-прогрессистов, коммунистов и социалистов, которых такое множество расплодилось в России... эту непонятную терроризацию, посредством которой всякий мальчишка, наконец всякий негодяй, жулик мог приводить в конфуз самые бесспорные права, самые положительные интересы, наконец логику здравого смысла". № 205. „Благотворители из чужого кармана, чиновники-прогрессисты, всякого рода добродетельные демагоги и разные Каи-Гракхи, которых у нас расплодилось такое множество, притихли... более всего пугнул эту сволочь высокий патриотический дух"». *И всё, что видела Татьяна* — упоминаются XXXVI—XXXVIII строфы 7-й главы «Евгения Онегина» Пушкина.

Неосновательная прогулка. Впервые — ОЗ, 1870, № 8, стр. 219—224. Печ. по Изд. 1892, т. 2, стр. 141—149. *С татарским типом гражданина, Царившим грозно средь Москвы.* Имеется в виду М. Н. Катков. *Там теперь пылает газ.* Газовое освещение появилось в Москве в 1867 г. *Кричат ли воины в отставке О пользе древних языков.* Подготавливаемый реакционным министром народного просвещения Д. А. Толстым новый гимназический устав, предусматривающий «классическое» образование, широко обсуждался в это время и в июле 1871 г. был утвержден, вопреки протесту большей части русского общества. *Ведь так хлопочем с давних пор мы Всё лишь о целости земли.* Намек на постоянные выступления МВ против «польской интриги», т. е. против стремления Польши отделиться от Российской империи. *Английский клуб* — старинный и наиболее фешенебельный московский дворянский клуб. *Не белы́ снегй* — народная рекрутская песня. *Ново-Троицкий трактир* — находился на Ильинке, считался одним из лучших в Москве. *Среда и суббота* были днями «клубных обедов». *Клуб!.. Я не член.* В Английский клуб входили «члены» (до 600), «кандидаты», «гости», число первых было ограничено, и новые выбирались лишь на место выбывших. *Смотрят львы И улыбаются ехидно* — скульптуры, украшавшие пилоны въездных ворот Английского клуба на Тверской улице.

В чем вся суть? Впервые — ОЗ, 1872, № 5, стр. 211—239. Печ. по Изд. 1892, т. 2, стр. 149—186. Черновой автограф — в ГБЛ. Среди вариантов журнального текста: в монологе Сараева после стиха «С освобождением крестьян» было:

Конечно, доблести оставшись твердо верным,
Он с чувством поспешил нелицемерным
В дни испытания, как предки наши встарь,
Украсить жертвами отечества алтарь;

После слов Сараева: «И что ж? На фикции основана тогда Непримиримая вражда» было:

Я знаю, есть, или, вернее, были
Из новых, стало быть, из молодых людей
Проводники таких, по мненью их, идей.
По мненью ж моему, такой — простите! — гили,
Что оставалось нам в аршин разинуть рот,
Внимая истинам новейшего ученья,
И жизнь принять такой могла бы оборот,
Что, вам скажу, мое почтенье!
Но тут произошел — вы помните — погром.
Все стали приходить в сознанье понемногу;
Туман рассеялся, и вышли мы потом
Из дебрей и болот на торную дорогу.
К цивилизации лишь этот верный путь
Нас приведет когда-нибудь.
А так как мы идем, конечно, к этой цели,
Едва ль, я думаю, мы все, и стар и млад,
С пути свернуть бы захотели
В болото топкое назад.
Затем — я беспристрастным быть желаю —
Когда мы на людей с другого взглянем краю,
Увидим, что досель иные старички
Глядят на молодежь сквозь черные очки.
Но это — пустяки! .. И мы, размыслив здраво,
Найдем, что враждовать у нас уж нет причин,
Все части в организм теперь слились один,
И, в сущности, сторон ни левой нет, ни правой.
Мололись, так сказать, все партии пока
В одну муку. Теперь мы даже не мука;
Мы — тесто, наконец, что годное к печенью.

Кузьмин

Вот тут и стряпать бы, коль матерьял готов.

Сараев

И, право, что мое мне продолжи́ть сравненье —
Каких из нас напечь могли бы пирогов! ..

В монологе Сараева после слов: «Хожу во храм, и там молюсь ему» было:

И всем так следует! Хоть просто для порядка...
Иначе — станет всё сомнительно и шатко;
А чуть есть шаткость — плохо нам! ..

По части ж области души... Ты знаешь сам:
На всё взирало наше поколенье
Или с насмешкою, иль с болию сомненья.
Я, собственно, благую часть избрал;
Не зло смеялся я; не больно я страдал.
Чтоб сохранить в душе покой и равновесье,
Вопросам времени не предавался весь я.
И прав я был! Ко мне, меж тем как годы шли,
Все стали примыкать ровесники мои.
И горький смех исчез, и жалоб нет унылых,
Но свет религии лишь мельком озарил их.
Уж поздно! .. И досель, живя средь грешной тьмы,
Нетверды в до́гматах и маловерны мы.

О критических умонастроениях Жемчужникова в пору, когда писалась сцена, дает представление дневниковая запись С. М. Сухотина от 16 июля 1872 г.: «Он возвратился из-за границы с мрачным, преувеличенным и даже безотрадным взглядом на застой, в котором находится в эту минуту русское общество» («Русский архив», 1894, № 3, стр. 53). *Особенно торжественно выдается: «Die Wacht am Rhein».* В «Письмах из немецкого города» поэт писал: «В нашей деревне и в ее окрестностях не было ни войск, ни пленных, ни лазаретов. Никаких манифестаций, бывающих по городам, мы тогда не видели. Только с утра до вечера слышалась со всех сторон песня «Die Wacht am Rhein», которая, впрочем, уже утратила прежнее значение, так как немецкому Рейну теперь никто не угрожал» (СПВ, 1871, № 12, 12 января). *Гульден* — серебряная монета в южной Германии до введения общеимперской денежной системы в 1870-х годах. *На Западе везде, — во Франции тем боле, — В чем заключаются причины кутерьмы?* Речь идет о событиях Парижской коммуны 1871 г. *Недавно и у нас неладно было что-то.* Имеется в виду покушение Д. В. Каракозова на Александра II в 1866 г. *И вот реформы нам посыпались без счету.* Вслед за крестьянской были проведены в 1863—1872 гг. реформы земская, судебная, цензурная и др. *Ведь так, пожалуй, мы дойдем и до... Как знать! ..* — намек на конституцию. *Русский дворянин в прогрессе знает меру, Он — государства столб.* Здесь и далее задеваются высказывавшиеся в реакционной печати идеи о «великом» значении «высшего класса» — дворянства, «руководящего судьбами своего народа» (М. Н. Катков). «Начало чести, — писал помещичий идеолог Б. Н. Чичерин, — воплощается преимущественно в дворянстве, которое, стоя во главе других сословий, является высшим представителем сословных начал» (Б. Чичерин. О народном представительстве. М., 1866, стр. 118). На страницах МВ, «Вести» и других реакционных органов высказывались мысли об укреплении руководящей политической роли дворянства, «ограждении интересов землевладельцев» (см.: Современное обозрение. — ВЕ, 1869, № 4, стр. 924—931). Демократическая печать отмечала, что Катковы, Чичерины «имели целью переместить помещичью привилегию в другие формы, более сообразные с духом времени, чем форма крепостного рабовладель-

чества» («Дело», 1870, № 10, стр. 48). *Я кризис изучил на собственном кармане.* В 1872 г. в России разразился промышленный и финансовый кризис; обанкротилось много промышленных и торговых фирм, сократилось железнодорожное строительство, наблюдалась массовая безработица (см.: П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, стр. 293—294). *Благословен будь тот, Кто сочинил войны кровавый эпизод.* Имеются в виду реакционные теории, объясняющие войны средством нравственного оздоровления народов или естественным выражением «борьбы за существование» в условиях угрожающей человечеству «перенаселенности» земли. Франко-прусская война, о которой здесь идет речь, по замыслам Наполеона III, помимо упрочения международного положения империи, имела целью предотвратить назревавшую во Франции революцию. *Пусть пьет простолюдин; то вовсе не порок.* В начале 70-х годов питейный сбор являлся косвенным налогом, давал свыше трети государственных доходов России. *Нет, я ничуть не враг ни песен гривуазных, ни танцев этаких,* т. е. нескромных, непристойных песен и танцев (например, канкан). *На что ей грамотность? Чтоб совершать подлоги?* — излюбленный довод реакционеров против просвещения народа. Демократическая печать постоянно высмеивала эти взгляды. С уст закоренелых крепостников у Салтыкова-Щедрина сплошь да рядом слетают такие «афоризмы»: «Знание есть рассадник бунтов», «Научили человека грамоте, а он на большую дорогу пошел» («Сила событий»). Салтыков-Щедрин иронически писал об освященной «мудростью веков» дворянской истине, что «будто умственная образованность есть привилегия высших слоев общества и что на этом основании последним должно принадлежать преобладание над прочими слоями...» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 87). *Связь бы двух систем устроить мы должны: Французской с прусскою; французской — до войны.* Поэт присоединяется к характеристике немецкого милитаризма и французского бюрократического режима, которая незадолго до этого была дана Щедриным в очерке «Сила событий» и в главах «Истории одного города», посвященных Угрюм-Бурчееву. «Тишина внутри и неприступность извне, — иронизировал сатирик, — вот идеал страны сильной и благоденствующей». О разрекламированной в Европе бюрократической системе управления наполеоновского правительства сатирик писал: «Задачи администрации упрощаются до бесконечности, наступает минута, когда начинает даже казаться, что нечем управлять, перед глазами волнуется море людей, и хотя эти люди не связаны между собой никакой общей идеей, но все их движения поражают точностью; все приливы и отливы совершаются с правильностью, которой может позавидовать бессознательная правильность стихии. Это чудо достигается дисциплиною» (Полн. собр. соч., т. 7. М., 1935, стр. 174). *Штатсрат* — советник. *А!.. политический процесс!..* Имеется в виду первый в России открытый судебный процесс по «нечаевскому делу». С. Г. Нечаев — учитель и вольнослушатель университета — возглавлял тайные кружки петербургских студентов. Прибегал к несвойственным подлинным революционерам приемам террора и запугивания (убийство в ноябре 1869 г. в Москве студента Иванова с целью «скрепить кровью» дис-

циплину членов подпольной организации). Процесс начался 1 июля 1871 г., суду были преданы 80 человек, обвинявшиеся в заговоре с целью «ниспровержения существующего порядка». Отклики русских газет и журналов на политический процесс собраны в статье Салтыкова-Щедрина «Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики» (ОЗ, 1871, № 11, стр. 1—33). Сатирик подчеркнул единодушие консервативно-либеральной прессы в осуждении революционеров. «„Московские ведомости“, — писал он, — называют замыслы подсудимых жульничеством; «С.-Петербургские ведомости» присвоивают им наименование безумных; «Голос» сравнивает наших заговорщиков с парижскими коммуналистами. «Вестник Европы» говорит с презрением о «глупых преступлениях и о ничтожестве участников тайного общества». Ввиду общей опасности распри забыты» (Полн. собр. соч., т. 8. М., 1937, стр. 240). *Из глотки Импровизация ругни так и лилась.* Рупор российской реакции МВ (точь-в-точь как и жемчужниковский «червяколюбец») вопили на всю страну по поводу процесса: «С кем в родстве эта революционная партия, руководимая людьми без правил и чести... Кто в русском народе ей пособники и союзники? Разбойничий люд...» (МВ, 1871, № 161, 25 июля). *Латынь — вот школа вам.* Министр просвещения Д. А. Толстой — реакционер и мракобес — в 1871 г. утвердил новый устав гимназий, в которых упразднялось преподавание естественных наук, а главными предметами обучения выдвигались воспитывающие будто бы дисциплину ума и «патриотическую» доблесть древние языки (греческий и латинский). Такими мерами царское правительство стремилось оградить учащуюся молодежь от влияния революционных теорий или — как именовались они в рескрипте Александра II — «разрушительных понятий». *«В наше время, Когда...»* — сатирически увековеченная Добролюбовым либеральная фраза, восхвалявшая «эпоху великих реформ». «Публицисты того времени, — писал М. А. Антонович, — восторгаясь свободою печати и ее смелою обличительностью, с удовольствием указывали на отрадные прогрессивные явления и в других отраслях русской жизни. ...Выработалась даже трафаретная хвалебная формула, служившая непременным предисловием и началом всякой публицистической статьи, каков бы ни был ее сюжет. Вот несколько образчиков: «В настоящее время, время прогресса, когда мы созрели». ...«В настоящее время, когда общество получило нравственный толчок». («Шестидесятые годы». М.—Л., 1933, стр. 56—57). *Цивический* — гражданский, общественный. *Субверсивные направления* — ниспровергательные, революционные. *На обрусение окраин Патриотизм употреби.* Царское правительство проводило выдаваемую за «патриотическую» официальную политику «обрусения», направляя с этой целью в Польшу, на Кавказ, в Прибалтику и другие «окраины» множество русских чиновников. *Она перед осадой Покинула Париж.* Войска Пруссии взяли в кольцо осады столицу Франции в сентябре 1870 г. *Кавалергард* — конный гвардеец. *«Скажите ей»* — популярный романс. *Православный клир* — штат церковнослужителей.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЙ А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

Гроза («Страшно тучи раздирает...»). 25 декабря 1837. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Мой сон («Вчера — когда уж сон смыкал...»). 2 марта 1838. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Мысли при воспоминании об училище и каникулах («Увы! настанет скоро время...»). 28 июля 1839. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Брат и сестра (Баллада) («Ночь мраком туманным Петрополь покрыла...»). Июль 1840. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

К Философову («Зачем певец, свободы страстно алчный...»). 12 сентября 1840, Кофейная Каменного острова. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

К Философову («Печальный друг! твое посланье...»). 14 октября 1840. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

К усопшему товарищу («Бледный, холодный, с улыбкой угрюмою...»). 18 ноября 1840. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Песнь 17-летней девочки с голубыми глазами («После оргии шумной...») <1840>. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

«Я не могу теперь смеяться...» <1840 ?>. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Поток («Вдоль дороги — бор густой...») <1840 ?>. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Странная ночь. Комедия в одном действии, в стихах. — С, 1850, № 1-2, стр. 249.

Сумасшедший. Комедия в одном действии, в стихах. — С, 1852, № 11, стр. 29—60.

К русским («Орудьем зависти, сперва безумным словом...»). — С, 1854, № 3, стр. 16—18.

«Недавно, силою предубеждений светских...». — ОЗ, 1855, № 5, стр. 105.

На кладбище («Сквозь деревья освещаются гробницы...»). — ОЗ, 1855, № 10, стр. 239—240.

Идеалисты и практики («Приятель мой — идеалист. Мы с этим...»). — РВ, 1857, январь, кн. 2, стр. 436—437. 1855.

К будущему нашему поэту («Отвергнув с гордостью оковы лицемерья...»). 1856. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Охота («С утра я скитаюсь без пользы и толку...»). — БдЧ, 1857, № 6, стр. 229.

«С тех пор как взята нами Плевна...». 1877—1878. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Сказка о глупом бесе и о мудром патриоте («Раз выходил тайком из спальной...»). — ВЕ, 1882, № 6, стр. 708—710; ВЕ, 1891, № 3, стр. 202—203.

«О том, как нас судьба влечет к беде и к худу...». — ВЕ, 1884, № 2, стр. 619. 1883, близ Цюриха.

Дети уехали («И нет их здесь; и небо серо...»). — Изд. 1892, т. 1, стр. 134. 1883, близ Цюриха.

В театре («О, добрый Моцарт! .. Фигаро...»). — ВЕ, 1884, № 2, стр. 614.

«Весны развертывались силы...». — ВЕ, 1884, № 2, стр. 615.

«Мгновения мимо...». — ВЕ, 1884, № 2, стр. 617.

В альбом Платону Алексеевичу Вакару («Не заслужив ни тайных козней...»). 26 апреля 1885. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Двадцатилетие «Вестника Европы» («Когда вступаешь в те года...»). — Изд. 1892, т. 1, стр. 144—145. 1885, Петербург.

«В гомеопатии ты восхвалять готов...». 18 марта 1886. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

«Так смотри ж: буду ждать тебя в среду...». 19 марта 1886. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

На литературной пирушке («Сердце! Жить мне трудно стало...»). — Изд. 1892, т. 1, стр. 157. 1886, Петербург.

Два греховодника («Когда я слышу и читаю...»). — ВЕ, 1887, № 1, стр. 223—225. 1886, Петербург.

Цветущая старость («Земля, для дней веселых мая...»). *(Посвящается Виктору Антоновичу Арцимовичу)* — ВЕ, 1888, № 1, стр. 297. 1887, Рунторт.

Выставка машин («Когда-то я выставку видел машин...»). — ВЕ, 1888, № 5, стр. 238. Март 1888, Петербург.

«Живу, как будто с новой силой...» *(Посвящается О. А. Р.)*. — РМ, 1889, № 1, стр. 193. 1888, Павловка.

«Прошли те сильные года...». — ВЕ, 1889, № 1, стр. 217. 1888, Павловка.

«О, песни старости — завет предсмертных дум...». — ВЕ, 1889, № 1, стр. 217. 1888, Павловка.

«Они как звезды в мутной мгле...». — Изд. 1892, т. 1, стр. 184—185. 1889, Рунторт.

«Христос воскрес!» («Христу не надобны ни страстность изувера...»). — ВЕ, 1890, № 4, стр. 590. 28 февраля 1890, Стенькино.

Загробная тоска («Ты разлюбил душой суровой...»). *(Посвящается гр. Л. Н. Толстому)* — ВЕ, 1891, № 1, стр. 161—171. 20 августа — 24 сентября 1890, Павловка.

Прощание Иоанна с Патмосом («Тогда мягкосердый был Нерва на римском престоле...»). — Изд. 1892, т. 1, стр. 4—5.

«Пускай живет! Хотя старик...». — ВЕ, 1891, № 6, стр. 806. 12 апреля 1891, Стенькино.

Ранняя весна («И благовест над городом звучит...»). — ВЕ, 1891, № 11, стр. 163—166.

Осенью в деревне («О, тот воистину блажен...»). — ВЕ, 1891, № 12, стр. 433. 28 сентября 1891, Стенькино.

Колумб («Он человечеству полмира подарил...») *(В международный альбом, предназначенный к изданию в Италии для празднования четырехсотлетнего юбилея открытия Америки).* 14 апреля 1892, Стенькино. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

После кратковременного отсутствия («Покинув города, я вновь живу на воле...»). — ВЕ, 1892, № 10, стр. 770. Стенькино.

Новая беда («До поры рабочей, вдоль большой дороги...»). — ВЕ, 1892, № 10, стр. 770. Стенькино.

Ели («В сад заглянул я, в окно, после бурной метели...»). — КН, 1892, № 12, стр. 52. Стенькино.

Н. А. Ж<емчужников>ой («Если счастье, как солнце, взойдет над тобой лучезарно...»). — ВЕ, 1892, № 12, стр. 756. Стенькино.

Из жизни в Москве

1. Лошадка («Богомолки плетутся толпою...»).
2. У всенощной на страстной неделе («На улице шумной — вечерняя служба во храме...»). — ВЕ, 1893, № 1, стр. 221. 1892, Стенькино.

Пустое место («Меня тревожит беспокойство...»). — КН, 1893, № 2, стр. 76—77. Стенькино.

Семьдесят два года («Хранит еще меня...») *(Посвящается Александру Сигизмундовичу Мерхелевичу).* — КН, 1893, № 3, стр. 149—151. Стенькино.

С балкона («Лишь только с неба голубого...»). — ВЕ, 1893, № 11, стр. 294—295. Стенькино.

«Идеалист неисправимый...». — КН, 1894, № 3, стр. 108.

Мечты («Я в городском теперь плену...») *(Посвящается Настасье Алексеевне Жемчужниковой).* — ВЕ, 1894, № 6, стр. 617—618. Апрель 1894, Москва.

Святая пора («Есть пора святая в жизни деревенской...»). — ВЕ, 1895, № 1, стр. 5. 1894, Павловка.

Исповедь («Я к мудрым старцам с чистотою...»). 25 декабря 1894, Петербург. Автограф в архиве А. М. Жемчужникова (ГБЛ).

Христианское дело («Уподобляемся мы, баловни судьбы...»). — КН, 1895, № 4, стр. 71—72. Петербург.

«Всесилен и благостен дух, исходящий от бога...». — ВЕ, 1896, № 3, стр. 5—6. Петербург.

Старость («Сколько мне жить? .. Впереди — неизвестность...»). — ВЕ, 1896, № 5, стр. 266. Петербург.

Прежде и теперь («Я помню школьные года...»). — ВЕ, 1897, № 6, стр. 694. Тамбов.

«По городу бродя, зашел я в сад...». — ВЕ, 1898, № 1, стр. 230. 1897, Тамбов.

Ожидание («Еще молитвенного зова...»). — ВЕ, 1898, № 1, стр. 230. 1897, Тамбов.

Поправка к стихотворению: «Прежде и теперь» («Что жизни путь уж я свершил...»). — КН, 1898, № 7, стр. 71. 1897, Тамбов.

«Ответ один — на отзыв друга...». — ПС, стр. 100. 1897, Тамбов.

Предложение компромисса (по поводу газетных статей) («На нас он действует двоякой стороною...»). — ПС, стр. 101. 1897, Тамбов.

Заметка (по поводу тех же «Поминок») («Меж тем как лишь теперь прозревшая Москва...»). — ПС, стр. 115. 1897, Ильиновка.

Из далекого прошлого («Марусю в гробике свезли и схоронили...») *(Посвящается памяти моей жены)*. — ВЕ, 1897, № 12, стр. 754. Ильиновка.

Последний портрет Виктора Антоновича Арцимовича («Я юного тебя чуть помню. Это было...»). — ВЕ, 1898, № 6, стр. 784. Тамбов.

«Двадцатый век войдет с тех пор, как во вселенной...». — КН, 1899, № 1, стр. 37. 1898, Тамбов.

Памятник Александру II («Отринув рабское наследие времен...»). — ПС, стр. 121. 1898, Тамбов.

Памяти Владимира Сергеевича Соловьева («Покорно нес он жизни бремя...»). — ВЕ, 1900, № 10, стр. 695. Ильиновка.

Влечение к высоте («В старости глубокой дрязги и заботы...»). — ВЕ, 1901, № 4, стр. 789. Ильиновка.

Липы («Нет мне сегодня приюта милее...»). — ВЕ, 1901, № 9, стр. 117. Июнь 1901.

Желтая муха («В роще сижу я и радуюсь летнему зною...»). — ВЕ, 1901, № 9, стр. 116—117. Ильиновка.

«Жалко старцу видеть, как толпа людская...». — ВЕ, 1903, № 1, стр. 199. 1901, Петербург.

«Подходит вечер. Стынет зной...». — ВЕ, 1903, № 10, стр. 563. Август 1903, Ильиновка.

«Те ослепительные дни...». — ВЕ, 1903, № 10, стр. 564. Ильиновка.

Не помню («Шли цепью длинною года...»). — ВЕ, 1904, № 5, стр. 556. Ноябрь 1903, Тамбов.

У входной двери («Мне дальше некуда идти...») *(Посвящается Настасье Алексеевне Жемчужниковой)*. — ВЕ, 1904, № 4, стр. 557—560. Тамбов.

Раздумье («Всю жизнь от юности и вплоть...»). — ВЕ, 1906, № 2, стр. 765. 1904, Ильиновка — Тамбов.

Бюрократическая покорность («Своей покорностью они в глаза нам тычут...»). — ПП, стр. 34. 1905, Тамбов.

Страшный год («С доверьем я глядел на поворот судьбы...»). — ПП, стр. 41—42. 1905, Тамбов.

Современные заметки.

1. Фальшивый верноподданный («Он слово «подданный» постиг со всех сторон...»). — ВЕ, 1906, № 2, стр. 765. 1905, Тамбов.
2. Клеветникам России («Надежда с высоты престола нам дана...»). — ВЕ, 1906, № 2, стр. 766. Тамбов.

«Сердце старое свободу ждать устало...». — ПП, стр. 46. 1906, Тамбов.

«О замыслах тайных премьера нежданно всем стало известно...». — ПП, стр. 47. 1906, Тамбов.

«Когда ж правительство в умах рассеет тьму...». — ПП, стр. 48. 1906, Тамбов.

«Без прав жилось тебе, о родина моя...» — ПП, стр. 52. 30 декабря 1906 — 29 апреля 1907.

Довольно!.. («Недавно, словно гром, с общественных вершин...»). — ВЕ, 1907, № 1, стр. 169.

Перед окном («Солнцем мартовским пригретый, тает...»). — ВЕ, 1908, № 5, стр. 156. 20 марта 1907, Тамбов.

На страстной неделе («Нам, русским, не родны законность и свобода...»). — ВЕ, 1907, № 6, стр. 692. 26 апреля 1907, Тамбов.

Современная заметка о ином русском дворянине («Какой он дворянин? В нем нет ни складки светской...»). — ПП, стр. 56. 22 декабря 1907.

«Зачем ты, о боже, меня одарил...». — Автограф в архиве В. В. Стасова (ГПБ).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

ИЗ «ПЕСЕН СТАРОСТИ»

ИЗ «ПРОЩАЛЬНЫХ ПЕСЕН»

ИЗ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ. ШУТКИ

ПОЭМЫ И СЦЕНЫ В СТИХАХ

Жемчужников Алексей Михайлович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *А. А. Нинов*

Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 8/VIII 1962 г. Подписано в печать 2/II 1963 г. М 20805
Бумага 84×108/32. Печ. л. 13+6 вкл. (21,94). Уч-изд. л. 21,41.
Тираж 25 000. Зак. № 1397. Цена 84 к.

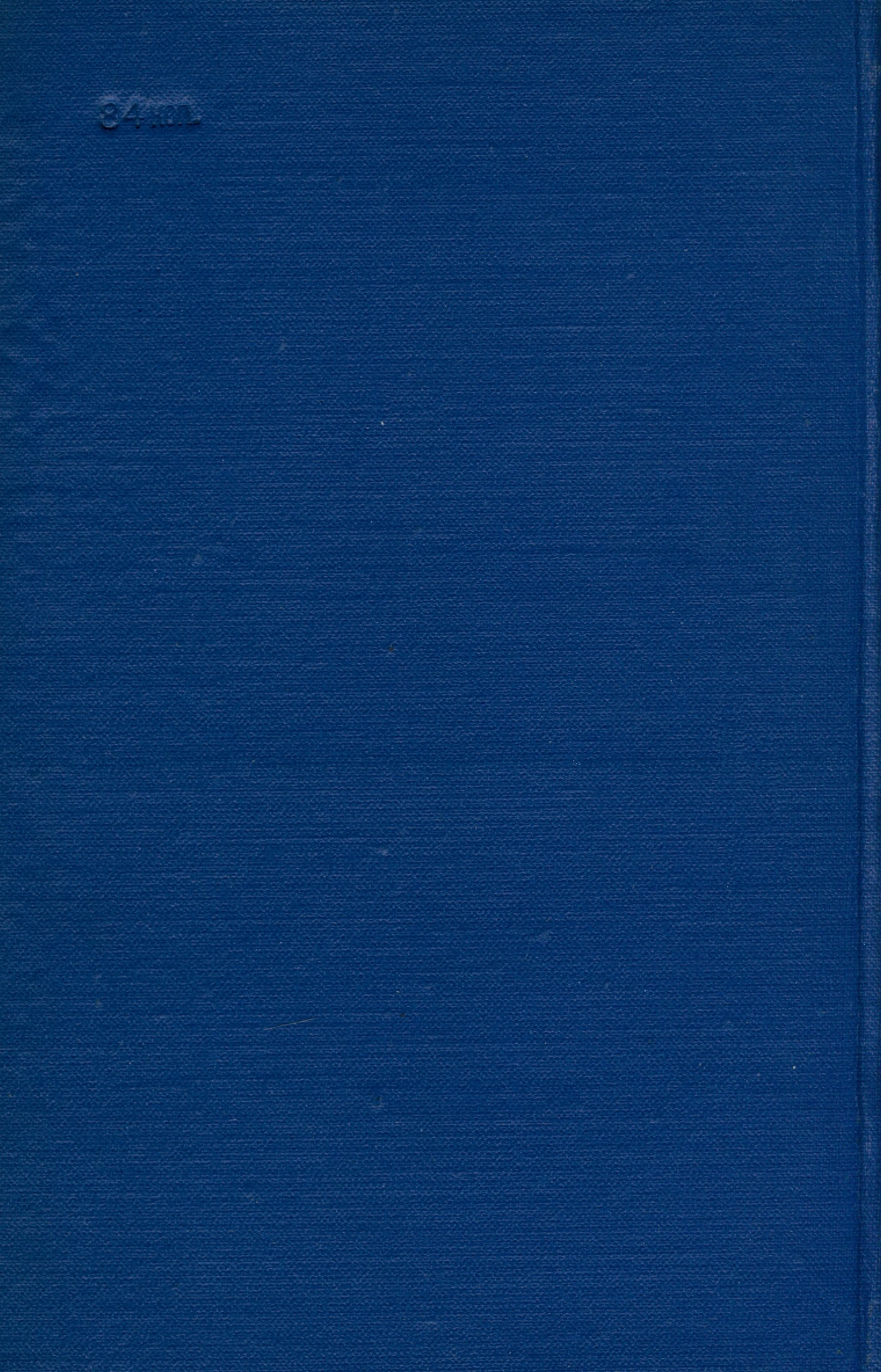
Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УЦБиПП Ленсовнархоза, Ленинград, Красная ул., 1/3

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	5 сн.	колосс	колос
103	12 св.	Дрожат на	Дрожат за
301	8 св.	ни тяжек	не тяжек

На стр. 386 (строки 7—10 св.) примечаний допущена ошибка. Вместо «*Товарищ* — К. Н. Леонтьев... его изданий» следует читать: «*Товарищ* — П. М. Леонтьев (1822—1874), филолог-классик и реакционный журналист, помощник М. Н. Каткова по изданию РВ и МВ».


84